

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра политических наук

На правах рукописи

Нагорных Олег Владимирович

**Политика декоммунизации в современной Польше:
сущность, направления, механизмы реализации**

Специальность 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, доцент
Керимов А. А.

Екатеринбург – 2022

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования трансформационных процессов	14
1.1. Теории модернизации: политологический анализ	14
1.2. Декоммунизация: понятие, сущность, основные направления политики декоммунизации	38
1.3. Исторические предпосылки и социально-культурные основания трансформационных процессов в Польше	64
Глава 2. Политико-административные, социально-экономические и правовые аспекты политики декоммунизации в Польше	85
2.1. Декоммунизация в политической системе польского общества: трансформация механизмов управления	85
2.2. Социально-экономические аспекты политики декоммунизации	118
2.3. Правосудие переходного периода как элемент политики декоммунизации	143
Заключение	169
Список литературы	175
Приложения	199

Введение

Актуальность темы исследования. На современном этапе возросший интерес к проблемам политики декоммунизации повышает спрос на исследования, направленные на выявление и изучение специфики этого явления. Данная проблема особенно актуальна для трансформирующихся обществ, которые на рубеже 80-90 гг. прошлого столетия взяли курс на переход от тоталитаризма и авторитаризма к демократии.

Как показывает динамика трансформационных процессов, политические институты в этих обществах по причине отсутствия опыта функционирования и взаимодействия в новой социально-политической среде столкнулись с определенными трудностями, что, в свою очередь, породило дискуссию о том, какие условия и факторы, институты и практики обуславливают формирование демократической системы, оказывают влияние на этот процесс. Иными словами, актуализировался и оказался в центре политологического дискурса вопрос поиска путей, механизмов, оптимальной модели формирования институтов политической, экономической и правовой системы, которые могли бы оказать содействие успешному завершению процесса трансформации и обеспечить стабильность в обществе.

По прошествии более чем тридцатилетнего промежутка времени с начала трансформационных процессов, целью которых был переход от авторитаризма, тоталитаризма к демократии, можно констатировать, что страны социалистического блока, выбравшие вектор развития по демократическим

лекалам, проделали немалый путь. Однако траектории этого пути оказались разными. Некоторые страны, например, прибалтийские республики, Чехия и др., можно сказать, что приблизились к западным стандартам демократии, в то время как другие, согласно логике С. Хантингтона, свернули процесс широкой демократизации, и вернулись к мягким моделям авторитаризма.

Среди последних особо выделяется современная Польша, которая, по сути, находилась в авангарде трансформационных процессов среди всех стран социалистического блока. Однако в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств польское общество, хотя и приблизилось к предвосхищаемой цели, сегодня демонстрирует более консервативные тренды в преобразовательных процессах. В большей степени политическая элита Польши ориентирована не на заимствования и подражание западным моделям демократии, а на поиск собственной модели посредством политики декоммунизации, которая рассматривается как необходимое условие дальнейшего поступательного движения польского общества и государства. По этой причине, как и в ряде стран бывшего социалистического лагеря, в Польше антикоммунистическая риторика задает тон дискуссиям в обществе, определяет содержание государственной политики и занимает практически определяющие позиции во всех сферах общественной жизни современной Польши.

Степень разработанности проблемы. Традиционно все трансформационные процессы глобального масштаба рассматриваются через призму теорий модернизации. Здесь нет недостатка в научной литературе, которая не охватила бы различные аспекты этой обширной темы. Среди этих трудов можно выделить работы Г. Алмонда, Т. Карла, М. Леви, С. Липсета, Г. О’Доннелла, Р. Патнэма, А. Пшеворского, Д. Растоу, С. Хантингтона, Ф. Шмиттера, С. Эйзенштадта и др.¹, которые составляют теоретико-

¹ Алмонд Г., Верба Г. Гражданская культура: политические установки демократии в пяти странах. М. : Мысль, 2014. 499 с.; Карл Т. Л., Шмиттер Ф. К. Пути перехода от авторитаризма к демократии в Латинской Америке, Южной и Восточной Европе // Международный журнал социальных наук. 1991. № 1. С. 29-46; Липсет С. Политический человек: социальные основания политики. М. : Мысль, 2016. 612 с.; Г. О’Доннелл, Ф. Шмиттер. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies: Volume

методологическую базу для изучения процессов модернизации. Эта проблема не осталась вне внимания и российских исследователей. Различные грани вопроса рассмотрены в работах В. А. Ачкасова, П. К. Гончарова, В. В. Лапкина, В. И. Пантина, А. И. Соловьева и др.², которые также имеют определенную научную ценность при анализе проблем, связанных с модернизационными процессами.

В начале 90-х гг. прошлого века научная среда для изучения трансформационных процессов в странах социалистического блока предложила новый подход, который в политической науке получил название транзитологии, претендующей на статус отдельной теории. Транзитология была продуктом преимущественно немецкой политической школы и была представлена видными учеными, среди которых Г. Визенталь, Р. Гетц, Х.-Д. Клингеманн, Р. Майнц, В. Меркель, К. Оффе, Ф. Рюб и др.

Они считали, что целью трансформационных процессов является отказ от тоталитарных, авторитарных режимов и результатом транзита (перехода) должно стать установление и укоренение демократических принципов в новых обществах. Однако практика показала, что не каждая трансформация приводит к торжеству демократии, что убедительно доказал С. Хантингтон. Однако

4 Rareback – 10 Jan. 1990; Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem, 1996. 287 с.; Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М. : РОССПЭН, 1999. 319 с.; Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. №5. С.5-16; Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 365 с.; Эйзенштадт С. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект Пресс, 1999. 416 с.

² Ачкасов В. А. Россия как разрушающееся традиционное общество // Полис. Политические исследования. 2001. № 3. С. 83–92; Гончаров П. К. Политический транзит: от концепции модернизации к парадигме транзитологии // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2006. № 2. С. 59–78; Пантин В. И., Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы [Электронный ресурс]. URL : <http://ss.xsp.ru/st/003/> (дата обращения 09.11.2021); Соловьев А. И. Политология: Политическая теория. Политические технологии : учеб. для студентов высш. учеб. заведений. М. : Аспект Пресс, 2003. 559 с.; Соловьев А. И. Российские трансформации: проблемы, измерения, диагностики, прогнозирования // Россия в условиях трансформации: историко-политологический семинар. 2002. Вып. 17. С. 54–64.

отрицать значение транзитологии, которая не стала политологической субдисциплиной, нельзя, поскольку, обладая некоторым эвристичным потенциалом, она помогает в понимании трансформационных процессов на начальном этапе.

Среди российских исследователей также были сторонники транзитологии, которые в своих работах с небольшими вариациями интерпретировали разработки немецких ученых, а также подвергали их некоторой критике. В этом ключе следует выделить работы В. А. Ачкасова, П. К. Гончарова, А. А. Иванова, Г. С. Працко, В. Ю. Шпака и др.³

Поскольку транзитология с научной точки зрения оказалась не вполне достаточным методом для изучения преобразовательных процессов и в какой-то степени несла в себе элементы идеологизированного подхода, возникла необходимость в поиске других способов для изучения и интерпретации событий, явлений, процессов, происходящих в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в постсоциалистическую эпоху. Этот подход в политической науке получил название декоммунизации, которая начинает завоевывать свое место и которую исследователи активно начинают использовать.

Ценными для изучения преобразовательных процессов через призму декоммунизации представляются труды как зарубежных, так и отечественных специалистов. Среди зарубежных исследователей можно выделить А. Чарноту, М. Лос, Н. Садурски, Х. Вельш, Л. Стана, Я. Залесны, Р. Давида, В. Ганева и

³ Ачкасов В. А. Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 30–37; Гончаров П. К. Политический транзит: от концепции модернизации к парадигме транзитологии // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2006. № 2. С. 59–78; Иванова А. А. Транзитология и ее критики о трансформации политического режима // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология, культурология. 2011. Вып. 6. С. 173–178; Працко Г. С., Шпак В. Ю. Политические транзиты и трансформации // Философия права. 2013. № 5(60). С. 69–72.

др.⁴, которые в своих трудах затрагивают различные аспекты проблемы на основе анализа постсоциалистических практик в странах ЦВЕ.

Декоммунизация как научная проблема становится привлекательной и для российских исследователей. В этом отношении следует выделить работы С. И. Белова, Е. В. Лезиной, Е. Ю. Мелешкиной, А. В. Оболонского, О. Н. Майоровой, Л. П. Репиной, О. Ф. Русаковой, В. М. Русакова и др.⁵, которые оказались полезными при написании данной работы.

Особое место в историографии проблемы занимают труды польских исследователей. В диссертационном исследовании представлено более 130 работ как на польском, так и на английском языках.

Несмотря на актуальность вопросов исследования, работ, посвященных декоммунизации, не так много. Однако на протяжении десятилетий зарубежные

⁴ Czarnota A. Lustration, Decommunisation and the Rule of Law // Hague Journal on the Rule of Law. 2009. Vol. 1, Is. 2. P. 307–336; Łoś M. Lustration and Truth Claims: Unfinished Revolutions in Central Europe // Law and Social Inquiry. 1995. Vol. 20, Is. 1. P. 117–161; Sadurski W. Rights Before Courts. A Study of Constitutional Courts in Postcommunist States of Central and Eastern Europe. Springer, 2014. 455 p.; Welsh H. A. Dealing with the communist past: Central and East European experiences after 1990 // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48, Is. 3. P. 413–428; Stan L. Transitional Justice in Eastern Europe and the former Soviet Union: reckoning with the Communist past. London : Routledge, 2009. 307 p.; Залесны Я. Трансформация механизмов управления в Польше после 1989 года // Studia Politologiczne. 2013. Vol. 30. С. 42–67; David R. What We Know About Transitional Justice: Survey and Experimental Evidence // Political Psychology. 2017. Vol. 38, Is. S1. Advances in Political Psychology. P. 151–177; Ganev V. I. Preying on the State: The Transformation of Bulgaria after 1989. New York : Cornell University Press, 2007. 240 p.

⁵ Белов С. И. Политика декоммунизации Европы и угрозы для национальной безопасности России (по материалам Парламентской Ассамблеи Совета Европы) // Информационные войны. 2018. № 3(47). С. 65–71; Лёзина Е. Люстрация и открытие архивов в странах Центральной и Восточной Европы // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. № 2(120). С. 48–89; Майорова О. Н. 25 лет трансформации в Польше: плюсы и минусы // Славянский мир в третьем тысячелетии: сб. науч. тр. / ФГБУН Ин-т славяноведения РАН, Ин-т славянской культуры. М. : Ин-т славяноведения РАН. 2015. Вып. 10. Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. С. 177–185; Мелешкина Е. Ю. Отвергая символику прошлого: влияние условий политического развития на принятие законов о декоммунизации // Политическая наука. 2018. № 1. С. 148–172; Оболонский А. В. Люстрация как институт периода транзита: плюсы и минусы // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 4. С. 87–101; Репина Л. П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9–15; Русакова О. Ф., Русаков В. М. Агональный дискурс современной политики памяти // Дискурс-Пи. 2015. № 1(18). С. 10–19.

и отечественные ученые изучали ряд других аспектов трансформационных процессов, которые формируют исследовательское поле диссертации.

Таким образом, анализ литературы, посвященной проблемам декоммунизации, показывает, что наблюдается повышенный исследовательский интерес к этому вопросу как со стороны российских, так и зарубежных ученых, но, тем не менее, на данном этапе тему нельзя считать достаточно разработанной. На сегодняшний день отсутствуют работы, в которых была бы предпринята попытка концептуализировать это явление. В то же время анализ имеющихся источников и материалов позволяет выйти на новый уровень научного обобщения и придать исследованию проблематики декоммунизации более целостный характер.

Источниковая база исследования. По уровню и форме обобщения информации все источники можно разделить на три группы.

Первая группа: официальные источники – государственно-правовые документы (Конституция Польши, указы, распоряжения, постановления Президента, Правительства, Сейма, Сената). Эта группа документов отражает официальную точку зрения государственных органов власти, которые формируют основные тенденции развития общества.

Вторая группа: программные, уставные документы, материалы съездов, конференций политических партий, движений, общественных и религиозных объединений. Данный круг источников позволяет определить отношение общественно-политических объединений и групп к происходящим событиям в стране, приоритеты в законодательстве, а также межпартийные, межфракционные отношения в польском парламенте.

Третья группа: выступления, публикации государственных, политических лидеров и деятелей как мемуарного, так и исследовательского плана. Сюда также входят выступления, статьи, интервью в средствах массовой информации государственных и политических лидеров и деятелей.

Четвертая группа: выступления, публикации видных общественных деятелей, ученых и экспертов о содержании, признаках и особенностях политических процессов в Польше;

Пятая группа: аналитические материалы и публикации в СМИ;

Шестая группа: интернет-ресурсы.

Объектом диссертационного исследования является польское государство и общество в постсоциалистическую эпоху.

Предметом исследования является комплексный процесс декоммунизации во всех сферах государственной и общественной жизни современной Польши.

Цель исследования – выявление сущности, содержания и основных характеристик процесса декоммунизации в современной Польше.

Задачи работы:

- исследовать различные теории модернизации в контексте обозначенной цели диссертационного исследования;
- проанализировать понятие и сущность политики декоммунизации, дать оценку имеющимся в научной литературе интерпретациям, раскрывающим содержание данной дефиниции;
- выявить исторические предпосылки и социально-культурные основания трансформационных процессов;
- раскрыть политико-административные аспекты политики декоммунизации в современной Польше;
- проанализировать особенности политики декоммунизации в социально-экономической сфере;
- выявить сущность правосудия переходного периода как элемент политики декоммунизации;
- определить перспективы дальнейшего развития трансформационных процессов в современной Польше и влияния на них политики декоммунизации.

Научная новизна работы заключается в постановке проблемы и осуществлении комплексного исследования процесса декоммунизации во всех

сферах государственной и общественной жизни современной Польши, в рамках которого:

- изучены различные трактовки понятия декоммунизации, выявлены признаки, сущность и направления реализации политики декоммунизации;
- охарактеризованы исторические предпосылки и социально-культурные основания трансформационных процессов, в частности политики декоммунизации в современной Польше;
- предложена авторская интерпретация политических процессов в современной Польше, определивших специфику политики декоммунизации;
- выявлены и охарактеризованы политико-административные аспекты политики декоммунизации в современной Польше;
- определены содержательные особенности политики декоммунизации в социально-экономической сфере;
- установлены характерные черты и сущность правосудия переходного периода как элемента политики декоммунизации;
- определены перспективы дальнейшего развития трансформационных процессов в современной Польше и влияние на них политики декоммунизации.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в систематизации накопленных знаний о существенных особенностях политики декоммунизации, выявлении сущности, содержания и основных характеристик процесса декоммунизации в современной Польше. Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы при анализе состояния современного польского государства и общества. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке и чтении учебных курсов для студентов, обучающихся по направлениям «Политология», «Государственное и муниципальное управление», «История».

Методология и методы исследования. Проблемы социально-политических преобразований по своему теоретическому и практическому значению относятся к фундаментальным вопросам политической науки.

Для решения поставленных задач автор опирается на приемы структурно-функционального анализа и системного подхода. Структурно-функциональный анализ позволяет рассматривать политику декоммунизации как систему со сложной структурой, где каждый элемент имеет определенное значение и выполняет определенные функции, обеспечивающие целостность этой структуры, а использование системного подхода позволяет анализировать проблематику в контексте развития процессов взаимодействия государства и гражданского общества. Такое рассмотрение показывает, что политика декоммунизации с ее специфическими особенностями является отражением трансформационных процессов политической системы и общественных отношений на конкретном историческом этапе.

Важным при анализе политики декоммунизации представляется использование институционального подхода, который фокусируется на функционировании различных институтов, их составляющих и раскрывает степень их эффективности.

Наряду с институциональным подходом в работе также используется неинституциональный подход, в рамках которого декоммунизация рассматривается через призму формальных и неформальных норм и установок, образующих сложные взаимоотношения социальных субъектов по поводу власти.

В диссертационном исследовании используется исторический подход с целью рассмотрения политики декоммунизации с учетом традиций и закономерностей общественно-политического развития общества и выявления связей прошлого, настоящего и будущего.

В работе также используется социологический подход, позволяющий выяснить зависимость политики декоммунизации от общества, социальную обусловленность политических явлений, влияние экономических, социальных, культурных отношений на этот процесс.

Для того чтобы прояснить значение политики декоммунизации для общества и личности и уточнить их оценку этого явления с точки зрения

общего блага, справедливости, свободы, уважения прав человека и уважения его достоинства, в работе также используется нормативно-ценностный подход.

Положения, выносимые на защиту:

1. Декоммунизацию можно определить как совокупность идей, теорий и практик, рассматриваемых в рамках политического транзита, направленных на изменение политических институтов, социально-политических, социально-экономических, культурных, нормативно-правовых отношений.

2. На специфику и динамику декоммунизации влияют развитие политических институтов, политическая культура, развитие гражданского общества, политическая конкуренция, степень вовлеченности бывшей элиты в политические процессы, способы разрешения политических конфликтов не только на современном этапе развития, но и в доавторитарный и авторитарный периоды.

3. Успех политики декоммунизации в Польше во многом детерминирован процессами интеграции Польши в ЕС. Наиболее значимыми проблемами в этой связи являются социально-экономическое благополучие граждан, укрепление специфических неформальных институтов и практик, успешное решение которых увеличит дистанцию в сознании и реальности общества, между коммунистическим прошлым и демократическим будущим.

4. Условием успешной реализации политики декоммунизации на начальном этапе является стабилизация экономики, от которой зависят дальнейшие перспективы преобразований, поскольку она создает условия для достижения политической консолидации, устойчивого функционирования политических демократических институтов и проявления частной инициативы, способной обеспечить устойчивый экономический рост.

5. Осуществление политики правосудия переходного периода в Польше не привело к искоренению исторических несправедливостей, восстановлению имущественных прав пострадавших, установлению консенсуса в польском обществе относительно происходящих политических, социально-экономических, правовых преобразований.

6. В структуре политики декоммунизации важное место отводится политике памяти, целью которой является не установление исторической истины, а использование ее для создания определенного образа прошлого в общественном и индивидуальном сознании с целью влияния на настоящее.

Достоверность результатов проведенного исследования подтверждается использованием работ ведущих отечественных и зарубежных ученых по исследуемой проблеме, данных социологических исследований, корректным использованием методов обоснования выводов и рекомендаций.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на заседании кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина и рекомендована к защите.

Основные положения и результаты исследования отражены в 13 публикациях общим объемом 6,46 п.л., в том числе в 6 статьях в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ.

Концептуальные идеи исследования обсуждались на научных конференциях в г. Екатеринбурге (2017), г. Севастополе (2018), г. Санкт-Петербурге (2018), г. Петрозаводске (2021).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, содержащих шесть параграфов, заключения, списка использованной литературы.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования трансформационных процессов

1.1. Теории модернизации как категория политологического анализа

Период конца 80-х – начала 90-х гг. стал одной из наиболее важнейших и значимых вех прошлого столетия. В короткий срок был разрушен мировой порядок, в основе которого лежало острое политическое, экономическое и идеологическое противостояние двух социальных систем: социалистической и капиталистической. «Установившийся во второй половине 40-х годов новый миропорядок на протяжении десятилетий определял характер геополитической ситуации, политических процессов и в целом политический климат на земном шаре в прошлом веке»⁶. Однако бурные события рубежа 80-90 гг. XX в. разрушили сложившийся порядок и запустили более сложные процессы перехода от авторитаризма и тоталитаризма к демократии.

Этот процесс в политической науке получил название трансформации, однако для описания процессов в странах социалистического лагеря также используются другие дефиниции, такие как «переход», «смена системы», «системное изменение» и т.д. При рассмотрении процесса трансформации, на наш взгляд, ни в коем случае нельзя подходить к нему односторонне, сосредотачивая исследовательское внимание преимущественно на его политических, либо экономических аспектах, или, вообще, отрывая один от другого. Такой узкий подход представляется неэффективным и

⁶ Вшивцева М. Н., Миронов Д. А. Политическое и социально-экономическое развитие на посткоммунистическом пространстве в первой половине 90-х годов: основные тенденции и перспективы. Екатеринбург : Издательство ООО РИА «ФИЛАНТРОП», 2002. С. 4.

малопродуктивным по нескольким причинам: во-первых, трансформация везде началась как единый процесс, охвативший политическую и экономическую систему, т.к. уже изначально обе эти стороны трансформации находились в неразрывной связи; во-вторых, политические и экономические аспекты трансформации взаимно обуславливают друг друга и постоянно оказывают обоюдное влияние, в частности, относительно развитая рыночная экономика создает благоприятные условия для развития политической демократии в стране, и, наоборот, демократизация политической жизни существенно способствует либерализации экономики.

В политической науке можно выделить четыре направления в теории и эмпирических исследованиях трансформации: системные, структуралистские, культуралистские и теорию акторов. Эти подходы отличаются тем, что они ориентированы на поиски причин, успехов, неудач демократизации в различных социальных подсистемах: системно-ориентированные сторонники теории модернизации – в экономике и обществе; структуралисты – в государстве и социальной структуре; культуралисты – в религии, культуре; сторонники теории акторов – в политической сфере.

Методологическую основу системно-теоретического подхода к теории модернизации составляют идеи О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Н. Лумана и др. исследователей. Системно-теоретический подход освещает в первую очередь «связь функциональных потребностей социально-экономических систем с возникновением социальных и политических структур, которые удовлетворяют возникающие запросы. Они оказываются особенно эффективными при рассмотрении дисфункций, послуживших причиной трансформации старых (авторитарных) систем и социально-экономических предпосылок установления новых (демократических) систем»⁷.

⁷ Меркель В. Теории трансформации. Структура или актор, система или действие? // Повороты истории: постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. Т. 1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. СПб. ; М., 2003. С. 56.

На наш взгляд, наиболее исчерпывающее определение модернизации было сформулировано израильским ученым С. Эйзенштадтом, который определяет ее как «процесс изменения в направлении тех типов социальных, экономических и политических систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX века и затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX веках – на южноамериканский, Азиатский и Африканский континенты»⁸.

Согласно М. Леви, сутью модернизации является рационализация. Главным модернизирующим фактором он считал капитал, способный транслировать социальные технологии, ценности, демократические институты⁹.

Не вдаваясь в подробности системной теории Т. Парсонса, отметим, что ученый рассматривает модернизацию как дифференциацию четырех центральных функциональных систем: экономики (адаптация), политики (целестремление), социетального сообщества (интеграция) и культуры (воспроизводство ценностей)¹⁰. С точки зрения Т. Парсонса, это развитие является как нормативным, так и исторически установленным. Следовательно, оно носит универсальный характер.

Опираясь на теорию Т. Парсонса, М. Липсет относительно проблем модернизации как перехода к демократии сформулировал фундаментальное условие демократии, поставив уровень ее развития в прямую зависимость от социально-экономических условий развития общества. В частности, ученый отмечает: «чем выше уровень благосостояния нации, тем больше у нее шансов поддерживать демократию. Только в процветающем обществе, в котором относительно немного граждан живут за чертой бедности, возможна ситуация, при которой массы населения разумно участвуют в политике и придерживаются той степени самоограничения, которая необходима для того,

⁸ Эйзенштадт С. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект Пресс, 1999. С. 118.

⁹ Levi M. J. Modernization and the Structure of Societies: A Setting for International Affairs. Vol. 1–2. Princeton : Princeton University Press, 1966. P. 735.

¹⁰ Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 16–24.

чтобы не поддаваться лозунгам безответственных демагогов»¹¹. Исследователь доказал, что «все многообразие аспектов экономического развития – индустриализация, урбанизация, достаток и образование – настолько тесно взаимосвязаны, что образуют один центральный фактор, находящийся в корреляции с политической демократией»¹². В то время как «массы» развивают более умеренное, долгосрочное понимание политики, у элиты меняются установки по отношению к населению, которое все меньше рассматривается как «неспособное к разумному политическому участию»¹³. Другими словами, повышение уровня общественного благосостояния уменьшает крайнее экономическое неравенство, сглаживает социальные различия, смягчает политический радикализм низших, консерватизм верхних слоев и укрепляет средние слои, требующие политического участия.

Примерно в таком же русле рассуждает и А. Инкелес, который утверждает, что «благодаря росту уровня образованности и профессиональной дифференциации социально-экономическое развитие приводит к усложнению социума, появлению автономно думающих и мыслящих людей, стремящихся к большей социальной активности и самостоятельности»¹⁴. Следствием такого сдвига является появление экономически независимого индивида, который стремится к расширению горизонтов своей свободы.

Другой исследователь проблематики модернизации, А. Пшеворский, используя статистические методы и эмпирические исследования, отмечает, что экономическое развитие продлевает существование демократий, но не порождает их. С его точки зрения, демократии возникают почти случайно, и те же самые случайности сопровождают их на всех уровнях развития¹⁵.

¹¹ Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. М. : Мысль, 2016. С. 55.

¹² Там же, с. 55.

¹³ Там же.

¹⁴ Inkeles A. Exploring Individual Modernity. New York : Columbia University Press, 2010. P. 49.

¹⁵ Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950-1990. Cambridge : Cambridge University Press, 2000 [Electronic resource]. URL : <http://books.google.co.uk/books?id=8uocGV0ftMC> (дата обращения: 15.11.2021).

Значительный вклад в развитие теории модернизации внесли Г. Алмонд и Л. Пай. В частности, Г. Алмонд считает, что главным критерием политической модернизации является «вовлечение населения в систему политического представительства, а главным условием – стабильность, которая достигается через диалог между элитой и обществом»¹⁶. В то же время он считает, что ответственность за успех политической модернизации лежит на политическом классе. Такой же позиции придерживается Л. Пай, который подчеркивает, что необходимо расширить количество причастных к принятию важнейших, общественно значимых решений¹⁷. Тем самым ученый подчеркивает зависимость легитимности решений власти и самой власти от политического участия.

Если для Г. Алмонда и Л. Пая вовлечение населения в политические процессы является основополагающим фактором политической модернизации, то С. Хантингтон с осторожностью относится к росту политического участия, рассматривая его как угрозу модернизации, если реальный уровень подготовленности масс не будет соответствовать такому участию. Он связывает модернизацию с уровнем устойчивости и организованности политических институтов. Он политическую модернизацию рассматривает как одну из форм политического развития и связывает ее с рационализацией власти, дифференциацией структур и ростом политической активности населения¹⁸.

Обобщая мнение западных ученых относительно модернизации, отметим, что модернизация в широком смысле рассматривается ими как цивилизационный сдвиг, переход от традиционного общества к более современным типам.

Среди российских исследователей относительно сути и содержания

¹⁶ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки демократии в пяти странах. М. : Мысль, 2014. С. 603–604.

¹⁷ Pye L. W. Political Science and the Crisis of Authoritarianism // American Political Science Review. 1990. Vol. 84, Is. 1. P. 3–19.

¹⁸ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 51.

модернизации так же нет единого мнения. Все разработки теории модернизации в российской науке опираются на два подхода: исторический и философский. С позиций исторического знания модернизация рассматривается как уникальное конкретно-историческое событие, а как философская категория модернизация трактуется как прогрессивное развитие по восходящей линии, переход общества в новое состояние, соответствующее требованиям современности. П. К. Гончаров считает, что вторая трактовка более предпочтительна, поскольку такое понимание модернизации позволяет охватить процесс прогрессивного развития различных стран и регионов мира во всей его полноте и многообразии¹⁹. С точки зрения А. И. Соловьева, «теория модернизации представляет собой совокупность различных схем и моделей анализа, позволяющих описывать и раскрывать динамику преодоления отсталости от более передовых государств»²⁰. В такой интерпретации теория модернизации выступает в качестве научной основы концепции «догоняющего развития» и предполагает, что ориентиром для отстающих является опыт западных стран, к чему необходимо и стремиться. Этот процесс получил название «вестернизация», т. е. заимствование и внедрение образцов западного устройства общественной жизни.

В трудах российских специалистов наблюдается и более широкое толкование теории модернизации. Так, В. А. Ачкасов понимает теорию модернизации как «совокупность процессов индустриализации, бюрократизации, секуляризации, урбанизации, формирования систем всеобщего образования, представительной политической власти, общественной и социальной мобильности, приводящих к формированию современного открытого общества в противовес закрытому традиционному»²¹.

¹⁹ Гончаров П. К. Политический транзит: от концепции модернизации к парадигме транзитологии // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2006. № 2. С. 66.

²⁰ Соловьев А. И. Политология: Политическая теория. Политические технологии : учеб. для студентов высш. учеб. заведений. М. : Аспект Пресс, 2003. С. 296.

²¹ Ачкасов В. А. Россия как разрушающееся традиционное общество // Полис. Политические исследования. 2001. № 3. С. 84.

Таким образом, теория модернизации относится к конкретному историческому социальному процессу, происходившему в различных странах при определенных условиях, таких как, например, становление капитализма или, другими словами, формирование индустриального общества и т. д. В этом случае модернизация носит стихийный, естественный характер. Вместе с тем следует добавить мнение В. И. Пантина и В. В. Лапкина, которые в процессе политической модернизации выделяют «готовность модернизирующегося общества к изменениям во всех сферах общества, а также желание развитых стран оказать эффективную политическую и экономическую помощь»²².

Теория модернизации связывает переход к демократии главным образом с экономическими предпосылками, оставляя открытым вопрос о политических действиях, необходимых для движения к демократии. Эти пробелы могут быть восполнены структуралистским подходом к изучению теории трансформации, который дает ответы на эти вопросы.

Структуралистский подход, который фокусируется на анализе государственной и социальной структуры обществ, подверженных политической трансформации, связывает успехи или неудачи демократии и демократизации с долгосрочными сдвигами в структуре власти общества. Сторонники данного подхода стремятся выделить факторы, оказывающие влияние на траекторию движения общества к диктатуре или демократии, от диктатуры к демократии или наоборот, рассматривая это путь как политическую модернизацию. Структуралисты акцентируют внимание на том, что к модернизации общество может двигаться разными путями, и демократия здесь становится не неизбежным результатом, а лишь возможным результатом политической трансформации. Например, Б. Мур в качестве условий, от реализации которых зависит установление демократии, выделяет: «распределение власти внутри элиты; экономическая основа; констелляция классовых коалиций; распределение власти между социальными классами;

²² Пантин В. И., Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы [Электронный ресурс]. URL : <http://ss.xsp.ru/st/003/> (дата обращения 09.11.2021).

автономия государства по отношению к доминирующему классу»²³.

Подвергнув критике отдельные положения теории Б. Мура, структуралисты модифицировали и развили некоторые его рассуждения. В частности, успех демократии и демократизации Д. Рюшемайер, Е. Стефенс, Дж. Стефенс ставят в зависимость от оформления властных отношений между государством и социальными группами, между самими классами, а также от степени транснационального влияния на эти отношения²⁴. Следовательно, с точки зрения этих ученых, демократизация зависит от классовой структуры общества и возможных коалиций, а также от властных отношений между государством и гражданским обществом.

Примерно такую же позицию занимает израильский ученый С. Эйзенштадт, связывающий политическую модернизацию с созданием дифференцированной политической структуры с высокой специализацией политических ролей и институтов; территориальным и функциональным расширением поля центрального законодательства; постоянным расширением вовлеченности социальных групп в политическую жизнь; возникновением и ростом рациональной политической бюрократии; ослаблением традиционных элит и их легитимности, заменой традиционных элит модернизирующимися элитами²⁵.

В продолжение этих мыслей, Т. Ванханен развивает тезис о том, что чем сильнее рассредоточение властных ресурсов в обществе, тем выше степень его демократизации, другими словами, чем выше концентрация власти в обществе, тем сильнее препятствия на пути к демократии. За данным тезисом стоит идея о том, что « процесс демократизации в обществе обещает успех тогда, когда властные ресурсы настолько распылены, что ни одна группа больше не в

²³ Moore B. Soziale Ursprünge von Diktatur und Demokratie: Die Rolle der Grundbesitzer und Bauern bei der Entstehung der modernen Welt. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1969. P. 495.

²⁴ Rueschemeyer D., Stephens E. H., Stephens J. D. Capitalist Development and Democracy. Chicago : University of Chicago Press, 1992. P. 47.

²⁵ Эйзенштадт С. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект Пресс, 1999. 416 с.

состоянии подавить своих социальных конкурентов или другие и сохранить собственную социальную и политическую гегемонию. Демократия возникает, прежде всего, как рациональный компромисс между элитами и социальными группами общества. Чем менее ассиметрично распределение властных ресурсов, тем вероятнее такой базисный демократический компромисс»²⁶, - подытоживает исследователь.

Таким образом, если в рамках модернизационного подхода перед исследователями стоит задача обоснования перехода от традиционного общества к индустриальному, а затем и к постиндустриальному, то в исследовании политической модернизации важное место отводится анализу «изменений в политической сфере модернизирующегося общества, в ходе которых формируется многокомпонентная, полифункциональная политическая система современного общества»²⁷. В нашем понимании политическая модернизация представляет собой качественную трансформацию в различных сферах жизни общества, которая зависит от культурного фона, взаимодействия политических элит, участия населения в политической жизни, способов и условий принятия политических решений, наличия институционализированных структур и механизмов артикуляции и агрегации различных интересов.

В целом, обобщая смысл структуралистского подхода, отметим, что он связывает демократизацию со структурными изменениями власти, тем самым отодвигая экономический детерминизм на периферию. Этот подход не придает большого значения изучению интересов социальных групп, не учитывает религиозную и культурную составляющие межгрупповых отношений, властных отношений. Этот аспект теории трансформации находит свое отражение в культуралистских теориях, без изучения которых наше исследование не могло бы претендовать на относительную полноту научного труда.

²⁶ Vanhanen T. *Strategies of Democratization*. Washington : Crane Russak, 1992. P. 21.

²⁷ Гончаров П. К. Политический транзит: от концепции модернизации к парадигме транзитологии // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2006. № 2. С. 61.

Изучение влияния религиозно-культурных факторов на процесс демократизации не является новым шагом в научных исследованиях современности. Этому аспекту уделял достаточно внимания М. Вебер. На современном этапе данный аспект занимает значительное место в творчестве С. Хантингтона²⁸, Р. Патнэма²⁹, Ф. Фукуямы³⁰, Л. Харисона³¹. В частности, С. Хантингтон, рассуждая о предпосылках демократизации, подчеркивает роль религиозно-культурных традиций в обществе. Выделяя восемь типов культур различных цивилизаций, он ранжирует их по мере уменьшения их позитивного влияния на процесс демократизации. По мнению ученого, первые три типа – западная культура, латиноамериканская культура и японская культура – в разной степени совместимы с западными формами демократии. Православной, индуистской и африканской культурам он отводит промежуточное положение, подчеркивая, что они существенно не способствуют демократизации, в то же время не являются большим препятствием на пути к демократии. Конфуцианская и исламская культуры, по мнению С. Хантингтона, несовместимы с либеральной демократией³². Ф. Фукуяма, возражая С. Хантингтону относительно конфуцианства, отмечает: «политическое конфуцианство, как его описывает Хантингтон, в большей степени соответствует государственно-японскому, нежели китайскому конфуцианству с его сильным отпечатком семейственности. Между тем в Японии уже почти 50 лет существует демократия»³³. В отличие от конфуцианства, исламизм в различных религиозных вариантах находится в очевидном расхождении с демократией. «Политическая легитимность основывается на религиозных

²⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : Мидгард : АСТ, 2006. 576 с.

²⁹ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem, 1996. 287 с.

³⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. 576 с.

³¹ Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. М. : Мысль, 2016. 288 с.

³² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. 576 с.

³³ Фукуяма Ф. Конфуцианство и демократия // ПолитНаука. – политология в России и в мире [Электронный ресурс]. URL : <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama2.php> (дата обращения: 09.11.2021).

принципах, которые подчиняют конкретную политику не меняющимся демократическим предпочтениям, а вневременным догмам, и контролируется исламскими духовными лицами. Это несовместимо с демократией: демократическая политика напрямую зависит от периодически проводимых выборов»³⁴.

Рассматривая влияние религиозно-культурных факторов, следует сделать вывод о том, что они являются препятствием на пути демократизации тогда, когда они претендуют на превосходство якобы божественных законов над демократически конституированным порядком правового государства. Полное отделение религии от государства не является обязательным условием для функционирования демократии. Как справедливо отмечает В. Меркель, «чем больше верующие убеждены в том, что из религии вытекает право на противостояние политическим решениям, принимаемым демократическим и правовым путем, тем скорее религию следует воспринимать как фактор, препятствующий демократии»³⁵.

О культурных предпосылках демократии рассуждают и Ч. Вельцель с Р. Инглхартом. Подтверждая ранние идеи Г. Алмонда и С. Вербы относительно данной проблематики, они отмечают, что «существенный эффект от модернизации заключается не в том, что она делает демократию более приемлемой для элит, а в том, что она увеличивает способности и желание простых людей бороться за демократические институты»³⁶. Эту идею можно проиллюстрировать на примере революционных процессов в странах ЦВЕ на рубеже 80-90 гг. г. прошлого столетия, где экономическое неравенство было сравнительно небольшим, и умеренное требование перераспределения и демократии являлось единственным общественным запросом. Однако падению

³⁴ Меркель В. Теории трансформации. Структура или актор, система или действие? // Повороты истории: постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. Т. 1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. СПб. ; М., 2003. С. 73.

³⁵ Там же, с. 74.

³⁶ Welzel C., Inglehart R. The Role of Ordinary People in Democratization // Journal of Democracy. 2008. Vol. 19, Is. 1. P. 136.

авторитарных систем способствовали массовые протесты и борьба между обществом и политической элитой, которая шла не в области экономических требований, а в области политических прав и гражданских свобод.

Наряду с религиозно-культурными факторами в модернизации важную роль играют общественные ценности, традиции, обычаи, исторический опыт и т.п., именуемые социальным капиталом. Политические практики и институты без социального капитала не жизнеспособны. На данный аспект проблемы обращает внимание, в частности, Р. Патнэм, который отмечает, что «если социальная коммуникация общества определяется неформальными нормами общинной взаимности и доверия, гражданской вовлеченностью и самоорганизацией, такое общество не только делает более цивилизованными формы государственного господства, но и дополнительно стабилизирует и делает эффективными политические институты демократии»³⁷. Таким образом, накопленный социальный капитал придает устойчивость политическим отношениям и государству, повышает качество демократии, защищает общество и государство от хаоса и энтропии.

Анализ экономических предпосылок, особенностей и опыта государственного строительства, специфики социальной структуры, религиозных и культурных особенностей не будет исчерпывающим для понимания природы модернизации без изучения такого аспекта, как участие в этом процессе акторов, в качестве которых можно выделить групп, элит, политические партии и т.д. Именно акторы принимают решения, определяют вектор развития общества и государства. «Решение за или против демократии рассматривается ими как результат ситуативного, непрерывного определения релевантными акторами предпочтений, стратегий и возможности действий»³⁸. Как справедливо отмечают исследователи, «исход трансформационного

³⁷ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem, 1996. С. 181.

³⁸ Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М. : РОССПЭН, 2000. 320 с.

процесса зависит в меньшей степени от объективных обстоятельств или констелляций власти; большую роль играют субъективные оценки, стратегии и действия релевантных акторов; они влияют на решения, альянсы, процессы и модели трансформации»³⁹. Никакие объективные социальные, экономические, культурные или иные факторы не могут объяснить или предсказать, какие политические силы и акторы в той или иной ситуации будут защищать недемократический статус-кво или бороться за его свержение. Действия политических акторов, иницилирующих и осуществляющих демократический транзит, не предопределены даже их объективным положением в социальной структуре. Напротив, их субъективный выбор создает новые политические возможности. Такой подход объясняет процесс демократизации через взаимодействие конкурирующих элит, которые в процессе политического торга выбирают организационные формы и институты новой политической системы.

Очевидно, что социально-экономические структуры, политические институты, религиозно-культурные особенности общества, исторический опыт государственного строительства, международное влияние лишь создают площадку, где действуют элиты, исходя из собственных интересов. В данном случае успех возможен, а речь идет о переходе к демократии, если элита в целом консолидирована, между старой и новой элитой имеется соглашение, в обществе преодолены основополагающие разногласия, она выражает готовность к осуществлению реформ и существует умеренная системная оппозиция.

Среди теорий трансформации немаловажное значение имеет феномен политического транзита, представляющий собой «специфический процесс, основное содержание которого состоит в трансформации тоталитарной или авторитарно-государственной системы в направлении развития общего уровня демократии в государстве и обществе. При этом данный процесс следует понимать как внутреннюю и самую существенную часть так называемой

³⁹ Карл Т. Л., Шмиттер Ф. К. Пути перехода от авторитаризма к демократии в Латинской Америке, Южной и Восточной Европе // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 29–45.

модернизации, взятой в ее социально-политическом аспекте»⁴⁰.

В рамках транзитологического подхода целью политического транзита является определенная идеалотипическая модель политического режима, достижение которой рассматривается элитами и оппозиционными силами, влияющими на процесс принятия политических решений, как единственно возможный вариант разрешения социально значимых конфликтов в обществе. Также определение цели транзита включает в себя систему организации общества, ориентацию политических сил, находящихся у власти или пришедших к власти, на достижение модели консолидированной демократии. Результатом политического транзита теоретически должно стать достижение консолидированной демократии. На практике же нередки случаи возврата к авторитарным практикам управления властью, а также возникновения ситуаций зависания переходного режима в так называемой «серой зоне». В частности, это касается стран «третьей волны» демократизации.

Что касается самого транзита, то в его структуре традиционно выделяют три основных этапа: либерализацию, демократизацию и консолидацию демократии⁴¹. Либерализация должна касаться всех сфер общественной жизни. Обязательным условием успешной демократизации является либерализация, прежде всего, экономической и политической сфер. Либерализация наподобие пространства, где может возникнуть и развиваться демократия. Она является важнейшей предпосылкой дальнейшего успеха политического транзита. На этой стадии происходит «изменение политической культуры общества, поскольку в ходе этого процесса должно происходить укоренение демократических ценностей в массовом сознании, изменение базисных установок и ориентаций элит, стиля управления и принятия решений как на

⁴⁰ Ашимбаев М. С. Политический транзит: от глобального к национальному измерению. Астана : Ел-Орда, 2002. С. 12.

⁴¹ Иванова А. А. Транзитология и ее критики о трансформации политического режима // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология, культурология. 2011. Вып. 6. С. 174.

высшем, так и на более низких уровнях власти»⁴². Принятие демократических ценностей большинством населения, а также элитой как фундаментальной основы преобразований является важнейшим условием успешного развития общества и государства по демократическому пути.

По сути, то же самое утверждают Ф. Шмиттер и Г. О’Доннел, выделяющие три стадии в демократическом транзите: либерализацию, демократизацию и социализацию. Первая стадия характеризуется расширением гражданских прав населения без трансформации государственного аппарата власти. Целью этого этапа является создание либерально-демократической атмосферы в обществе и укрепление позиций правящей элиты, столь необходимые для успеха будущих реформ. Во второй стадии происходит «институционализация неопределенности, т.е. власть группы людей заменяется властью набора политических норм и правил». Подобная трансформация, по их мнению, может осуществиться при выполнении двух условий: «демонтажа прежнего авторитарного режима и сознательного выбора новыми политическими силами демократических институтов и процедур, в рамках которых им предстоит в дальнейшем соревноваться. При выполнении первого требования необходимо одновременно создавать условия, благоприятные для становления будущей политической системы»⁴³. Таким образом, «переход к демократии обретает черты необратимости, происходит реформирование во всех областях общественной жизни. После первых конкурентных выборов процесс демократизации становится неотъемлемой частью дальнейшего развития государства, в ходе которого происходит приобщение граждан к

⁴² Рукавишников В. О. Политическая культура и демократизация в посткоммунистических странах // Политический анализ : Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. По материалам проблемного семинара «Гражданская культура и формирование демократических институтов» в рамках II Российского общественно-научного Форума «Формирование гражданского общества в России» 21-23 февраля 2002 г. / под ред. Г. П. Артёмова. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. Вып. 3. С. 7.

⁴³ O’Donnell G., Schmitter P. C., Whitehead L. Transitions from Authoritarian Rule. Vol. 4. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore/London : Johns Hopkins University Press, 1986. 96 p.

новым правилам и принципам общественно-политической жизни, т. е. их ресоциализация⁴⁴.

Самой важной чертой демократического транзита является многообразие форм, в которых он протекает, считает французский политолог Ги Эрме. Исследователь в данном процессе выделяет три таких формы: «договорный переход»; «демократия сверху»; «совместно управляемая демократия»⁴⁵. Как представляется, эти формы не постоянны, и транзит в целом не может быть очерчен конкретными временными рамками перехода власти от прежнего политического класса к новому. «Это противоречие может отражаться в разных вариациях, формах и содержании, быстро меняться ситуативно, и результат демократического транзита может быть потенциальным и не только формально-правовым, но и неформальным, неправовым»⁴⁶.

Применительно к странам бывшего социалистического блока немецкий политолог Й. Гессе выделил наиболее характерные черты, присущие трансформационным процессам в этих странах. В частности, среди этих особенностей он отмечает: «переход от однопартийного правления к демократическому, плюралистическому; переход к многопартийной парламентской системе с целью создания ответственного правительства; децентрализацию власти и создание правового государства; отказ от принципа единства экономики и политики, что влечет за собой возникновение различных сфер политической и экономической жизни; масштабные экономические реформы, предполагающие развитие частного предпринимательства, денационализацию (или, скорее, приватизации) значительной доли собственности, ранее контролируемой государством, и существенную отмену

⁴⁴ O'Donnell G., Schmitter P. C., Whitehead L. Transitions from Authoritarian Rule. Vol. 4. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore/London : Johns Hopkins University Press, 1986. 96 p.

⁴⁵ Цит. по: Працко Г. С., Шпак В. Ю. Политические транзиты и трансформации // Философия права. 2013. № 5(60). С. 70.

⁴⁶ Там же.

контроля, а также либерализацию национальной экономики»⁴⁷. В представленной немецким исследователем схеме трансформация рассматривается как отказ от старой административной системы, изменение путем отрицания прошлого⁴⁸.

Итак, категория «демократический транзит» объединяет в своем содержании различные по характеру и результатам социальные преобразования, происходящие в русле современной демократической волны, но не может их досконально объяснить. Более того, демократические транзиты не означают гарантированного перехода к демократии, а тем более укрепление демократии во многих странах мира. Это полиморфный процесс перехода от одного общественно-политического и иного состояния к другому, более высокому, чем предыдущее.

Рассматривая транзит как переход к демократии, то в этом случае неизбежно встает вопрос о критериях демократии, которая является одним из ключевых понятий данной работы.

Критериям демократии посвящены труды различных научных коллективов и многих исследователей. Так, по мнению исследователей исследовательской группы «Фридом Хаус», главными критериями демократии выступают политические права и гражданские свободы, которые включают: обязательность выбора главы государства и (или) главы правительства либо другого носителя высшей власти путем свободных и честных выборов; обязательность выбора законодательной власти путем свободных и честных выборов; равенство избирательных возможностей и обеспечения проведения честных, открытых выборов; возможность избирателями наделить свободно избранных представителей реальной властью; свобода создания политических партий или других политических групп, способные состязаться друг с другом,

⁴⁷ Hesse J. J. Introduction // Administrative Transformation in Central and Eastern Europe: Towards Public Sector Reform in Post-Communist Societies / ed. by J. J. Hesse. Oxford : Blackwell, 1993. P. I–VIII.

⁴⁸ Hesse J. J. From Transformation to Modernization: Administrative Change in Central and Eastern Europe // Administrative Transformation in Central and Eastern Europe: Towards Public Sector Reform in Post-Communist Societies / ed. by J. J. Hesse. Oxford : Blackwell, 1993. P. 220.

возможность их участия в состязательной борьбе за приход к власти; наличие конструктивной оппозиции и наличие реальной возможности для оппозиции увеличить число своих сторонников или прийти к власти через выборы; невмешательство в выборный процесс военных, иностранных государств, олигархических групп и других сил, обладающих определенным могуществом; наличие для культурных, этнических, религиозных и других меньшинств разумных возможностей участия через неформальный консенсус в процессе принятия решений; если режим в стране – традиционная монархия, исключая существование партий и выборов, обеспечивает ли эта система консультации с народом, поощряет ли она обсуждение политических вопросов и допускает ли она право подачи петиций правителю⁴⁹. Среди гражданских свобод группа выделяет: свободу собраний, демонстраций и открытого общественного обсуждения; свободу политических и квазиполитических организаций, включая политические партии, организации граждан, группы, созданные для решения частных и сиюминутных вопросов, и т.д.; наличие свободных профсоюзов и союзов крестьян или их эквивалентов; возможность эффективно и коллективно отстаивать права перед работодателями; наличие независимого суда; равенство всех перед законом; возможность защиты от полицейского насилия, неоправданного заключения под стражу, ссылки, от пыток; возможность свободной и открытой частной дискуссии; соблюдение автономии личности; наличие права владеть собственностью и создавать частный бизнес; наличие социальных свобод личности, включая равенство полов; равенство возможностей и т.д.⁵⁰.

Более емко критерии демократии сформулировал, например, американский ученый Р. Даль. Преимущество предложенной им классификации заключается, на наш взгляд, в том, что она носит универсальный характер и охватывает все демократические политические системы, независимо от присущего им институционального разнообразия.

⁴⁹ Цит. по: Тилли Ч. Демократия. М. : Институт общественного проектирования, 2007. С. 16-17.

⁵⁰ Там же.

Среди критериев демократии он выделяет: «выборные представители, которые контролируют правительство; свободные выборы; всеобщее активное избирательное право; всеобщее пассивное избирательное право; свобода мнений; свобода информации; свобода союзов и объединений»⁵¹.

Немецкий политолог Ф. Рюб, соглашаясь в целом с классификацией Р. Даля, считает необходимым дополнить ее еще двумя критериями: «доминирование гражданского правительства, отсутствие во власти господства военных либо иностранных представителей; закрепленные в конституции гарантии осуществления институционализированных прав (например, независимости судопроизводства) и изменения указанных Далем критериев только посредством решения, принятого простым большинством, а также пределы полномочий законодательной и исполнительной ветвей власти и институты, эффективно контролирующие их деятельность»⁵².

Исходя из вышесказанного, авторы полагают возможным определить демократию как политическую систему, в рамках которого все социальные группы имеют возможность, на конкурсной основе и в рамках институционализированных правил, представлять и отстаивать свои интересы, исход такой политической конкуренции является непредсказуемым, а политические представители, принимающие властные решения, несут ответственность перед отдельными гражданами и обществом в целом. И, напротив, недемократический характер носит система, где политическая власть неподконтрольна и не отвечает за результаты своей деятельности. В рамках именно такой трактовки будут рассматриваться на протяжении всей работы вопросы демократизации политической и экономической жизни общества, представляющей собой основную цель процесса трансформации.

⁵¹ Даль Р. Демократия и ее критики. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 165–170.

⁵² Rüb F. W. Die Herausbildung politischer Institutionen in Demokratisierungsprozessen // Systemwechsel 1. Theorien, Ansätze und Konzepte der Transitionsforschung / ed. by W. Merkel. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1996. P. 113.

В процессе демократизации американский политолог Д. Растоу условно выделяет несколько этапов:

– подготовительный этап, характеризующийся наличием и ростом принципиального раскола внутри общества. Причиной раскола является борьба между действующей политической элитой и новыми силами, стремящимися к участию в принятии политических решений. Возникший конфликт в определенной степени поляризует общество;

– второй этап, где происходит принятие решения, когда противоборствующие силы сознательно выбирают демократию как способ решения существующих проблем, как единственно возможное компромиссное решение в конкретной ситуации;

– третий этап характеризуется привыканием общества и элиты к демократическим нормам и методам решения значимых проблем. Эффективность демократических инноваций подтверждается практикой, и как следствие, демократия закрепляется в обществе, растет доверие к ней. Все общественно-политические акторы должны принимать новые правила и адаптироваться к ним⁵³.

На ранних этапах демократизации общество сталкивается с различного рода трудностями. Требуется немало времени для внедрения новых политических, этических и символических ценностей, разделяемых большинством населения страны. Население постепенно начинает осознавать ценность обретенной независимости, гражданских свобод. Процесс демократизации сопровождается социальной мобильностью, политической активностью, оптимизмом и верой в лучшее будущее. В обществе наступает время осознания ценности демократического выбора, возможности обсуждения различных альтернатив развития, согласования частных интересов с общественными, общенациональными интересами.

⁵³ Растоу Д. А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 5–16.

Процесс демократизации не является однонаправленным, на что обращает внимание С. Хантингтон. В данном процессе, в силу определенных причин и обстоятельств, нередко случаются пробуксовывание, откаты, сворачивание самого процесса. С. Хантингтон выделяет факторы, которые могут препятствовать переходу к демократии. Среди них ученый отмечает «недостаточную укорененность демократических ценностей среди ключевых элитных групп и широкой общественности; экономический кризис или крах, обостривший социальный конфликт и повысивший популярность жестких мер, которые могли быть применены только авторитарным правительством; социальную и политическую поляризацию, зачастую вызванную действиями левых правительств, которые пытались осуществить излишне много крупных социально-экономических реформ слишком быстро; решимость консервативных групп среднего и высшего класса отеснить популистские и левые движения, а также низший класс от политической власти; интервенцию или завоевание недемократическим иностранным государством; эффект "снежного кома" в виде примера крушения или свержения демократических систем в других странах»⁵⁴.

Таким образом, в рамках транзитологического подхода перед исследователями стояла задача объединения различных социальных трансформаций по их содержанию, характеру и последствиям. В отличие от модернизационного подхода, целью политического транзита большинство исследователей, помимо качественных изменений в различных сферах жизни общества, называют демократию. Следует отметить, что эти изменения не гарантируют перехода к демократии или консолидированной демократии во многих странах мира. В настоящее время этот подход имеет большое количество критиков, что связано с тем, что большинство разработанных научных гипотез и методологического инструментария не укладываются в транзитологические схемы, с помощью которых западные специалисты в свое время изучали процессы демократических преобразований в Южной Европе и

⁵⁴ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М. : РОССПЭН, 2003. С. 310–314.

Латинской Америке. «Большинство представителей социальных наук в Германии, – пишет, например, немецкий политолог П. Штыков, – сегодня сходятся на том, что “транзитология” не состоялась как субдисциплина меж- и мультидисциплинарной наукой об обществе»⁵⁵. Такую же позицию занимает К. Оффе, который отмечает, что «...транзитологический подход плодотворный сам по себе, оказывается непригодным и вводящим в заблуждение, если использовать при анализе прежний аналитический инструментарий. Ввиду дополнительных измерений революционный переворот в Восточной Европе можно анализировать только такими понятийными средствами, которые со времен Первой мировой войны не употреблялись на Западе и Юге Европы»⁵⁶. Как справедливо отмечает В. А. Ачкасов, транзитология как субдисциплина не ставит перед собой цели построения универсальной модели демократизации и «транзит понимается как проект "с открытым финалом"»⁵⁷.

Таким образом, транзитология как субдисциплина в первую очередь ориентирована на исследование различных траекторий трансформации обществ при переходе от авторитаризма и тоталитаризма к различным моделям развития. Это позволяет установить уровень демократичности таких обществ, наличие необходимых условий для демократизации. Однако она не может предсказать исход процесса демократизации из-за отсутствия методологии изучения и практики перехода от коммунистического режима к демократическому. Как показывает практика, в одних странах постсоциалистического блока впоследствии сложились демократические

⁵⁵ Штыков П. Исследования трансформационных процессов в Восточной Германии и Восточной Европе: достижения, проблемы и перспективы немецких социальных наук (1992-2002 годы) // Повороты истории: постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. Т. 1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. СПб. ; М., 2003. С. 29.

⁵⁶ Оффе К. Дилемма одновременности: демократизация и рыночная экономика в Восточной Европе // Повороты истории: постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2-х т. Т. 2. Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе / [ред.-сост.: П. Штыков, С. Шваниц; науч. ред. В. Гельман]. М. ; СПб. : Летний сад, 2003. С. 8–9.

⁵⁷ Ачкасов В. А. Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 30–37.

институты и практики, в других сложился симбиоз демократических институтов и практик с авторитаризмом, а в некоторых демократия служит лишь фасадом. На эту особенность транзитологии обратил внимание и З. Бжезинский, заявляя по этому поводу, что «Не существует никаких серьезных или сравнительных исследований, которые могли бы содержать систематический анализ или хотя бы только концепции. До сих пор не существует ни реальной модели, ни исторически подтвержденного планирования крупномасштабной и долгосрочной политики преобразований»⁵⁸.

Транзитология тесно связана с теорией политической модернизации как в теоретико-методологическом плане, так и на объектно-предметном уровне. Но если теория политической модернизации ориентирована в основном на проблемы развивающихся стран, поскольку центральной проблемой здесь является переход от традиционного общества к современному, то в фокусе транзитологии находятся политические процессы в таких государствах, где основные структуры современного общества уже сложились. При этом, как справедливо отмечает А. И. Соловьев, «ни теория модернизации, ни тем более выросшая из ее методологических корней транзитология не претендуют на трактовку всех последствий и итогов трансформаций, акцентируя внимание лишь на определенных институциональных и процессуальных параметрах идущих в странах определенного типа преобразований»⁵⁹.

Таким образом, не отрицая отдельных эвристических возможностей рассмотренных различных теорий и конструкций трансформации, отметим, что они, охватывая широкий спектр парадигм социальных наук, тем не менее, по отдельности недостаточны для комплексного изучения проблем трансформации. В них рассматриваются различные аспекты проблематики, но не могут в достаточной мере объяснить этапы, сроки завершения, результаты этих преобразований. Безусловно, у каждой из этих теорий имеются как

⁵⁸ Brzeziński Z. *Bezład. Polityka światowa na progu XXI wieku*. Warszawa : Editions Spotkania, 1994. P.144.

⁵⁹ Соловьев А. И. *Российские трансформации: проблемы, измерения, диагностики, прогнозирования // Россия в условиях трансформации: историко-политологический семинар. 2002. Вып. 17. С. 59.*

сильные, так и слабые стороны. Однако отсутствие, как уже отмечалось, методологии и практики перехода от коммунистического к демократическому режиму усложняет исследовательскую задачу и актуализирует задачу поиска связующих звеньев между различными теориями и выработки синтетического подхода к проблемам трансформации. Поэтому считаем, что реализация поставленных в данном исследовании задач будет возможна с положительным результатом, если рассматривать проблему трансформации комплексно, помещая акторов этого процесса в реальную среду сложившихся социально-экономических особенностей с учетом институциональной и культурной специфики общества, вступившего на путь демократических преобразований.

1.2. Декоммунизация: понятие, сущность, основные направления политики декоммунизации

Со времени падения коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) прошло более 30 лет. Если на первом этапе этих событий в научных трудах различных жанров наблюдалась сиюминутная идеологизированная, эмоциональная реакция со стороны исследователей, то теперь, по прошествии определенного промежутка времени, а также благодаря накопленному опыту, в том числе эмпирическому материалу, можно провести более взвешенный, научно структурированный анализ этого эпохального явления.

Определенная группа ученых рассматривала эти события через призму транзитологии, однако впоследствии большинство исследователей социальных наук сошлись во мнении, что транзитология, столь популярная в 90-е годы прошлого века, как часть социально-политических наук не состоялась. С точки зрения транзитологии, процессы, начавшиеся в конце 80-х годов прошлого столетия в странах ЦВЕ, имели целью построения демократического общества, предполагавшего глубоких структурных преобразований социальной, экономической и институциональной организации общества. Однако как показал опыт последующих событий и содержание проводимых преобразований, не все страны ЦВЕ осуществили транзит от тоталитаризма, авторитаризма к демократии. Поэтому считаем, что для обозначения и характеристики сложившейся социально-экономической, политической, правовой реальности в странах ЦВЕ после крушения социалистической системы будет конструктивно использование такого понятия как «посткоммунизм», не лишенного идеологической трактовки. Данное понятие в

научной литературе используется широко. Его появление стало следствием либеральной интерпретации происходящих событий в странах социалистического блока и рассматривало посткоммунизм как «возможность развития по образцу западных демократий»⁶⁰. Некоторые же исследователи усматривали в развернувшейся трансформации «регресс по сравнению с уровнем социального развития "реального социализма", предрекали странам-отступникам экономическое отставание и прозябание на обочине мировых политических процессов»⁶¹.

В теории демократического транзита посткоммунизм рассматривался как относительно короткий исторический период, отделявший господство авторитарной коммунистической власти от торжества консолидированной демократии. Например, польский политолог А. Рыхард пишет о двух наиболее ранних значениях посткоммунизма: «первое связано с тем, что названный термин означает систему, еще не сформировавшуюся до конца, не совсем определенную, в связи с чем акцент делается на то, что данная система возникла после другой, вполне определенной. Исходя из этого, "посткоммунизм" – понятие не нормативное, а описательное. Недостаток такого подхода в том, что термин "посткоммунизм" в известном смысле остается "пустым", ничего не говорящим о специфике обозначаемой им системы; второе значение термина связано с его некой негативной окрашенностью, акцентированием связи посткоммунизма со всем тем, что было в прошлом, в эпоху коммунизма»⁶². Оба подхода объединяет четкое

⁶⁰ Тарасов И. Идеологическое перепахье Центрально-Восточной Европы // Перспективы. Фонд исторической перспективы [Электронный ресурс]. URL : <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35964> (дата обращения: 09.11.2021).

⁶¹ См., напр.: Васович В. Переход к демократии в посткоммунистических странах (парадоксы перехода-демократизации) // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1998. № 2. С. 24–25.

⁶² Rychard A. Postkomunizm: Instytucjonalny ład czy chaos? // Współczesne społeczeństwo polskie: dynamika zmian. Warszawa, 2006. P. 468.

противопоставление посткоммунизма предшествующей эпохе и априорное отсутствие ясных критериев оценки новой складывающейся системы.

По мнению сербского исследователя С. Стояновича, «посткоммунизм – это смешение коммунизма, докоммунистических укладов и капитализма, и его своеобразие в каждой стране определяется сочетанием двух переменных: степени удаленности от коммунизма и степени переноса докоммунистического уклада. Тем самым вырисовывается некоторая историческая обусловленность посткоммунизма и необходимость описывать его как процесс трансформации, который может обладать характеристиками (и даже закономерностями) собственного развития»⁶³.

Введение динамических переменных расширило горизонты исследовательского поля. Постепенно сформировалось представление о существовании различных фаз и этапов посткоммунистических преобразований: демонтаж системы самодержавного правления сменяется фазой перехода к демократической политической системе; построение новых форм правления сменяется стадией установления «эффективного функционирования демократического режима», «отстраивание оптимальной деятельности демократического политического порядка»⁶⁴. Эту стадию американские политологи-компаративисты Х. Линц и А. Степан назвали «незавершенным демократическим переходом»⁶⁵. Такие представления о динамике посткоммунистического трансформационного процесса вполне укладываются в рамки транзитологической теории, столь популярной в 1990-е г. В то же время транзитология, несмотря на некоторые когнитивные и

⁶³ Стоянович С. Посткоммунизм: противоречия между демократией и капитализмом // Полис. Политические исследования. 1996. № 1. С. 51.

⁶⁴ См.: Яжборовская И. С. Политологические подходы к проблематике трансформации общественного устройства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: Взгляд через десятилетие. М. : Наука, 2001. С. 192–202.

⁶⁵ Linz J. J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1996. P. 3.

эвристические успехи, не смогла объяснить ряд явлений, часто «приписывая их трансформационным "издержкам" и "спазмам аккомодации"»⁶⁶.

Таким образом, научная разработка категории «посткоммунизм» способствовала относительно освобождению ее интерпретации от давления неолиберальной идеологии. Канадский исследователь П. Дуткевич подчеркивает, что неолиберальный дискурс создавал иллюзию, что интеграция посткоммунистической Европы в мировую экономику в конечном итоге приведет стандарты жизни восточных европейцев в соответствие со стандартами их западных партнеров, а открытые рынки неизбежно приведут к демократии⁶⁷. Свободный рынок, а также демократические институты, конструируемые сверху, должны были действовать в качестве средств социальной трансформации. Однако институты не возникают на пустом месте. Они имеют определенную укорененность в культуре. Власти необходимо добиться укоренения демократических ценностей в сознании и поведении большинства граждан. По сути, посткоммунизм – это проблема не только институтов, но и политической культуры, в том числе проблема легитимности власти.

Не умаляя значения транзитологии и вклада ее сторонников в политическую науку, отметим, что транзит вовсе не обязательно подразумевает переход к демократии, хотя, казалось бы, в рамках либерального понимания есть только один путь, и он обязательно ведет к демократии. На наш взгляд, перспективы осмысления посткоммунистического периода должны быть связаны с теоретическим осмыслением накопленных знаний о политических, экономических, социальных, культурных, правовых преобразованиях, которые уже осуществлены, в том числе в странах ЦВЕ.

Эти преобразования не имеют законченного вида, и невозможно сказать,

⁶⁶ Тарасов И. Идеологическое перепутье Центрально-Восточной Европы // Перспективы. Фонд исторической перспективы [Электронный ресурс]. URL : <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35964> (дата обращения: 09.11.2021).

⁶⁷ Дуткевич П. Асимметричная власть, ересь и посткоммунизм: несколько мыслей (перевод В. А. Гуторова) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2006. Т. 2, № 4. С. 40–49.

будут ли они когда-нибудь завершены. Это означает, что идеальных демократических систем не существует. На практике, как правило, присутствуют гибридные режимы, учитывающие специфику и исторические традиции процесса государственного строительства. Поэтому, не акцентируя внимания на особенностях теории транзитологии, подчеркнем, что будет продуктивнее, если переориентироваться на парадигму исследования преобразований современных обществ с целью выявления особенностей, проблем и перспектив проводимых реформ.

Поскольку посткоммунистические преобразования имели целью отказа от существующей социально-политической и экономической системы, то контент этих реформ позволяет назвать такую практику декоммунизацией.

Декоммунизация как теоретическая и практическая деятельность имеет мировоззренческую, ценностную и мотивационную функцию, и стала основой легитимации новых социально-политических, экономических, правовых, культурных отношений в странах ЦВЭ в посткоммунистический период.

Современные представления о декоммунизации, как идейно-политическом феномене, отличаются своим разнообразием, достаточно широким спектром трактовок, а также заменяются с другими по смыслу терминами. В политической науке не сложилось общепризнанного определения декоммунизации, в результате данный феномен часто используются как синоним понятиям люстрации, «правосудие переходного периода» и т.д. Тем не менее, декоммунизация выступает одним из основных элементов трансформации в политическом транзите стран ЦВЕ.

Наиболее широкое отражение проблемы декоммунизации получили в зарубежной политической науке, где относительно сущности и содержания феномена декоммунизации существует широкий спектр мнений. Так, польский исследователь А. Чарнота⁶⁸ рассматривает декоммунизацию как совокупность процессов, имеющих целью восстановления справедливости в отношении

⁶⁸ Czarnota A. Lustration, Decommunisation and the Rule of Law // Hague Journal on the Rule of Law. 2009. Vol. 1, Is. 2. P. 307–336.

жертв преступлений, совершенных структурами и должностными лицами коммунистических режимов; решения проблемы участия бывших партийных функционеров и иных сотрудников в общественной жизни в посткоммунистическую эпоху; обеспечения доступа к документам спецслужб бывших коммунистических режимов; реституции и / или компенсация за имущество, национализированное коммунистическим режимом после 1944 г.; выработки общей исторической оценки коммунистического режима.

Несколько иное толкование декоммунизации предлагает М. Лос, которая считает, что понятия декоммунизации и люстрации использует как синонимы. По ее мнению, декоммунизация/люстрация направлены на проверку кандидатов на важные государственные должности, а также лиц, уже занимающих эти должности, на выявление их принадлежности к тайной полиции в прошлом с целью недопущения (обычно на определенный срок) занимать должности в органах власти⁶⁹.

Польский и австралийский исследователь В. Садурски считает, что термины «люстрация» и «декоммунизация» часто путают друг с другом. В самом широком смысле, отмечает ученый, декоммунизацией можно назвать все политические и правовые стратегии, направленные на искоренение наследия коммунизма в общественно-политической системе. Это будет включать в себя как более узкую концепцию декоммунизации (фокусирование на устранении лиц с важных государственных должностей), так и люстрацию (фокусирование внимания на информаторах секретных служб). Но эти термины часто используются взаимозаменяемо.

Ученый, реконструируя значение этих категорий в политическом дискурсе стран посткоммунистической ЦВЕ, предполагает, что люстрация относится к определению лиц, занимавших (или фактически занимающих) определенные государственные должности при коммунистическом режиме (главным образом с помощью секретных служб), тогда как «декоммунизация»

⁶⁹ Łoś M. Lustration and Truth Claims: Unfinished Revolutions in Central Europe // Law and Social Inquiry. 1995. Vol. 20, Is. 1. P. 121.

относится к отчуждению определенных категорий бывших коммунистических чиновников от права баллотироваться и занимать определенные государственные должности в новой системе. Однако в ходе публичных дебатов о моральных и юридических обоснованиях политики, охватываемой этими концепциями, эти два понятия часто смешивались. Люстрация обычно включает в себя три проблемы: собственно люстрацию (поиск бывших сотрудников и агентов секретных служб), доступ к документам секретных служб и декоммунизацию. Таким образом, В. Садурски приходит к выводу, что декоммунизация – это не просто выявление индивидуальной вины бывших сотрудников тайной полиции, а коллективное устранение бывших коммунистов как группы с позиции влияния на политические решения в строящемся демократическом обществе⁷⁰.

Одним из ведущих критиков люстрации и декоммунизации является известный польский общественный деятель А. Михник, который рассматривает декоммунизацию и люстрацию как пренебрежение к правам личности, фальсификацию сроков исковой давности, прямым продолжением концепции большевистского права. Он рассматривает декоммунизацию как концепцию, совокупность методов и средств, используемых против оппозиции⁷¹.

Близкую позицию к пониманию сути декоммунизации А. Михника занимает Х. А. Вельш. Исследователь задается вопросами: является ли декоммунизация неотъемлемой частью процесса демократизации и этот процесс автоматически влечет за собой декоммунизацию общества? Служит ли политика возмездия или примирения наилучшим образом интересам формирующихся демократий? Исследователь приходит к выводу, что в переходный период данная политика все чаще рассматривается с точки зрения моральных, а не политических или правовых последствий. Вопросы о том, как

⁷⁰ Sadurski W. Rights Before Courts. A Study of Constitutional Courts in Postcommunist States of Central and Eastern Europe. Springer, 2014. P. 331.

⁷¹ Там же, p. 332.

вести себя с бывшими коммунистами и агентами госбезопасности, свидетельствуют о борьбе за политическую власть⁷².

Канадский политолог Л. Стэн, обобщая различные подходы к проблеме декоммунизации, подчеркивает важность национальной специфики коммунистического прошлого, отмечает, что декоммунизация является фактором, приводящим к определенному типу перехода, который в свою очередь формирует посткоммунистическую политическую конфигурацию, способствующую или препятствующую правосудию переходного периода⁷³.

Значительный вклад в изучение сущности и роли феномена декоммунизации внесли российские ученые. Так, С. И. Белов при исследовании оценки потенциала развития политики декоммунизации отмечает, что данная тема рассматривается в контексте смежных вопросов, либо в процессе исследования дискурса памяти⁷⁴.

Близкую позицию в понимании сути декоммунизации в рамках дискурса памяти занимают О. Ф. Русакова и В. М. Русаков. Применительно к современной России, они в качестве наиболее важных шагов, принятых неолиберальной бюрократией в сторону европейской декоммунистической политики памяти, выделяют «отказ от всемирного значения Октябрьской революции, что вылилось в самых разнообразных формах ее дискредитации: от "академических" реанимаций буржуазных легенд о "немецких деньгах", до низкопробной клеветы и скрупулезной дегероизации; ... последовательную дискредитацию всего, что связано с советским периодом отечественной истории – социального государства, социальной политики, советской науки и искусства, политики мирного сосуществования, интернациональной поддержки рабочего и национально-освободительного движения и т. п.; отождествление

⁷² Welsh H. A. Dealing with the communist past: Central and East European experiences after 1990 // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48, Is. 3. P. 413–428.

⁷³ Stan L. *Transitional Justice in Eastern Europe and the former Soviet Union: reckoning with the Communist past*. London : Routledge, 2009. P. 262–269.

⁷⁴ Белов С. И. Политика декоммунизации Европы и угрозы для национальной безопасности России (по материалам Парламентской Ассамблеи Совета Европы // *Информационные войны*. 2018. № 3(47). С. 66.

гитлеровского национал-социализма и большевизма (или сталинского коммунизма) на почве их сходства как тоталитарных режимов»⁷⁵.

Комплексно анализирует декоммунизацию Н. Е. Яценко, определяя ее как теоретическую и практическую деятельность, направленную на отказ от коммунистических идеалов, на устранение коммунистической идеологии из всех сфер жизни общества⁷⁶. Более узкую трактовку декоммунизации предлагает Л. П. Репина, определяющая ее как собственно нормальный исторический процесс, среди составляющих которого – осуждение коммунистического режима, запрет на публичное использование символики этого режима, изменение названий объектов местной топонимики, населенных пунктов, районов, областей, предприятий и организаций⁷⁷.

Рассматривая декоммунизацию в контексте политики памяти, Е. Ю. Мелешкина считает, что «введение норм о запрете коммунистических символов было инструментом политической борьбы, а сам факт их принятия и их характер зависели не только от внутривнутриполитических разногласий и противостояния, но и от изменений на международной арене, в том числе в отношениях этих стран с Россией»⁷⁸.

Некоторые исследователи декоммунизацию рассматривают как люстрацию, называя ее «правосудием переходного периода, своеобразной формой правового реагирования на преследования и репрессии, допущенные во время предыдущего политического режима, в том числе и санкционированные действовавшими при нем законами»⁷⁹. По этому поводу А. В. Облонский далее отмечает, что «идея люстрации – защита нового государства и его граждан от лиц, запятнавших себя сотрудничеством с прежним режимом, признаваемым в

⁷⁵ Русакова О. Ф., Русаков В. М. Агональный дискурс современной политики памяти. С. 10–19.

⁷⁶ Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб. : Лань, 1999. 524 с.

⁷⁷ Репина Л. П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9–15.

⁷⁸ Мелешкина Е. Ю. Отвергая символику прошлого: влияние условий политического развития на принятие законов о декоммунизации // Политическая наука. 2018. № 1. С. 170.

⁷⁹ Облонский А. В. Люстрация как институт периода транзита: плюсы и минусы // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 4. С. 88.

новых политических условиях репрессивным»⁸⁰. Меры правосудия переходного периода «реализуются, как правило, с целью восстановления верховенства права, создания новых оснований общественного договора и отказа от недемократических практик в обществах, осуществляющих переход из авторитарной или тоталитарной системы к демократической»⁸¹, - отмечает в частности Е. В. Лезина.

Таким образом, следует отметить, что зачастую люстрацию и декоммунизацию трудно разделить даже аналитически. Довольно часто люстрация представлена в литературе как процесс «screening» (отсеивание, отбор, обследование), имеющий элементы верификации, связанный с процессом декоммунизации, что означает сознательную попытку убрать остатки коммунизма из общественной жизни обществ и государств, начавших процесс демократизации и создания правового государства.

На основе анализа имеющихся интерпретаций декоммунизации, мы приходим к выводу, что данное явление можно определить как *совокупность идей, теорий и практик, рассматриваемых в рамках политического транзита, направленных на изменение политических институтов, общественно-политических, социально-экономических, культурных, нормативно-правовых отношений.*

Данная формулировка требует некоторой детализации. Под совокупностью идей декоммунизации мы понимаем восстановление исторической справедливости, исправление последствий, совершенных коммунистическим режимом, устранение идеологического и политического наследия прошлого, создание механизмов предотвращения антидемократических рецидивов, таких как правосудие переходного периода, осуждение коммунистического режима, люстрация, изменение топонимики, реституция, создание институтов памяти.

⁸⁰ Оболонский А. В. Люстрация как институт периода транзита: плюсы и минусы. С. 88.

⁸¹ Лёзина Е. Люстрация и открытие архивов в странах Центральной и Восточной Европы // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. № 2(120). С. 49.

Правосудие переходного периода в данной работе будем рассматривать как «совокупность мер и процессов, предпринимаемых для устранения последствий массовых нарушений прав человека после смены режима, насильственных конфликтов, войн и других исторических несправедливостей, которые были результатом деятельности недемократических режимов, колонизации, оккупации и т. д.»⁸².

Меры правосудия переходного периода не лишены социального смысла. В частности, «правосудие переходного периода актуально при рассмотрении прошлого; правосудие понимается как социально-политическая категория, а не правовая категория; прошлый опыт влияет на отношение к правосудию переходного периода, а также на его результаты; различные категории пострадавших нуждаются в дифференцированных мерах правосудия; результаты правосудия переходного периода зависят от его контекста и осуществления; обмен правдой может иметь как позитивные, так и негативные последствия; примирительные меры могут иметь позитивные социальные последствия»⁸³.

Сфера правосудия переходного периода непосредственно связана с рядом взаимодействий между правозащитниками, юристами, политиками, журналистами и экспертами в области сравнительной политологии, занимающимися вопросами прав человека и динамикой «переходов к демократии», начиная с конца 1980-х годов»⁸⁴.

Правосудие переходного периода предполагает широкий набор мер, с помощью которых общество имеет возможность критического осмысления правонарушений прошлого с целью достижения справедливости, согласия и мира в будущем. Сам процесс правосудия переходного периода, изобилующий конфликтами и компромиссами, помогает выработать новое понимание

⁸² David R. What We Know About Transitional Justice: Survey and Experimental Evidence // *Political Psychology*. 2017. Vol. 38, Is. S1. *Advances in Political Psychology*. P. 151.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Arthur P. How «Transitions» Reshaped Human Rights: A Conceptual History of Transitional Justice // *Human Rights Quarterly*. 2009. Vol. 31, N 2. P. 321–367.

справедливости, на основе которого можно возродить государство и общество. Ученые и практики утверждают, что правосудие переходного периода может предотвратить будущие нарушения прав человека, снизить коррупцию, укрепить доверие, способствовать развитию, привить уважение к верховенству закона, восстановить общество, способствовать примирению и, в частности, поддержать демократизацию⁸⁵.

Возникает дилемма – что наилучшим образом послужит интересам формирующейся демократии: политика возмездия или примирения? Считаем, что политика примирения будет полезна интересам формирующейся демократии в переходные периоды, но может стать обузой в периоды консолидации. Отбросив культурные и исторические различия, например, относительно Германии, Италии и Франции после Второй мировой войны, мы увидим, что прошлое не просто исчезает с течением времени и волнующие общества вопросы, и не всегда приглядные, всплывают периодически. Говоря об Аргентине, К. Перелли подчеркивает значение прошлого как «важнейшего политического товара» во «всех бывших странах»⁸⁶, т. е. в тех странах, где процветает мифотворчество и изобилует ностальгия. Можно найти параллели в странах ЦВЕ, где вопросы обращения к прошлому никогда не покинет повестку дня в борьбе за политическую власть. Таким образом, вопросы о том, как поступить с бывшими партийными функционерами, коммунистами, сотрудниками и агентами органов государственной безопасности, вероятно, будут и дальше всплывать на поверхность в качестве аргумента в борьбе за политическую власть.

Наконец, правосудие переходного периода все больше смешивается с

⁸⁵ Arenhövel M. Democratization and Transitional Justice // *Democratization*. 2008. Vol. 15, Is. 3. P. 570–587; *Transitional Justice and Development: Making Connections*. New York : Social Science Research Council, 2009. 376 p.; *My Neighbor, My Enemy: Justice and Community in the Aftermath of Mass Atrocity*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 372 p.; Elster J. *Closing the Books: Transitional Justice in Historical Perspective*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 312 p.

⁸⁶ Perelli C. *Settling Accounts with Blood Memory: The Case of Argentina* // *Social Research*. 1992. Vol. 59, N 2. P. 451.

политикой памяти и, возможно, даже вытесняется ею, поскольку политические дебаты все больше и больше касаются того, как общество будет помнить и воспринимать коммунистическую эпоху, и все меньше и меньше того, как бороться с недавними преступлениями. Перспективы начали смещаться от того, как иметь дело с прошлым, к тому, как это прошлое было сделано. Это не означает, что эта дискуссия станет полностью исторической или только среди историков, как это было, скажем, с вопросами рабства и Гражданской войны в США или Холокоста и Второй мировой войны в Германии. Политика остается ключевым элементом в этой дискуссии, поскольку она будет влиять на то, как каждая нация создает свою собственную историческую идентичность.

На этом фоне актуализируется проблема полной дискредитации коммунистического прошлого. В вину коммунистическому прошлому ставятся повсеместное проникновение государственных органов безопасности в частную жизнь граждан, тотальная слежка, постоянный полицейский надзор, лишение интеллектуалов свободы творчества и борьба с диссидентами, ограничение свободы передвижения, невозможность реализации предпринимательских способностей, господство единой идеологии и т.д. После крушения социалистической системы политика развенчания стала идеологической основой посткоммунистической эпохи, для которой характерна борьба двух крайностей: идеи и практики демократии и коммунизма.

Итак, посткоммунистическая эпоха рассматривается как борьба между двумя крайними полюсами, хорошим и плохим: демократией и коммунизмом. Противопоставляются свобода против порабощения, демократия против авторитаризма или даже тоталитаризма, западная современность и просвещение против восточной отсталости и обскурантизма. Этот идеологический дискурс имеет целью стирания из памяти коммунистического прошлого и приближение к «истинно европейским» демократическим ценностям, возведения разделяющей цивилизационной стены. В рамках подобного дискурса, коммунистический режим оценивается как «навязанный и поддерживаемый силой, ложью и угрозой советской интервенции, которая

служила иностранным интересам и коммунистические партии признаются ответственными за систему правления и преступления, которые произошли в этот период»⁸⁷.

В этот период в странах ЦВЕ усиливается также антисоветская пропаганда. Как справедливо отмечают О. Ф. Русакова и В. М. Русаков, «под вывеской осуждения всех разновидностей тоталитаризма восточно-европейскими идеологами политики памяти целенаправленно транслируется агональный дискурс, направленный на формирование, с одной стороны, сугубо отрицательного образа всей политики СССР, включая политику в отношении стран социалистического блока, а с другой стороны, сознательно формируется и закрепляется в коллективной памяти жертвенный образ собственного народа»⁸⁸. В странах ЦВЕ создается общественное мнение о негативном влиянии и роли СССР (России) на развитие страны и преимуществе западного образа жизни. «Партикулярные групповые идентификации были ... почти полностью подчинены идентификации национальной, задававшей важнейшие параметры отличия "нас" от "них"»⁸⁹.

Политика декоммунизации как осуждение коммунистического прошлого в странах ЦВЕ имеет несколько значений. Во-первых, это может означать конец тотального господства в обществе партийного государства с сопутствующими ему особенностями (такими, как репрессии, манипулирование истиной, повсеместное и постоянная слежка, экономический дефицит и др.). Во-вторых, это может включать выявление и осуждение прошлых преступлений и злоупотреблений, реабилитацию жертв и их прощение. В-третьих, это может означать восстановление политической и моральной общности. На практике это подразумевает возложение моральной ответственности за прошлые проступки коммунистических агентов и их

⁸⁷ Měšťánková P., Filipec O. Transition to Democracy in Central Europe. Olomouc : Iuridicum Olomoucense Palacký University, 2019. P. 67.

⁸⁸ Русакова О. Ф., Русаков В. М. Агональный дискурс современной политики памяти. С. 12.

⁸⁹ Бойцов М. История закончилась. Забудьте // Газета «Культура». 2005. № 31–32.

временное исключение из политического сообщества в контексте демократических преобразований. Наконец, осуждение коммунизма может означать длительный психосоциальный и политический процесс, в котором важную роль будет играть осознание коллективной и личной ответственности за негативные проявления коммунистической эпохи, а также формирование новой демократической идентичности.

Исторически большинство системных преобразований сопровождалось различными формами политических чисток и попытками добиться справедливости. Сторонники политики чисток в отношении прежних правонарушителей считают, что государственные институты должны быть очищены от представителей старой элиты, как дискредитировавших себя своей прежней деятельностью. Политика чисток оправдывается тем, что она обеспечивает основу для демократических начинаний, основанных на верховенстве права; она восстанавливает принцип справедливости в обществе и обеспечивает основу для тщательного изучения прошлого. По мнению противников политики чисток, только политика прощения и снисхождения обеспечит основу для национального примирения и будет способствовать развитию духа терпимости, необходимого для построения демократической политической культуры. В данном случае речь идет о люстрации как элементе декоммунизации, которая представляет собой очень широкий спектр мер: от проверки биографии должностных лиц на наличие фактов сотрудничества со спецслужбами до запрета им занимать государственные должности. Суть люстрации заключается в лишении возможности занимать должности в органах государственной и муниципальной администрации лиц, причастных к ущемлению прав и свобод граждан. Люстрация направлена на снижение влияния бывших госслужащих и сотрудников спецслужб коммунистических режимов на принятие политических решений. Это решается, как правило, двумя способами: во-первых, публичным распространением любой информации о деталях политической биографии; во-вторых, прямым запретом

занимать государственные должности⁹⁰. В 1996 г. Парламентская ассамблея Совета Европы приняла резолюцию, определяющую, как должны быть разработаны процедуры люстрации, совместимые с принципами верховенства права. Несмотря на то, что она осуждает саму идею люстрации, фактически признает, что некоторые государства сочли необходимым ввести административные меры, такие, как законы о люстрации⁹¹. Она устанавливает, что законы о люстрации должны основываться на индивидуальной, а не коллективной вине, которая должна быть доказана в каждом отдельном случае. Кроме того, резолюция дает понять, что люстрация может быть использована только в целях, связанных с защитой демократии, а не для «наказания, возмездия или мести».

Конечно, грань между люстрацией и декоммунизацией, устанавливаемая таким образом, не является точной, поскольку групповые характеристики (например, принадлежность к определенной категории номенклатуры) часто рассматриваются как достаточный признак глубоко дискредитирующей причастности к практикам прошлого. Точно так же ориентация на прошлое или будущее не указывает на практическую разницу между люстрацией и декоммунизацией. Люстрация часто идеализируется не из-за эффективности ее применения на практике с точки зрения обеспечения справедливости за прошлые ошибки, а исходя из стандартных требований демократии. Считается, что люстрация является гарантией недопущения вовлечения в систему осуществления власти тех лиц, которые представляют угрозу для демократии.

Таким образом, ряд моральных, политических и практических проблем сделал вопрос люстрации одним из самых болезненных и спорных вопросов посткоммунистического переходного периода. Сам термин широко используется применительно к тем инструментам, которые должны были

⁹⁰ Мухаметов Р. С., Нагорных О. В. Декоммунизация в Восточной Европе: сущность, причины и мероприятия // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2018. № 2(18). С. 203.

⁹¹ Resolution of the Parliamentary Assembly of Council of Europe no. 1096 of 27 June 1996. // Measures to dismantle the heritage of former communist totalitarian systems [Electronic resource]. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/xref/x2h-xrefviewhtml.asp?fileid=7506&lang=> (дата обращения: 17.11.2021).

выявить реальную (и во многом скрытую) причастность определенных лиц в прошлом к коммунистическому режиму и его практике, и, в зависимости от обстоятельств, определяли дальнейшие последствия, такие как потеря права занимать определенные государственные должности. Однако, независимо от последствий, отправной точкой люстрации является разоблачение реального прошлого отдельных лиц, главным образом за их предыдущее сотрудничество с тайной полицией; она используется как инструмент политики, центральным элементом которого является раскрытие действительного прошлого отдельных лиц, но и сокрытие правды о причастности некоторых персон к старому режиму. Таким образом, люстрация, будучи инструментом разоблачения, одновременно стала инструментом политической борьбы и наказания тех, кто негоден установившемуся политическому режиму.

Люстрация, правосудие переходного периода стали возможны после коренной трансформации политической системы в странах ЦВЕ, которая не была ни запланированным, ни спонтанным событием. Это происходило в течение долгого времени, в результате многокомпонентного процесса преобразований с внутренней динамикой, эффект которого в виде конституционных изменений и других политических трансформаций, наступивших в 1989 г., «застал врасплох основных участников политических отношений, как из сферы старого государственного порядка, так и существующей в то время политической оппозиции. Вместо запланированного процесса кооптации к правящей элите части оппозиционных деятелей был получен эффект политических перемен, с заложенным в нем, в то время не планируемым, к тому же нежелательным для правящих элит, механизмом переменности власти»⁹². Основными направлениями политической трансформации в странах ЦВЕ стали: «переход от авторитарной власти к демократической, от монополии одной партии к многопартийности, от номенклатуры к плюралистической политической элите, от власти партийных

⁹² Залесны Я. Трансформация механизмов управления в Польше после 1989 года // *Studia Politologiczne*. 2013. Vol. 30. С. 42.

органов и аппарата к власти высших органов государства и органов государственной администрации, от монополии административной власти к территориальному самоуправлению. В результате демонтажа системы «партия - государство» власть перешла в руки парламента, президента, правительства и центральной администрации»⁹³.

Важнейшим процессом демократического перехода и консолидации в посткоммунистических государствах стала трансформация партийной системы. До этого коммунистическая партия была, по сути, единственной силой, принимающей политические решения. Она организовала общественную жизнь и определяла вектор развития общества. Переход к демократии предполагал отказ от однопартийного правления и создавал возможность организации государства вне влияния коммунистической идеологии. Антикоммунистические настроения объединяли широкие массы населения и институционализировались в различных общественно-политических движениях.

Эти движения включали в себя множество различных политических течений и взглядов, и те, кто придерживался левых взглядов, сотрудничали с теми, кто придерживался консервативных или либеральных взглядов. На этом этапе всех объединяло желание избавления от существующего коммунистического режима. Характерным для этих движений было то, что их действия были спонтанными. У них не было сильной и стабильной организации, а их органы не имели четкого разграничения полномочий. Эти движения возглавлялись яркими лидерами харизматического типа. Их программы состояли из требований демонтажа коммунистического режима, ликвидации однопартийного правления, отказа от марксизма-ленинизма как государственной идеологии, роспуска репрессивных государственных

⁹³ Майорова О. Н. 25 лет трансформации в Польше: плюсы и минусы // Славянский мир в третьем тысячелетии: сб. науч. тр. / ФГБУН Ин-т славяноведения РАН, Ин-т славянской культуры. М. : Ин-т славяноведения РАН. 2015. Вып. 10. Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. С. 177.

организаций и свободных выборов. На этом этапе ими не были разработаны партийные программы, их политика была более эмоциональной, менее рациональной и конкретной. Лишь позднее в рядах этих движений произошел раскол, который привел к возникновению многопартийной системы. Интересно, что «некоторые ключевые фигуры антикоммунистических движений, такие как В. Гавел, не хотели, чтобы политические партии формировались, и продвигали концепцию антиполитики или неполитической политики. В ней подчеркивалась роль гражданского общества как ключевого посредника между обществом и правительством, а не политических партий»⁹⁴.

Декоммунизация является одним из процессов, раскрывающих масштаб многогранного социального конфликта, разыгрывающегося в социальном пространстве и, прежде всего, в символическом пространстве общества. Исходя из предположения, что пространство производится социально, так что оно содержит в себе «коллективную память» и любые манипуляции, связанные с памятью, приводят к дестабилизации общества. Как отмечает Я. Ассманн, «никакая память не может сохранить прошлое», но вместо этого она может реконструировать и соотнести «свои знания с реальной и современной ситуацией»⁹⁵. Следовательно, вспоминание прошлого означает выбор, одобрение, переписывание, оспаривание и / или отбрасывание существующих повествований о данном событии в «контексте воспоминаний», который пронизывает память и удаляет или добавляет новые слои символизма на протяжении многих лет⁹⁶.

Каждый ландшафт также несет на себе отпечаток различных действующих лиц, участвующих в его восстановлении, включая центральные и местные органы власти, религиозные учреждения, политические группы, НПО и отдельных лиц. Таким образом, каждый город – это «текст, который можно

⁹⁴ Měšťánková P., Filipec O. Transition to Democracy in Central Europe. P. 77.

⁹⁵ Assmann J., Czaplicka J. Collective Memory and Cultural Identity // New German Critique. 1995. N 65. P. 130.

⁹⁶ See Legg S. Reviewing Geographies of Memory/Forgetting // Environment and Planning A: Economy and Space. 2007. Vol. 39, Is. 2. P. 457.

читать, чтобы выявить силу доминирующих идей и преобладающих практик, а также идиосинкразии конкретного автора»⁹⁷.

После крушения социализма в странах ЦВЕ начались дебаты о культурно-исторической и идеологической памяти, представленной на городских пространствах. Это свидетельствовало о стремлении восстановить контроль над прошлым, которое было искажено, подавлено и фальсифицировано прошлым режимом и каждая посткоммунистическая страна столкнулась с другой дилеммой относительно того, что делать с памятниками коммунистическим лидерам и воинам Красной Армии. В связи с этим Е. Охман отмечает, что «эти памятники начали массово демонтировать и перемещать, что часто совпадало с созданием государственных и частных "парков статуй", направленных на получение дохода и привлечение туризма, как это было в случае с Szoborpark в Венгрии и парк Grūtas в Литве»⁹⁸.

В период декоммунизации также происходит массовое изменение названия улиц, городов, замена символов и знаков. Создание новых словарей, популяризация национальных символов, появление новых исторических героев, строительство новых мемориалов и разрушение старых, учреждение национальных праздников направлено на создание образа национальной уникальности. «Великим событиям» истории придается особое символическое значение в официальном дискурсе. Идеологическое переформатирование превращается в важнейший инструмент политического влияния. Коллективная память о прошлом становится важным фактором коллективной идентификации, позволяющим представителям этнической группы отделять «своих» от «чужих», формируя тем самым особый язык общности. Создание «образа врага» выступает способом избавления от ответственности за негативно оцениваемое прошлое. В то же время, как справедливо отмечает Я. Зерубавель,

⁹⁷ Ley D., Duncan J. Epilogue // *Place/Culture/Representation* / ed. by J. Duncan, D. Ley. London ; New York, 1993. P. 329.

⁹⁸ Ochman E. Soviet war memorials and the re-construction of national and local identities in post-communist Poland // *Nationalities Papers*. 2010. Vol. 38, Is. 4. P. 509–510.

«коллективная память об исторических корнях придает социуму новый импульс, становится средством выражения новых идей и ценностей»⁹⁹.

Формирование коллективной памяти служит также интересам развития национальной идентичности. Поскольку считается, что коммунистическая идеология ориентирована на создание единого интернационального сообщества, то посткоммунистическая эпоха ставит задачу создания национальной общности, развития идентичности народа. Политика признания идентичности всегда занимала умы интеллектуалов, но эта проблема особенно актуализируется после падения социалистической системы. Интеллигенция и политические элиты стран ЦВЕ, считая Западную Европу важным культурным источником и цивилизацией и, подчеркивая свою принадлежность к ней, стремились порвать с прошлым, и как можно скорее интегрироваться в европейское сообщество, рассматривая его как «однородную область свободы, демократии и процветания»¹⁰⁰, игнорируя внутреннее многообразие Западной Европы и еще меньше учитывая особенности западноевропейского понимания различных проблемных вопросов, связанных «с коллективной памятью, чувствительностью и конфликтами интерпретации европейской истории»¹⁰¹.

Важнейшей составляющей политики декоммунизации является превращение общегосударственной собственности в частную, что, несомненно, явилось одним из наиболее значительных изменений, произошедших после крушения коммунистических режимов в странах ЦВЕ. Посткоммунистическая трансформация собственности основывалась на стремлении к верховенству права и на двух механизмах, которые могли бы рассматриваться как правовые инструменты: реституции и приватизации. Историко-экономический анализ также показывает, что за время своего существования социализм в странах ЦВЕ

⁹⁹ Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сб. ст. М. : Новое издательство, 2011. С. 11.

¹⁰⁰ Góra M., Mach Z. The Polish Elites' Struggle for Recognition of the Experience of Communism in the European Union // The Twentieth Century in European Memory. Transcultural Mediation and Reception / ed. by B. Törnquist-Plewa, T. S. Andersen. Leiden-Boston : Brill, 2017. P. 57.

¹⁰¹ Там же.

добился значительного социального прогресса, наиболее очевидного для граждан из ранее изолированных социальных слоев, не встречающихся в современных историях стран ЦВЕ. Этот смешанный исторический опыт позволяет нам понять, почему посткоммунистическая политическая повестка дня в ЦВЕ была сосредоточена не на возмездии или компенсации за прошлые ошибки, а скорее на распределении или возвращении коммунистической собственности.

Если судебные процессы правосудия переходного периода, осуществляемые над теми, кто якобы совершил преступления в коммунистическую эпоху, сосредоточены на преступниках, то вопросы восстановления прав собственности или компенсации материального ущерба сосредоточены на жертвах. Здесь уточним, что реституция означает возвращение собственности ее прежним владельцам; реприватизация (повторная приватизация) означает возвращение в частные руки государственной собственности, конфискованной у частных владельцев. Реприватизация может относиться к возвращению собственности первоначальному собственнику; но она также описывает передачу государственной собственности (которая когда-то была частной) любой частной стороне. Наконец, приватизация означает передачу государственной собственности в частные руки. Хотя со времен средневековья существует множество теорий права собственности, не существует признанного права на реституцию, ни в международном праве, ни в общих принципах справедливости. Реституцию, которая широко распространена в странах ЦВЕ, следует рассматривать как политический выбор.

Нормативные аргументы, выдвигаемые в экономических, политических и философских учениях в пользу передачи коммунистической собственности, недостаточно исследованы. Вашингтонский консенсус, принятие Копенгагенских критериев и ратификация Европейской конвенции по правам человека (ЕСПЧ) бывшими коммунистическими странами были реализованы только после 1992 г., в то время как законы о реституции действовали в

бывших коммунистических странах уже не менее двух лет. Кроме того, важно отметить, что ЕСПЧ не обладала юрисдикцией и временем для принятия решений по вопросам, касающимся законодательства, касающегося имущества. Более того, как показали теоретики международных отношений, в течение большей части первого десятилетия после 1989 г. доминировала торговая политика ЕС в отношении бывших стран ЦВЕ, которая поощряла преобразования собственности, приватизацию или одностороннюю «либерализацию» торговли со странами ЦВЕ, но не отмену торговых барьеров холодной войны, введенных западными странами¹⁰². Как заметила Э. Комиссо, в начале посткоммунистических переходов в регионе ЦВЕ связь между демократизацией, «желательной целью для стран, выходящих из коммунистического правления», и основными экономическими изменениями была неясной, если на самом деле «не враждебна друг другу»¹⁰³.

Резюмируя сказанное, отметим, что под совокупностью практик декоммунизации мы понимаем комплекс мер, направленных на отказ от коммунистических практик во всех сферах жизни общества, реализацию норм и ценностей, принятых в демократических обществах. В частности, это:

- отказ от однопартийной системы, создание правовых основ политического плюрализма и переход к многопартийности;
- трансформация избирательной системы, предполагающей соблюдение демократических стандартов и правил при организации выборов, обеспечение регулярности выборов, ограничение вмешательства официальных должностных лиц в избирательный процесс, предоставление возможности представителям политических партий и неправительственных организаций наблюдать за работой избирательных комиссий;
- реализация на практике демократической версии принципа разделения властей, недопущение доминирования одной власти над другой и

¹⁰² Gowan P. Neo-liberal theory and practice for Eastern Europe // *New Left Review*. 1995. N 1(213) P. 3.

¹⁰³ Comisso E. Property Rights, Liberalism, and the Transition from “Actually Existing” Socialism // *East European Politics and Societies and Cultures*. 1990. Vol. 5, Is. 1. P. 162–188.

невмешательства в компетенцию друг друга;

– формирование представительного и законодательного органа государственной власти на основе конкуренции и свободного волеизъявления граждан;

– достижение верховенства права и создание правового государства;

– содействие становлению и развитию гражданского общества;

– создание условий для деятельности независимых СМИ плюрализма;

– переход к рыночной экономике, создание института частной собственности, создание условий для конкуренции различных форм собственности, развитие частной инициативы, что в конечном итоге должно привести к появлению среднего класса – опоры демократии.

При анализе процессов декоммунизации необходимо учитывать историю страны, менталитет граждан, национальные традиции, мифы, ритуалы, историческую память, роль религии. На специфику и динамику декоммунизации оказывают влияние развитие политических институтов, политическая культура, развитие гражданского общества, политическая конкуренция, степень вовлеченности бывшей элиты в политические процессы, способы разрешения политических конфликтов не только на современном этапе развития, но и в доавторитарный и авторитарный периоды.

Временные рамки также влияют на процессы декоммунизации. В странах с первой волной реформ наблюдается большой рост доверия и стремления к демократии. Однако временные переменные иллюстрируют, что отсроченные меры были наиболее эффективными примерно через десять лет после начала переходного периода, являющегося пиковым моментом для принятия мер люстрационных мер. Значительная отсрочка принятия мер может подорвать саму идею реформ и веру в реформаторов¹⁰⁴. При этом остается открытым вопрос – является ли «декоммунизация» неотъемлемой частью процесса

¹⁰⁴ Horne S. M. The Timing of Transitional Justice Measures // Post-Communist Transitional Justice. Lessons from Twenty-Five Years of Experience / ed. by L. Stan and N. Nedelsky. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. P. 123–147.

демократизации, или этот процесс автоматически влечет за собой декоммунизацию общества.

По мнению ряда исследователей, таких как J. Staniszkis, A. Körösényi, K. Verdery, V. Ganey, M. Łoś и Zybertowicz¹⁰⁵, реализация на практике декоммунизационных мер не привела автоматически к искоренению коммунистической идеологии и практики и к возникновению современного общества и государства, основанного на верховенстве права. Более того, симбиоз различных идеологий и практик позволил сохранить некоторые фундаментальные структуры коммунистического государства параллельно с вновь созданными государственными институтами, которые в реальности оказались искаженными или недееспособными¹⁰⁶. Поляризованные политические представления о коммунистическом прошлом, которые легли в основу дискуссии о его осуждении или оправдании, привели к еще большему расхождению между заявлениями политических лидеров и реальными действиями в посткоммунистических обществах.

Таким образом, следует отметить, что декоммунизация по своей сути и содержанию является единым процессом для всех стран ЦВЕ, и нет необходимости выделять ее национальные, отдельные от остальных, модели. Для всех стран социалистического блока на старте процесса декоммунизации достаточно общих черт, которые можно считать универсальными для всех, важнейшими из которых являются «единая доминирующая идеология (хотя с

¹⁰⁵ Staniszkis J. "Political Capitalism" in Poland // *East European Politics and Societies and Cultures*. 1990. Vol. 5, Is. 1. P. 127–141; Körösényi A. Revival of the Past or New Beginning? The Nature of Post-Communist Politics // *The Political Quarterly*. 1991. Vol. 62, Is. 1. P. 52–74; Verdery K. *What Was Socialism, and What Comes Next?*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1996. P. 112; Ganey V. I. Dysfunctional Sinews of Power. Problems of Bureaucracy-Building on the Postcommunist Balkans (paper presented at the Conference on "Civil Society, Political Society and the State: A Fresh Look at the Problems of Governance in the Balkan Region," Split, Croatia, November 23–24, 2001) [Electronic resource]. URL : http://web.ceu.hu/cps/bluebird/pap/split_ganey.pdf (дата обращения: 12.11.2021); Łoś M., Zybertowicz A. *Privatizing the Police-State. The Case of Poland*. London : Palgrave Macmillan, 2000. 270 p.

¹⁰⁶ Ganey V. I. *Preying on the State: The Transformation of Bulgaria after 1989*. New York : Cornell University Press, 2007. 240 p.

разной степенью "укорененности" или разложения); отсутствие частной собственности (полное или частичное) и рыночных отношений; близкие институциональные модели государственного устройства (внешне напоминающие парламентские республики, но в действительности представляющие собой различные версии партии-государства); сходство если не политической культуры, то многих ее составляющих»¹⁰⁷. Сходство появляется и на уровне элит, образовательного пространства их подготовки через сеть партийных школ, обучение и стажировок в СССР и т.д. Сходство прослеживается и в воззрениях граждан этих стран. Как справедливо отмечает Э. Паин, «множество стереотипов поведения и сознания, приписываемых национальному характеру либо многовековой жизни в особых цивилизационных условиях... на самом деле сформировались за исторически короткий коммунистический период»¹⁰⁸.

Общность черт этих стран определяется и их единой географической принадлежностью к конкретному региону. Для них характерны, по существу, одни и те же институциональные изменения и трансформации в рамках политики декоммунизации. Разница между ними проявляется только в темпах проведения реформ, но при этом преждевременно говорить об успехе или провале модернизации и демократизации в этих странах, поскольку эти процессы требуют значительно большего времени наряду с другими основополагающими факторами, такими как достижение консенсуса в обществе относительно проводимых реформ, постепенное улучшение экономической ситуации, выбор приемлемой модели управления политической системой и т.д.

¹⁰⁷ Макаренко Б. И. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2008. № 3(50). С. 106.

¹⁰⁸ Паин Э. Общество без традиций перед вызовами современности // *Россия в глобальной политике*. 2008. Т. 6, № 3. С. 8–26.

1.3. Исторические предпосылки и социально-культурные основания трансформационных процессов в Польше

Задачи, поставленные в данном исследовании, не могут быть решены без анализа исторических предпосылок и социокультурных основ трансформационных процессов в современной Польше, поскольку «любое явление имеет глубокие исторические корни, имеет аналоги в прошлом, что дает основание говорить о преемственности, находить те моменты, которые все еще влияют на сущность изучаемого объекта»¹⁰⁹.

Важно отметить, что в польской истории существует множество наслоенных пластов событий, процессов различного происхождения, которые сформировали менталитет народа. Эти события и процессы становятся причиной появления обид, травм и мифов, которые влияют на текущее развитие современной Польши, порождая череду конфликтов, вызывая раскол в обществе. Этот раскол приводит, с одной стороны, к появлению реваншизма, а с другой – к фиксации в памяти народа негативных моментов, которые впоследствии интерпретируются различными политическими силами исходя из собственных интересов. Такая ситуация приводит к обострению враждебности сторон и при этом важное значение имеет то, что прошлые события часто рассматриваются неадекватно их контексту, и используются на потребности текущих конфликтов. Как справедливо отмечает польский исследователь Р. Почиковский, «конфликты, порождаемые борьбой за память, основаны на

¹⁰⁹ Керимов А. А. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2015. С. 60.

политических, этнических или религиозных причинах. Иногда это конфликты, разжигаемые и даже порожденные настроениями, имеющие сильные чувства исторической обиды и оправдывающие необходимость реванша, имеют большой масштаб и оборачиваются трагическими последствиями»¹¹⁰.

Процессы реформации и контрреформации, как «совокупность социокультурных преобразований, определяющих ход конфликтов в эпоху национальных революций, государственно-церковных отношений, затем национал-демократических революций XVIII и XIX вв. между централистскими тенденциями формирующихся национальных государств и центробежными силами государственных интересов и регионализма, и, наконец, промышленная революция как классовый конфликт и конфликт между городом и деревней»¹¹¹ являются началом для выяснения природы формирования мифов в сознании поляков.

В ходе этих событий создавались различные организации и союзы, которые, набирая популярность и стабилизируясь, принимали устойчивые институциональные формы и идеологические позиции.

Начало польского мифотворчества можно отнести к эпохе дворянской республики. В XVII в. республика все еще находилась на пике своего развития, но в конце века уже наметились тенденции упадка государства. Ученые сходятся во мнении, что этот период оставил неизгладимый след в польской культуре и менталитете¹¹². Во времена барокко культура польского дворянства вступила в новую фазу. На смену ренессансному подходу, открытому для всех «новинок» извне, пришли изоляционистские тенденции, культивирование

¹¹⁰ Poczykowski R. Lokalny wymiar pamięci. Pamięć zbiorowa i jej przemiany w północno-wschodniej Polsce. Białystok : Uniwersytet w Białymstoku, 2013. P. 97.

¹¹¹ Białous M., Sadowski I. Na karuzeli krzywd. Historyczne źródła podziałów społeczno-politycznych w Polsce // Studia Politologiczne. 2013. Vol. 29. P. 80.

¹¹² Törnquist-Plewa B. T. The Wheel of Polish Fortune: Myths in Polish Collective Consciousness during the First Years of Solidarity. Sweden : Lund University, 1992. P. 35.

отдельной культуры и даже ксенофобия¹¹³. Возникло состояние ума, называемое сарматизмом¹¹⁴. Одной из его важных составляющих был польский непримиримый католицизм, который стал доминирующей силой в обществе в результате контрреформации в Польше. Торжество католицизма было предопределено рядом факторов, важнейший из которых выражался через конфессиональное различие, т.е. католическая Польша боролась против протестантской Швеции, православной России, мусульманской Турции. Этот фактор был успешно использован духовенством и политической элитой и развит до состояния идеи, представляющей Польшу оплотом христианского мира, с миссией защиты западного христианского мира от «варваров», особенно с Востока. Другие государства Центральной Европы также утверждали, что они являются оплотом христианского мира, но Польше эта роль была приписана папской дипломатией в XV в. В течение XVI в. Польшу хвалили как «Antemurale Christianitatis» как поляки (например, С. Оржеховский), так и иностранные публицисты (например, Э. Роттердамский, Ф. Меланхтон, Ф. Буонаротти)¹¹⁵. Войны XVII в. еще больше укрепили образ «оплота», особенно после победы Я. Собеского над турками в битве под Веной в 1683 г. Дворянство связывало понятие «оплот» с убеждением, что Бог охраняет Польшу, что Бог не может допустить гибели этого самого верного защитника, нации, которую он избрал оплотом христианского мира¹¹⁶. Это убеждение в том, что Бог обязан защищать Польшу из-за особой привилегии людей, избранных им для особой миссии, еще более укрепилось после провозглашения Девы Марии королевой («Регина») и покровительницей Польши Законом от 1 апреля 1656 г. Закон возник из идеи о том, что Дева

¹¹³ Tazbir J. Polskie Przedmurze chrześcijańskiej Europy. Mity a rzeczywistość historyczna (El baluarte polaco de la Europa cristiana. Los mitos y la realidad histórica). Varsovia : Interpress, 1987. P. 15–44.

¹¹⁴ Plewa B. T. The Wheel of Polish Fortune: Myths in Polish Collective Consciousness during the First Years of Solidarity. P. 35.

¹¹⁵ Tazbir J. The Polonization of Christianity in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Studies in Church History Subsidia. 1990. Vol. 6. Faith and Identity: Christian Political Experience. P. 117–135.

¹¹⁶ Plewa B. T. The Wheel of Polish Fortune: Myths in Polish Collective Consciousness during the First Years of Solidarity. P. 35.

Мария будет заступаться между Богом и польским народом и что она, как королева, будет обязана защищать своих верующих¹¹⁷. В контексте католицизма появился еще один миф, но не менее важный: «это нация (поляки), которая дала миру Папу, и избавила западный мир от коммунизма»¹¹⁸. Таким образом, вера в чудо была мессианским элементом, и, этот элемент сыграл немаловажную роль в становлении национального менталитета поляков.

Для подавляющего большинства поляков философское содержание мессианизма было недоступно из-за его интеллектуальной сложности. Но эмоциональный и хорошо известный религиозный символизм мессианизма был привлекательным, которое соответствовало представлению о Польше как избранной нации и вере в то, что жертвы нации должны быть вознаграждены чудесным спасением Польши Провидением. В такой упрощенной форме, как своего рода повседневное отношение к жизни, мессианизм был принят польскими массами, живущими в течение долгого времени в условиях отсутствия национально-государственного суверенитета.

Ситуация коренным образом изменилась в ноябре 1918 г., когда Польша обрела независимость благодаря революции в России, итогам Первой мировой войны и международной обстановке, чем умело воспользовались польские политики. Первый глава правительства независимой Польши в 1918-1919 г., ближайший соратник Ю. Пилсудского, соучредитель Польской социалистической партии Е. Морачевский так вспоминал первые дни независимости: «Невозможно передать тот восторг, восторг, который испытывал польский народ в этот момент. Спустя 120 лет цепи разорваны! Они ушли! Свобода! Независимость! Объединение! Наше государство! Навсегда! Те, кто не пережил эти короткие дни, кто не танцевал от радости со всеми

¹¹⁷ Sawicki W. Regina Poloniae: Akt z 1 IV 1656 roku w świetle prawaustrojowego państwa polskiego Kiejgo. Lublin : Wydawnictwo Naukowe Kulu, 1973. P. 440.

¹¹⁸ Zubrzycki G. History and the National Sensorium: Making Sense of Polish Mythology // Qualitative Sociology. 2011. Vol. 34, Is. 1. P. 26.

людьми, никогда не испытают наивысшего счастья в своей жизни. Четыре поколения напрасно ждали этого момента, пятое – увидело его наступление»¹¹⁹.

После получения независимости от России начался процесс восстановления польской государственности, прерванной событиями раздела Польши в конце восемнадцатого столетия. В марте 2021 г. была принята Конституция Польши, которая гарантировала каждому гражданину право свободно выражать свои идеи и убеждения способом, не нарушающим правовых норм и прав других граждан. Конституция также гарантировала право на создание объединений, собраний, различных ассоциаций и союзов. Однако в основном законе не было упоминания о принципе политического плюрализма как одного из основных принципов государственной системы управления, и конституционный закон от апреля 1935 г. придерживался аналогичного подхода. В Конституции политические партии также не были перечислены в качестве важных элементов политического порядка. Как отмечает конституционалист Л. Гарлицкий: «традиционный либералистский подход к политическим партиям ограничивался формулировкой свободы в создании и деятельности партий и придавал лишь ограничительную функцию правовым нормам, определяющим границы дальше которых политические партии идти не могли»¹²⁰.

Вторая мировая война перекроила политическую карту мира, вызвала изменения в политической системе ряда государств. С формированием социалистической системы Польша была интегрирована во все ее структуры и, по сути, находилась под значительным влиянием Москвы.

По мнению польских исследователей, в 1948 г. начался процесс сталинизации Польши, и польские сторонники режима сталинизма не только хотели внедрить в Польшу советскую экономическую систему, они также хотели изменить историческое сознание поляков, отрезав его от старых

¹¹⁹ Łossowski P. *Dyplomacja polska, 1918-1939*. Warszawa: Wydawnicza ASPRA-JR, 2001. P. 237.

¹²⁰ Цит. по: Plewa B. T. *The Wheel of Polish Fortune: Myths in Polish Collective Consciousness during the First Years of Solidarity*. P. 35.

традиций, разрушив национальные мифы и заставив поляков «полностью полюбить новый порядок»¹²¹. Помимо насильственной коллективизации сельского хозяйства, главной целью нового режима была борьба с католической церковью. Религиозное образование было запрещено, люди, участвовавшие в религиозных обрядах, подвергались притеснениям, священники и епископы преследовались, церковное имущество конфисковалось, предпринимались попытки расколоть церковь изнутри. Однако церковь в Польше не разделила судьбу церквей других стран восточного блока. Историки объясняют это рядом различных факторов, таких как сильная связь между католицизмом и польской идентичностью и огромная поддержка церкви обществом.

Практически все исследователи сходятся во мнении, что до 1956 г. суверенитет Польши был настолько ограничен, что напоминал статус протектората. Это подтверждается многими опубликованными справочными документами и символическими фактами, такими как результаты первых послевоенных выборов (1947), продиктованных Сталиным, руководство польской армией генералами, откомандированными из Красной Армии, поправки Сталина к проекту Конституции Народной Республики Польша в 1952 г. Почти все также согласны с тем, что после 1956 г. Польша получила значительный уровень автономии. Однако среди участников дискуссии есть другое мнение, например, высказанное Т. Стшембошем, который отмечает, что «Польша находилась под особой оккупацией, как внутренней, так и внешней, с 1944 по 1990 год»¹²². В то же время другой исследователь К. Керстен подчеркивает: «Мы не поймем историю Польской Народной Республики, если не будем знать механизм зависимости от Москвы. Сегодня мы не знаем, как

¹²¹ Törnquist-Plewa B. *Insanity ('Obłęd')* by Jerzy Krzysztoń as a record of historical consciousness and the collective psyche of the Polish society in the late 1970's // *Scando-Slavica*. 1989. Vol. 35, N 1. P. 33–48.

¹²² Dąbrowski F. *Transformacion Del Sistemapolitico (1988–1991)* // *Memoria de Naciones: Guia de Transicion Democratica. La Experiencia de Polonia* [Electronic resource]. URL : https://www.academia.edu/41216534/TRANSFORMACION_DEL_SISTEMA_POL%3%93N_DEL_SISTEMA_POL%3%8DTICO_1988_1991_DESMANTELAMIENTO_DEL_APARATO_DE_SEGURIDAD_ESTATAL_1989_1991_ARCHIVOS_DEL_R%3%89GIMEN_1989_2017_ (дата обращения: 12.11.2021).

работал этот механизм, какие решения были приняты сначала в Варшаве и только приняты (или отвергнуты) штабом, какие решения были приняты в Москве и переданы соответствующим товарищам в Польше для исполнения»¹²³.

Безусловно, в Польше в социалистическую эпоху не было ни свободных выборов, ни свободы слова, ни свободы печати, ни свободы воздвигать памятники в зависимости от симпатий отдельных политических движений. Народ не был самостоятелен в решении собственных проблем и в выборе пути цивилизационного развития. И поэтому сегодня неудивительно, что в постсоциалистическую эпоху на волне антикоммунизма, политики и общественные активисты обратили внимание на возможность опираться на образы прошлого, в т.ч. на мифы, и создавать вокруг них чувство общности. Средствами для достижения этой цели служат новые музеи, памятники, различные ассоциации любителей истории, фильмов и книг, благодаря которым возрождается интерес к прошлому, где поляки пытаются обрести свою идентичность. Практически все политические партии, общественные движения, органы власти различных уровней имеют в своем арсенале «историческую политику». Эта политика реализуется через систему образования, культуры, пропаганды, индустрии развлечений, с целью создания сильной национальной идентичности, которая характеризуется такими процессами, как дифференциация воспоминаний и интерпретация прошлого; внедрение в публичный дискурс прошлого и в официальную память событий и несправедливостей, связанных с прошлым, причиненными полякам представителями других наций и меньшинств; популяризация такого типа подхода к прошлому, при котором отношение индивидов к прошлому уже не опосредуется государством и нацией. На этой волне возросла важность

¹²³ Dąbrowski F. Transformacion Del Sistemapolitico (1988–1991) // Memoria de Naciones: Guia de Transicion Democratica. La Experiencia de Polonia [Electronic resource]. URL : https://www.academia.edu/41216534/TRANSFORMACION_DEL_SISTEMA_POLITICO_1988_1991_DESMANTELAMIENTO_DEL_APARATO_DE_SEGURIDAD_ESTATAL_1989_1991_ARCHIVOS_DEL_RGIMEN_1989_2017_ (дата обращения: 12.11.2021).

сосредоточения внимания на местных и региональных традициях, что усилилось после 1989 г.

В конце 1970-х гг. социологом С. Новаком было проведено исследование состояния сознания польского общества. Результаты показали сильное эмоциональное разделение общества на «мы», относящееся либо к ближайшей семье, либо к нации в целом, и «они», обозначающее людей во властной структуре. Это выявило глубокий разрыв между режимом и обществом. Исследовательский проект «Поляки 81», проведенный Институтом философии и социологии Польской академии наук, показал, что это разделение еще более усилилось в 1980-1981 гг. Изучение политических взглядов и отношения к определенным ценностям (например, демократии) показало, что классические социологические переменные, такие как возраст, пол и образование, не имеют для поляков никакого значения¹²⁴.

Раскол общества, популярность национальных мифов способствовали появлению альтернативной общественно-политической силы, которая могла бы соответствовать ожиданиям общества на ментальном и эмоциональном уровнях. Такой силой, как известно, была «Солидарность», которая выражала взгляды, убеждения и эмоции большинства польского общества. Тот факт, что подавляющее большинство поляков были в ее рядах, также говорит в пользу «Солидарности» как всепольского национального объединения.

Общество рассматривало «Солидарность» как силу, способную рефлексировать на исторические обиды, несправедливости, причиненные полякам. Эти обиды, наравне с мифами религиозного содержания, которые уже были описаны выше, напрямую связаны с процессом формирования менталитета и национальной памяти жителей Польши. При этом важно заметить, что имеющиеся обиды не существуют автономно, они взаимосвязаны и образуют единую цепь событий.

¹²⁴ Törnquist-Plewa B. T. The Wheel of Polish Fortune: Myths in Polish Collective Consciousness during the First Years of Solidarity. P. 144.

Исторически, с древнейших времен, отношения между польскими и русскими землями нельзя было назвать беспроблемными. В потере суверенитета в конце XVIII в. поляки традиционно обвиняют Россию, что представляется не вполне справедливым. Дальнейшее пребывание Польши в составе Российской империи можно рассматривать с различных точек зрения, однако для поляков историческая несправедливость заключается в потере национально-государственного суверенитета, что впоследствии вызвало возникновение русофобских настроений на ментальном уровне, которые существуют и сегодня. К сожалению, прошлые события часто рассматриваются неадекватно их контексту, и их выпячивание происходит на потребности текущих конфликтов. Как следствие, в таких случаях у обиженной стороны возникают компенсационные запросы реальным или предполагаемым обидчикам или их наследникам, что периодически официальная Варшава и озвучивает.

Такие негативные аспекты присутствуют у поляков и во взаимоотношениях с западным соседом – Германией. Безусловно, Вторая мировая война стала трагедией для всех народов всего мира. В Польше об этом говорят очень часто и предъявляют претензии к Германии, которые в основном носят материальный и финансовый характер, в то время как факт увеличения земель за счет немецких, определенный решениями Ялтинской конференции, замалчивается.

Очень чувствительной в польском обществе была тема польско-еврейских отношений, проблема антисемитизма. В восьмидесятых годах XIX в. в Королевстве Польском массово появились литовцы, русские евреи, поселившиеся на польских территориях в соответствии с царской политикой. Приток большой и компактной инородной группы в этническом и культурном отношении привел к росту напряженности между поляками и евреями, и положил начало современному польскому антисемитизму. Главной причиной этого напряжения, как представляется, была политическая расчетливость идеологов национальной демократии. Следует также обратить внимание на

социальные условия, которые сделали использование этой темы полезным для получения массовой поддержки. Богатство еврейской буржуазии, нерешенность социальных проблем местного населения, возможность чужака разбогатеть на «собственной земле» были благодатной почвой для развития антисемитизма.

В польском обществе периодически актуализируется проблема ущерба, нанесенного владельцам собственности в послевоенный период. Проводимая коммунистическими властями социально-экономическая политика, предусматривавшая декрет о национализации, аграрной реформе и эгалитаризации, хотя и была направлена на улучшение положения ранее эксплуатируемого рабочего класса и крестьян, тем не менее, не была принята польским обществом. Отказ от коммунистической идеологии и практики породил волну репрессий со стороны режима, что стало причиной появления еще одного звена в цепи недовольств.

К восьмидесятым годам прошлого столетия накопившиеся недовольства, обиды, травмы, а вместе с ними и неприязнь к властям были настолько значительными, что привели к расколу в обществе, где социальные группы, индивиды идентифицировали себя в терминах «мы-они». Этот негатив отражается и на современном этапе на некоторых особенностях межэлитной борьбы. Эта ситуация приводит к обострению враждебности сторон и актуализирует вопрос о том, кем в прошлом были политики (их отцы, деды), которые сегодня управляют страной. Современная польская политика изобилует примерами, которые отражают эту специфику. Самый громкий скандал разразился во время выборов президента в 2005 г, когда Дональду Туску пришлось отвечать за «дедушку в Вермахте». Еще один характерный пример – громкое заявление депутата Марка Суски, озвученное им во время местных выборов 2006 г. В частности, он сказал: «если семья кандидата боролась за Польшу, за независимость, а дед был в армии, а прадед участвовал

в январском восстании, то только такой человек дает гарантию генетического патриотизма»¹²⁵.

Эти примеры свидетельствуют о характерном для Польши методе укоренения текущего конфликта в прошлом с целью не только поиска прямых виновников или их наследников, но и увековечивание определенных сравнительных фигур, укрепление в сознании поляков мифов, как позитивных и негативных образов. Эти примеры наглядно показывают, что исторические призывы играют большую роль в политике современной Польши, которые служат важным инструментом мобилизации общества. Политические силы, прибегая к таким методам манипулирования, пытаются вызвать определенные моральные, эмоциональные рефлексии со стороны общества. Идеализируя свое прошлое и призывая к тем образцам существования Польши, элита пытается отвлечь внимание общества от актуальных проблем.

Как справедливо отмечает британский историк Н. Дэвис, в Польше «поэтический, образный и восторженный подход к истории все еще более распространен, чем критический, рефлексивный или аналитический подход, ... в польской традиции исторический образ оказался гораздо более убедительным, чем исторический факт»¹²⁶. Этот вывод является квинтэссенцией национальной памяти, поддерживаемой и культивируемой в Польше, которая воспроизводит следующую схему: «нация постоянно подвергается угрозе со стороны опасных соседей, Польша по сути и навечно является католической, ее идентичность охраняется Римско-католической церковью и оберегается ее царицей – чудотворной Черной Мадонной, Ченстоховской иконой Божией Матери. Польша, словно "Христос среди народов", претерпела мученическую смерть за грехи мира, но воскресла ради его спасения. Будучи надежным оплотом христианства, защищающим Европу

¹²⁵ Białous M., Sadowski I. Na karuzeli krzywd. Historyczne źródła podziałów społeczno-politycznych w Polsce // Studia Politologiczne. 2013. Vol. 29. P. 79–111.

¹²⁶ Davies N. God's Playground: A History of Poland (2 Volume Set). Vol. 1: The Origins to 1795. Vol. 2: 1795 to the Present. New York : Columbia University Press, 1982. P. 18.

от неверных (кто бы они ни были), она дала миру Папу (Иоанна Павла II), почтительно именуемого "Папой тысячелетия" и – с гордостью – "нашим Папой", который спас западный мир от коммунизма»¹²⁷.

Проблемы трансформационных процессов Польши кроются не только в прошлом, обусловленном особенностями национального менталитета, спецификой государственного образования, но и современными факторами, определяющими успех преобразований. По меткому замечанию Л. С. Лыкошиной, «в посткоммунистической Польше одной из характерных черт политической жизни являлось недостаточное развитие ее политической инфраструктуры»¹²⁸. Это касалось и уровня развития демократических институтов, и демократической политической культуры, и, как следствие, элиты. Именно в таких трудных условиях Польша, первая страна ЦВЕ, вставшая на путь демократических перемен, попыталась определить структуру политической власти, которая гарантировала бы укрепление демократических ценностей и в то же время избегала острых политических кризисов.

Трансформационный сценарий в Польше был связан с идеализацией парадигмы саморегулирования, что впоследствии привело к определенным трудностям, ставшим тормозом на пути реформ. Идея саморегулирования в понимании польской элиты проецировалась как на экономику, так и на политику, в рамках упрощенного понимания реализации концепции свободного рынка и суверенной республики. Считалось, что веяние свободы и гражданская активность непременно приведут к историческим переменам. При этом элита упускала из виду важнейшие условия успеха преобразовательных процессов. Прежде всего, речь должна идти о наличии и степени зрелости гражданского общества, что, несомненно, является слабой стороной польской демократии.

¹²⁷ Зубжицки Ж. *Polonia semper fidelis? Национальная мифология, религия и политика в Польше // Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* 2016. № 3(34). С. 45.

¹²⁸ Лыкошина Л. С. Особенности формирования польского парламентаризма (обзор) // *Процессы демократизации в Восточной Европе: ожидания и реальность.* М. : ИНИОН РАН, 2002. С. 68.

Для польской элиты 80-х гг. прошлого столетия было характерно упрощенное понимание сути концепции гражданского общества. Идея *civil society* глубоко укоренилась во всех дискурсах, касающихся исторической регенерации, обусловленной падением коммунизма. В чем же заключалось упрощение? Как отмечает польский политолог С. Филиппович, «по странному стечению обстоятельств, данная идея никогда не была прочитана [элитой и обществом] в присущем, можно сказать, естественном ей контексте»¹²⁹.

Civil society – как идея, восходящая к временам Дж. Локка, сыграла весомую роль в формировании этоса свободы. Она связана с определенным особым взглядом на историю, общество, нравы и политику, сформированным идеей цивилизованности. *Civility* (цивилизованность) подразумевает изысканные манеры, утонченность, которая становится определенным эстетическим и культурным, равно как и важным политическим кодом. Другими словами, она становится некой матрицей свободы, основанной на принципах взаимопонимания, доброжелательности и симпатии. В этом и заключается суть данного понятия. Именно этот смысл заложен в идеях свободы и исторических перемен, связанных с формулой гражданского общества. Можно утверждать, что термин *civility* является эквивалентом понятия «культурного капитала», равно как «социального капитала», которые сейчас стали чрезвычайно модными¹³⁰. В Польше же восприятие общепринятого смысла гражданского общества с самого начала было искажено и обременено серьезными недочетами. Во-первых, ему не хватало ясности и последовательности в понимании сущности гражданского общества. Происходило смешение различных по смыслу понятий, таких как «демократическое строительство», «возрождение», «реституция», «люстрация», которые несли совершенно иную смысловую нагрузку. Во-вторых, так и не

¹²⁹ Филиппович С. Догматы и опыт. Несколько замечаний о характере польской демократии // *Studia Politologiczne*. 2013. Vol. 30. С. 12.

¹³⁰ См.: Becker M. B. *The Emergence of Civil Society in the Eighteenth Century: A Privileged Moment in the History of England, Scotland and France*. Bloomington : Indiana University Press, 1994. 164 p. и Putnam R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York : Simon & Schuster, 2000. 544 p.

был найден ответ на вопрос – возникает ли гражданское общество благодаря внутренним процессам, основанные на устоявшихся традициях народа, опыте государственного строительства, или все же благодаря принятию извне уже сформированных моделей и их адаптации на конкретной почве.

Наблюдаемая хаотичность в осуществлении реформ в Польше позволяет сделать вывод, что польская элита верила в оба варианта зарождения и развития гражданского общества одновременно. Такое восприятие природы зарождения гражданского общества придавало трансформационным процессам характер импровизации и указывало на отсутствие заранее продуманного плана. Сложившуюся ситуацию с предельной ясностью сформулировал С. Филипович, что Польша «столкнулась не столько с пост-политикой, сколько, вероятнее всего, с прото-политикой»¹³¹.

Как уже было упоминалось, другая идеализированная польской элитой идея саморегулирования была связана с концепцией свободного рынка. Свободный рынок как аксиома и квинтэссенция капитализма, составляющий основу либерализма, для посткоммунистической Польши становится формой отрицания коммунизма и всего, что с ним связано. Упрощенное восприятие либерализма как антипода коммунизма предполагало автоматическое разгосударствление общенациональной собственности, переход к рыночным отношениям, демократизацию общественных отношений, выстраивание коммуникаций между властью и население по канонам гражданского общества, т.е. полную перестройку государства и общества на новый либеральный лад. Поверхностное отношение к пониманию сущности либерализма и безграничная вера в его возможности породили антикоммунистическую, антисоветскую риторику, и обществу были предложены простые дилеммы – коммунизм или демократия, рынок или плановая экономика – с готовыми ответами – коммунизм – плохо, а демократия – хорошо, плановая экономика – дальнейшее обнищание, а рынок – процветание. Риторика декоммунизации сопровождалась

¹³¹ Филипович С. Догматы и опыт. Несколько замечаний о характере польской демократии. С. 15.

и подкреплялась символическими актами и соответствующим оформлением с точки зрения эффективности воздействия на общественное сознание.

Анатомию упрощений и иллюзий относительно трансформации польского государства и общества весьма точно представляет социолог Е. Шацкий. «Можно сказать, – пишет он, – что в странах реального социализма либерализм проявился сначала как своего рода коммунизм наоборот, – и поэтому, прежде всего, как набор принципов, противоречащих официальной идеологии и являвшихся, по сути, ее противоположностью»¹³². Такой подход, на первый взгляд, позволял сформулировать и предложить обществу весьма привлекательный образ будущего, но для реализации этих планов на практике он был неприемлем, ибо в силу масштабности и сложности трансформационных процессов нужны были более продуманные способы и механизмы. Представляется, что на начальном этапе эпохальных перемен государство должно выступить в роли авангардной силы преобразовательного процесса, оно должно заложить основу нового строя. Однако, как верно подчеркивает Е. Шацкий, «спроектированный капитализм неизбежно уподобляется другим рационалистическим утопиям, исходной точкой которых являются абстрактные принципы, а не практика»¹³³.

Идея саморегулирования и эйфория начального этапа трансформационных процессов отодвинули на периферию важнейшее необходимое условие успешных преобразований. В данном случае речь идет о социальном капитале, о чем мы рассуждали в рамках первой главы данного исследования. Зрелость социального капитала в трансформирующихся обществах является ключом к успеху. Его недостаток всегда негативно сказывается на процессах, что приводит к застою, а иногда и к отказу от преобразований. На слабом развитии социального капитала акцентируют внимание польские ученые, которые неуспех демократии связывают с его дефицитом.

¹³² Szacki J. Liberalizm po komunizmie. Kraków : Społeczny Instytut Wydawniczy Znak, 1994. P. 184.

¹³³ Там же.

Рассматривая социальный контекст преобразовательного процесса, необходимо вновь вернуться к проблемам гражданского общества. Очевидно, что непродуктивно говорить о новых социальных связях, общностях всерьез и на долгосрочной основе, если они стали результатом восприятия сиюминутных, не до конца осознанных населением проектов, предложенных элитой, которая и сама еще находясь на стадии возможной консолидации, не в полной мере осознала алгоритм и сложности предстоящей трансформации. Архитекторы польских реформ не учитывали состояние культуры, традиций, морали польского общества, сформировавшиеся в послевоенный период.

Ретроспективно можно также отметить этническую неоднородность польского общества, которая создавала определенную напряженность в государстве и препятствовала строительству новой Польши после получения ею независимости от России. Региональная разобщенность, конфликты с национальными меньшинствами, составляющими примерно треть жителей страны, на первых порах послевоенного периода были неотъемлемой частью социально-политической жизни Польши. Среди польских граждан в 1921 г. насчитывалось 14% украинцев, 4% белорусов, 4% немцев и 8% евреев¹³⁴.

Процесс культурно-политической унификации в Польше затянулся и окончательно в межвоенный период так и не завершился. Развитие системы национального образования (в частности, введение обязательного семилетнего образования на польском языке) и укрепление армии лишь частично помогли решать проблему интеграции нации. Значительные противоречия между польскими властями и представителями национальных меньшинств, в том числе проживающими на территории Западной Украины, Западной Белоруссии и Вильнюсского края, сохранялись и даже в некоторых случаях обострялись. Эти земли не получили никакой автономии в составе Польши. Согласимся с мнением Е. Ю. Мелешкиной, которая отмечает, что «польское правительство пыталось ассимилировать национальные меньшинства или снизить их влияние

¹³⁴ Brubaker R. Nationalizing states in old 'New Europe' - and the new // *Ethnic and Racial Studies*. 1996. Vol. 19, N 2. P. 417.

на внутривнутриполитическую и культурную жизнь страны. Воплощением достаточно жесткой политики стало языковое и образовательное законодательство, в частности закон 1924 г. о языках управления в органах власти и самоуправления. В этом законе польский язык признавался единственным государственным. Остальные языки разрешалось использовать только в нижестоящих органах власти или органах местного самоуправления»¹³⁵. Таким образом, присущие польскому обществу некоторые проблемы этноконфессиональной гомогенности не могли не сказываться на развитии страны.

На протяжении большей части своей истории Польша была населена людьми, принадлежащими к различным этническим, языковым и религиозным общинам. Но Вторая мировая война внесла значительные изменения в национальный и конфессиональный состав Польши: евреи, которые в 1931 г. составляли примерно 10% населения, были уничтожены во время Холокоста или эмигрировали после войны, поскольку многие выжившие стали объектами погромов или спонсируемых государством антисемитских кампаний. Границы польского государства также сместились на запад после Второй мировой войны – украинские, белорусские и литовские меньшинства были включены в состав Советского Союза, а немецкое население на Западе было изгнано. В результате этнические поляки, которые до войны составляли примерно 65% населения Второй республики, к 1946 г. составляли около 95% населения Народной республики. Резко изменился и религиозный состав населения: в 1931 г. католики составляли 65% населения Польши, к 1946 году доля католиков в новых границах возросла до 96 % населения¹³⁶.

Несмотря на усилия польских властей, противоречия, присущие польскому обществу, не были разрешены ни в социалистическую, ни в посткоммунистическую эпоху. В этом контексте необходимо иметь в виду то,

¹³⁵ Мелешкина Е. Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе : монография. М. : [ИНИОН РАН], 2012. С. 128.

¹³⁶ Tomaszewski J. The National Question in Poland in the Twentieth Century // The National Question in Europe in Historical Context / ed. by M. Teich and R. Porter. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. P. 293–316.

что социальная реальность, необходимая для успеха трансформационных процессов, не конструируется в одночасье. Создание нового типа социальных связей, основанных на взаимном уважении и доверии членов общества и стремлении к сотрудничеству, требует соответствующих условий и определенного периода времени. Только при наличии соответствующего социального капитала можно рассчитывать на успех преобразований. Однако поиск примеров и образцов для заимствования или подражания не должен подменять собой задачу конструирования собственной социальной среды. Это относится и к поиску приемлемой модели трансформации без попыток навязать обществу концепцию повторяющихся слепых заимствований. Определение целей трансформации должно находиться в соответствии с запросами, пониманием общества и его готовностью поддержать данный процесс. Принимаемая модель реформ должна быть адаптирована к существующим условиям без отказа от собственной позиции. В противном случае запускаются механизмы неприятия проводимых реформ, актуализируется вопрос о самодостаточности народа и государства. Подобный опасный образ мысли, соответствующий в самых общих чертах механизму собственного обесценивания, в научной литературе получил название «ориентализации»¹³⁷, т. е. создание схем, позволяющих свысока смотреть на версии бытия, оттесненные на противоположный полюс, отличный от собственной культуры, которой приписывается статус второстепенного. Относительно Польши, «ориентализацию» М. Янион именует «"самоориентализацией", подразумевая механизм самоуничужения, неоднократно напоминавший о себе в прошлом, и снова проявившийся во времена "трансформации"»¹³⁸. Прочитируем и З. Краснодембского, определяющего польскую демократию как «демократию

¹³⁷ Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский мир, 2006. 640 с.

¹³⁸ Janion M. Niesamowita Słowiańszczyzna: fantazmaty literatury. Kraków : Wydawnictwo Literackie, 2007. 360 p.

периферии», акцентируя внимание на подражательном, имитационном характере всей концепции перемен¹³⁹.

Сегодня польские политики утверждают, что Польша стала важным актором на европейской арене. Действительно, она является членом НАТО и Евросоюза. Однако можно ли эти успехи современной Польши трактовать как качественный скачок в приближении к стандартам европейской цивилизации, что, несомненно, представляется весьма дискуссионным.

Важнейшим условием успеха процесса трансформации политической системы является уровень развития политической культуры общества. Формирование польской политической культуры в социалистическую эпоху происходило под влиянием ряда факторов: во-первых, значительную роль в ее формировании сыграли образцы, унаследованные из прошлого, содержащие традиции плюрализма; во-вторых, ее формирование в дальнейшем происходило в условиях господства навязанной польскому обществу социалистической идеологии с ее монопартийностью, отсутствием плюрализма и конкурентной борьбы, свободных рыночных отношений. Г. Алмонд, анализируя предпосылки формирования политической культуры в странах Центральной и Восточной Европы, охваченных системой социализма, утверждал, что правительство, прежде всего руководство коммунистических партий, пыталось «установить организационную монополию и монополию средств массовой информации ..., идеологический конформизм поощрялся, а отклонения строго наказывались. Местные и соседские общины находились под надзором партийных активистов»¹⁴⁰. Данная краткая характеристика функционирования моноцентрических систем социализма четко передает суть их воздействия на общество.

На процесс трансформации и радикализации политической культуры польского общества большое влияние оказала волна общественных протестов в

¹³⁹ Krasnodębski Z. *Demokracja peryferii*. Gdańsk: Słowo/Obraz Terytoria, 2003. 349 p.

¹⁴⁰ Almond G. A. *Communism and Political Culture Theory // Comparative Politics*. 1983. Vol. 15, N 2. P. 127.

августе 1980 г. и создание профсоюза «Солидарность», который, по сути, был не просто профсоюзной организацией, а широким общественным движением. Протесты были вызваны рядом факторов, в том числе утратой доверия общества со стороны коммунистической партии, разочарованием масс в социалистическом образе жизни, усталостью от режима и ожиданиями обещанного светлого будущего и всеобщей справедливости, неспособностью экономики удовлетворить потребности населения и т. д. В протестном движении участвовала значительная часть общества, которая не хотела и дальше подчиняться той форме правления, которая не отвечала ее запросам, потребностям и сформированным культурным моделям. Все эти моменты приближали падение монополии коммунистической партии в Польше.

Несмотря на относительно либеральный характер поздней фазы развития коммунистического режима, нельзя забывать о том, что общество в той или иной степени пережило период государственного террора. Его целью была «гомогенизация» общества, своего рода социальная селекция населения. Те «социальные группы, которые были носителями капиталистических отношений, были подвергнуты перевоспитанию либо физически уничтожены»¹⁴¹.

Таким образом, начало крушения системы было предопределено комплексом процессов, свидетельствующих об углублении кризиса политической системы, утрате партией контроля над политическими, экономическими и социальными процессами, происходящими в обществе. Системный кризис стал неизбежным на фоне экономического коллапса и массового протестного движения трудящихся. В этих условиях действующая власть, пытаясь сохранить свои позиции, начинает проявлять активность не только в плане оказания физического и психологического воздействия на общество, но и предлагать возможные варианты реформ, направленных на улучшение ситуации. Она также была вынуждена пойти и на допущение к

¹⁴¹ Вшивцева М. Н., Миронов Д. А. Политическое и социально-экономическое развитие на посткоммунистическом пространстве в первой половине 90-х годов: основные тенденции и перспективы. С. 95.

принятию решений представителей оппозиции, несомненно, из желания сохранить если не монопольное положение, то свой доминирующий статус. В результате этой хрупкой консолидации запланированная и контролируемая коммунистической партией программа необходимых перемен была бы поддержана частью существующей оппозиции, следовательно, одобрена широкими группами населения. «Вхождение лидеров оппозиционных общественных сил в систему государственного управления узаконило бы существующий порядок, и в то же время, что было немаловажно, привело бы к дезинтеграции политической оппозиции, лишило бы ее лидеров и заблокировало бы возможность ее деятельности в качестве альтернативы Коммунистической партии»¹⁴², что могло бы обеспечить плавный переход к новым политическим и социально-экономическим отношениям, основанным на консолидации общества и консенсусе по поводу проводимых преобразований.

¹⁴² Залесны Я. Трансформация механизмов управления в Польше после 1989 года // *Studia Politologiczne*. 2013. Vol. 30. С. 43.

Глава 2. Политико-административные, социально-экономические и правовые аспекты политики декоммунизации в Польше

2.1. Декоммунизация в политической системе польского общества: трансформация механизмов управления

Начало процесса построения в Польше нового государства, основанного на свободе слова и политическом плюрализме, определяющего отношения между формирующейся государственной властью и обществом на основе формализованных и соблюдаемых всеми сторонами правил, относится к 1989 г. Этот процесс не был ни плановым, ни стихийным и его результатом стала ликвидация всеобъемлющей монополии Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) в политической системе государства.

Процесс этот был постепенным, он подготавливался предыдущим ходом развития не только польской политической системы и общества, а практически всех стран социалистического блока. В 1985 г. А. Пшеворский, предупреждая о неизбежности краха социалистической системы, отмечал, что «...имеется явное основание полагать, что капитализм продолжит демонстрировать возможность улучшать материальное положение и что его будут защищать с помощью силы даже там и тогда, когда он этого делать не станет, в то время как условия для социализма будут и дальше загнивать»¹⁴³.

Пик трансформационных событий в Польше, равно как и в большинстве стран ЦВЕ, пришелся на 1989 г. Он имел свою внутреннюю логику и динамику, выражался в многокомпонентном процессе преобразований во всех сферах общественной жизни. Однако как показала практика, элиты, как властвующая,

¹⁴³ Przeworski A. Capitalism and Social Democracy. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. P. 248.

так и оппозиционная, не были готовы к столь стремительным преобразованиям и не могли должным образом реагировать на происходящие события и предложить консолидирующие проекты реформ. Для элиты была характерна неопределенность в выборе траектории преобразований. Вместо процесса консолидации и кооптации некоторых оппозиционных деятелей в правящую элиту был получен эффект политических изменений, с присущим ему механизмом изменчивости власти, который в то время был незапланированным, а также нежелательным для правящих элит. «Различные группы элит оказались особо восприимчивыми к либерализму по учебнику. В то время как прежние представители номенклатуры могли за счет этого демонстрировать свое превращение в демократов и приверженцев рыночной экономики, настоящим противникам бывшего режима максимально далеко зашедшая трансформация представлялась преградой на пути к восстановлению старого порядка»¹⁴⁴.

Неотъемлемой частью преобразований, предложенных под эгидой коммунистической партии, была попытка видоизменить партийную систему, расширить ее за счет псевдооппозиционных партий, таких, например, как Христианско-демократическая партия, Крестьянская партия, Партия ремесленников и вновь созданные клерикальные партии. Однако в силу отсутствия поддержки со стороны католической церкви, которая набирала силу и всегда пользовалась авторитетом и поддержкой в обществе, данная инициатива не была реализована. Потерпели фиаско и другие проекты по расширению системы институтов гражданского общества за счет создания проправительственных профсоюзных и общественных организаций.

Польша все еще находилась в системе социалистического блока, входила в его важнейшие военно-политические и экономические структуры.

¹⁴⁴ Гётц Р. Теории экономической трансформации // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. Т. 1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы / [ред.-сост. П. Штыков, С. Шваниц]. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге : Летний сад, 2003. С. 93.

Осторожные шаги в направлении трансформации предпринимались с оглядкой на Москву. По этому поводу польский политолог Я. Залесны отмечает, что «положительная реакция советского правительства оказала значительное влияние на динамику происходящих в Польше перемен. Она была согласна с прогрессивными трансформациями в политической системе государства при условии, что они служат сохранению внутреннего порядка и не отрицают сотрудничества с СССР. Поэтому, по меньшей мере, с 1988 г., советские власти начали налаживать связи с различными кругами польской оппозиции, видя в них политических партнеров, а в середине 1989 г. согласились с возможностью передачи власти существующей оппозиции»¹⁴⁵.

В период, когда правящая элита искала компромисс с частью политической оппозиции, на практике применялись типичные методы борьбы с ней. Оппозиция подвергалась психологическому воздействию, за ней была установлена слежка, прослушка телефонных разговоров. Кроме того, власть не исключала крайнего варианта – введения в стране военного положения, о чем свидетельствовали некоторые приготовления со стороны министерств внутренних дел и национальной обороны.

Таким образом, на рубеже 1988 и 1989 гг. в кругах правящей элиты Польши сформировалась концепция проведения переговоров между правящей элитой и действующими нелегально активными политическими оппозиционными группами. В результате, после предварительных консультаций в начале 1989 г. были проведены переговоры за Круглым столом, где встретились представители партийно-правящей стороны и оппозиционных групп, прежде всего «Солидарности». Необходимо также подчеркнуть участие представителей иерархии католической церкви в инициировании и проведении переговоров за Круглым столом. Такое активное участие Церкви в общественных делах также является характерной чертой польской политической культуры. Переговоры за Круглым столом привели к окончательной легализации «Солидарности», выборам, в которых в

¹⁴⁵ Гётц Р. Теории экономической трансформации. С. 93.

ограниченной степени были допущены группы доселе нелегальной оппозиции, и ликвидации монополии партии и государства в СМИ. Эти события, несомненно, стали поворотным пунктом в процессе системных реформ в Польше.

Переговоры за Круглым столом как форма поиска соглашения между правящими силами и оппозицией начались 6 февраля 1989 г. и завершились 5 апреля 1989 г. Они проводились с участием 452 человек, представляющих многочисленные группы и группировки. Работа Круглого стола характеризовалась консенсусным стилем политической культуры, преобладающим над конфронтационным. Результатом этого мероприятия стало признание необходимости проведения свободных парламентских выборов, делегирующих часть существующей оппозиции в правящую систему с одновременным сохранением доминирующей роли коммунистической партии. Соглашение предусматривало восстановление институтов Президента и Сената и либерализацию избирательного законодательства, которое предусматривало распределение 35% мест на выборной основе, а 65% мест были закреплены за ПОРП и ее союзными партиями и организациями.

Другим важным результатом стало изменение системы взаимозависимости между коммунистической партией и органами государственной власти. Сужалась возможность принятия партией решений по государственным вопросам в пользу приоритета голоса конституционных органов государства. «Несмотря на очевидные уступки оппозиции в области изменения системы государственной власти, сформировавшаяся в те годы политическая система стала не плодом осознанных конституционных реформ, а лишь итогом политического компромисса, что отразилось на судьбе этой системы»¹⁴⁶.

Начавшиеся преобразования политической и социально-экономической жизни Польши стали платформой для активизации конституционного процесса, результатом которого стали семь конституционных реформ, осуществленных в

¹⁴⁶ Балобаев В. А. Трансформация политической системы в Польше // Власть. 2014. Т. 22, № 9. С. 150.

1989–1997 гг. Как отмечает Б. А. Страшун, основными целями начавшегося процесса были: «создание условий для превращения государства в демократическое и правовое, поиск оптимальных форм организации государственной власти, возрождение гражданского общества»¹⁴⁷.

Решения Круглого стола в последующем были конкретизированы и воплощены на практике в реальные действия. Как уже выше было указано, реформы также предусматривали создание Сената в составе 100 членов в качестве верхней палаты парламента, полностью избираемой путем свободных выборов. Это был компромисс, поскольку свободные выборы в Сенат должны были компенсировать оппозиции оговоренный порядок выборов в Сейм, дающий преимущества коммунистической партии. В то же время концепция верхней палаты парламента не была разработана, т.е. это был орган, структура которого была неполной и размытой, что впоследствии оказало немалое влияние на последующий ход трансформационных процессов.

Свободные выборы в Сенат, вызывающие неуверенность в их результате для коммунистической партии, коррелировались с его второстепенными по отношению к Сейму компетенциями. Поправки, предлагаемые Сенатом к законам, принятым в Сейме, могли быть одобрены Сеймом обычным большинством голосов или отклонены большинством (не менее 2/3 голосов), что создавало риск законодательного тупика, т. е. возникновения ситуации, когда Сейм не принимал или отклонял предложение Сената. Сенат не участвовал в формировании правительства, а правительство, в свою очередь, не несло ответственности перед Сенатом.

С формированием Сената связано введение поста президента, которым, согласно решениям Круглого Стола, должен был стать В. Ярузельский. Президент избирался сроком на 6 лет Сеймом и Сенатом, объединенными в Национальное собрание, что, учитывая полученный путем переговоров паритет мест в Сейме, гарантировало предсказуемость выбора и защищало В.

¹⁴⁷ Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Особенная часть: учеб. для вузов. 3-е изд., пересмотр. и доп. М. : Норма, 2008. С. 345.

Ярузельского от неожиданных сценариев. Прежде всего, исходя из этого, не могло быть и речи о всеобщих выборах президента. «Оценив рационально ситуацию, предположив демократический характер выборов, – в данном порядке президентом не мог быть избран В. Ярузельский. В то же время, данный пост предоставлялся ему политическими элитами, как правящими, так и оппозиционными»¹⁴⁸.

Таким образом, отметим, что характерная черта первых польских преобразований заключалась в том, что реформа политической системы была начата с изменений механизмов управления, а не с перемен в политической аксиологии государства, т.е. ценностей, реализации которых служит определенная система отношений в модели управления. Другими словами, новая организация государственной власти проецировалась на систему политических приоритетов, характерных для коммунистического государства, целью которого была их реализация.

Переломным событием в польской трансформации стали выборы в Сейм и Сенат летом 1989 г. Эти выборы придали мощный импульс и динамику преобразовательным процессам, и положили начало перехода власти от ПОРП к оппозиции. По сути, выборы приобрели характер плебисцита в поддержку лидера «Солидарности» Л. Валенсы и его команды. Итоги парламентских выборов показали, что «существующий государственный строй в Польше становится недействительным»¹⁴⁹.

Результаты парламентских выборов и их признание правящей партией заложили основу для расширения и углубления процесса политических изменений уже в других, отличающихся от существующих до сих пор, обязательных условиях. Это произошло по той причине, что путем голосования (что особенно ярко проявилось на выборах в Сенат) политические перемены

¹⁴⁸ Залесны Я. Трансформация механизмов управления в Польше после 1989 года // *Studia Politologiczne*. 2013. Vol. 30. С. 47.

¹⁴⁹ Kruk M. Parlament w dobie transformacji // *Transformacja ustrojowa w Polsce 1989–2009* / ed. by M. Kruk, J. Wawrzyniak. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2011. P. 59.

получили законное одобрение крупных общественных групп. Однако лидеры оппозиции не воспользовались данной возможностью и остановились на позиции соблюдения договоренностей, достигнутых за Круглым столом, вдобавок они были поощрены лидерами старого режима, которые в то же время, угрожали возможностью признания результатов выборов недействительными и применения репрессивных мер в отношении слушников¹⁵⁰.

Существенной предпосылкой утраты коммунистической партией доминирующего положения в политических структурах государства стал процесс отделения политических сил-сателлитов (Объединенная крестьянская партия – ОКП и Демократическая партия – ДП) от ПОРП. Эти партии начали высказывать собственные требования, отличные от намерений коммунистической партии. Немаловажными для них были и причины эмоционально-психологического характера – нахождение под опекой и подчинением ПОРП. После июньских выборов 1989 г. политические силы-сателлиты увидели возможность приобретения роли политического субъекта, самостоятельности действий и воспользовались ею. Они проигнорировали ранее достигнутые договоренности о консолидации сил, отвергли существующий союз с ПОРП и наладили сотрудничество с «Солидарностью», в результате чего было создано коалиционное правительство во главе с одним из лидеров «Солидарности» Т. Мазовецким при значительном участии представителей ОКП и ДП.

Важной вехой в преобразовательной деятельности стали изменения, внесенные в Конституцию Польши. Они коснулись политических и экономических основ государственного устройства. Название государства было изменено с Польской Народной Республики на традиционное – Республика Польша, вместо доминирующей роли ПОРП был провозглашен политический плюрализм с присущей ему свободой создания и деятельности политических партий. В экономической сфере гарантировались свобода

¹⁵⁰ Dudek A. Historia polityczna polski, 1989-2005. Kraków : Arcana, 2007. P. 38–39.

предпринимательской деятельности и равенство всех форм собственности, провозглашалась защита собственности и право наследования.

Как справедливо отмечает польский политолог А. Антошевски, одной из главных проблем периода становления демократии является «формирование оптимальной модели власти, определяемой во многом соотношением ее законодательной и исполнительной ветвей»¹⁵¹. С этой проблемой столкнулась и Польша.

Так называемая Малая конституция 1992 г. отменила принцип однородности государственной власти, согласно которому Сейм являлся ее высшим органом. Вместо этого был провозглашен принцип разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. Следуя типичной конструкции парламентско-правительственной системы, в сфере исполнительной власти государственными органами были президент и Совет министров.

Конституция сохранила двухпалатную систему парламента – Сейм и Сенат, через которые народ осуществлял свою власть. Между двумя палатами существовал дисбаланс в их компетенции в пользу Сейма. Сейм определял направление государственной политики, осуществлял контроль за деятельностью правительства. Преимущество в законодательном процессе было на стороне Сейма, который мог отклонить предложенные Сенатом поправки к принятым Сеймом законам.

Существующий политический порядок в Польше характеризовался полумерами, неопределенностью в управленческих решениях, что свидетельствовало о незавершенности строительства нового государственного порядка. Партийно-политическая структура, особенности межпартийных, межэлитных отношений и существовавшая в это время политическая культура породили немало конфликтов, результатом, которых, например, стала отставка кабинета министров Х. Сухоцкой в 1993 г., поражение Л. Валенсы на

¹⁵¹ Antoszewski A. Instytucje władzy ustawodawczej i wykonawczej // Polityka w Polsce w latach 90: Wybrane problemy. Wrocław, 1999. P. 101.

президентских выборах в декабре 1995 г., обвинившего премьер-министра Ю. Олексы в том, что он много лет был шпионом сначала советских, а потом и российских спецслужб.

Малая Конституция 1992 г. носила промежуточный характер и была вызвана к жизни необходимостью если не полного демонтажа социалистической авторитарной системы, то создания более твердой почвы для дальнейших изменений. Политический класс понимал необходимость новой конституции и начал разрабатывать ее и готовить к принятию 3 мая 1991 г., приурочив это событие к двухсотой годовщине принятия первой польской конституции 1791 г. Однако сложившаяся ситуация, нестабильная партийная система, трудности переходного периода наглядно показали, что быстрое принятие новой конституции невозможно. Это обстоятельство объяснялось проблемой легитимности действующего Сейма, избранного еще в 1989 г. на основе компромисса и договоренностей между правящей коммунистической элитой и оппозицией. Этот «контрактный» Сейм, состоявший преимущественно из представителей старого режима уже не казался легитимным в глазах общественности, и принятие новой конституции этим органом не могло гарантировать ее принятия обществом.

И сами члены Сейма, прежде всего, фракция коммунистов и их сателлитов, не торопили ход событий по принятию новой конституции, объясняя свою позицию сложностью существующей ситуации, а Сейм нового созыва – 27 октября 1991 г. – в который вошли представители более чем 17 партий, имел полную политическую легитимность для принятия новой Конституции, но не имел для этого другого важного условия – большинства, необходимого для принятия конституции. Он был слишком раздробленный и конфликтный для того, чтобы можно было думать о достижении абсолютного конституционного консенсуса. Поэтому 17 октября 1992 г. была принята так называемая Малая конституция, т.е. частичный конституционный акт, регулирующий только тот фрагмент конституционных отношений, который был необходим для текущей деятельности и касался механизмов управления.

Политическая нестабильность в Сейме первого созыва была настолько сильна, что из-за проблем с формированием правительства большинства в 1993 г., как уже упоминалось выше, Сейм был распущен.

Сейм второго созыва (1993-1997), избранный в 1993 г., был политически стабилен, но существовала проблема его репрезентативности. Дело в том, что вследствие применения в 1993 г. на выборах в Сейм проходного барьера 34,4% избирателей проголосовало за кандидатов избирательных объединений, которые не преодолели проходного барьера и, следовательно, не могли принимать участие в распределении депутатских мандатов. В виду неполной репрезентативности парламента, в апреле 1994 г. произошло изменение порядка разработки и принятия конституции, в результате чего был дополнен круг субъектов, имевших право предложить проект конституции. Это касалось народной инициативы, где группа граждан с численностью не менее 500 тысяч избирателей могла внести в Конституционную комиссию Национального собрания проект конституции. На конституционном референдуме, состоявшемся 25 мая 1997 г., основной закон был поддержан незначительным большинством. В референдуме приняли участие 42,86% избирателей, из которых 52,71% высказались «за»¹⁵². Конституция от 2 апреля 1997 г. стала итогом осуществленных трансформаций государственного строя. Она резюмировала изменения, осуществленные фрагментарно и постепенно с 1989 г. и завершила процесс формирования цельной конструкции польского государства.

Новая Конституция установила систему организации государственной власти, основанную на принципе разделения властей с соблюдением баланса между ветвями власти. Согласно основному закону, законодательную власть представляли Сейм и Сенат, исполнительную – президент Республики Польша и Совет министров, а судебную – судьи и трибуналы. Форма правления

¹⁵² См.: Chrusciak R. Przygotowanie Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. – przebieg prac parlamentarnych [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/KonstytucjaPL> (дата обращения: 12.11.2021).

основывалась на практиках, характерных для парламентско-правительственной системы, дополняя ее механизмом рационализации в виде конструктивного вотума недоверия и возможности сокращения срока полномочий парламента, в случаи неспособности принять закон о Государственном бюджете. Такая конструкция власти, по мнению ее архитекторов, включает в себя внутренние механизмы, препятствующие концентрации государственной власти в руках исполнительной или законодательной власти.

Конституция закрепила порядок выборов президента. Как и прежде, президент Польши избирается на всеобщих выборах сроком на 5 лет с правом быть избранным на второй срок. Конституция наделяет президента широкими полномочиями, не характерными для парламентско-правительственных систем, но в то же время исключаями возможность руководства работой правительства. Из-за политической напряженности, возникшей в результате реализации так называемой Малой Конституции от 17 октября 1992 г., президент принимает ограниченное участие в осуществлении исполнительной власти. Условием вступления в силу актов президента является их контрассигнация премьер-министром. За акты, не требующие контрассигнации, президент несет исключительно конституционную ответственность¹⁵³.

Новая Конституция, в отличие от предыдущей, не предусматривала права президента давать оценку кандидатам на пост министра внутренних дел, министра иностранных дел и национальной обороны. Свидетельством ограничения президентской власти является и снижение нормы с 2/3 до 3/5 большинства, которым Сейм может отклонить законодательное вето президента. В ситуации, когда Сейм преодолел законодательное вето, глава государства обязан подписать закон и только после этого может обратиться в

¹⁵³ Zaleśny J. Odpowiedzialność konstytucyjna w prawie polskim okresu transformacji ustawowej / J. Zaleśny. – Toruń, 2004. 308 p.

Конституционный трибунал с просьбой изучить его на соответствие конституции¹⁵⁴.

Наряду с президентом исполнительную власть по новой Конституции олицетворяет правительство, представляющий собой коллегиальный орган, существующий отдельно от президента. По сравнению с предыдущим правовым статусом, оно приобрело большее значение. Правительство реализует внутреннюю и внешнюю государственную политику.

В процессе формирования Совета министров особое внимание уделяется созданию правительства, которое пользуется поддержкой большинства в Сейме, а значит, является стабильным, способным проводить определенную им политику¹⁵⁵. Президент назначает председателя Совета министров, который предлагает состав Совета министров. Президент назначает премьер-министра вместе с другими членами Совета министров в течение 14 дней со дня первого заседания Сейма или принятия отставки предыдущего Совета министров. Назначенный Президентом Председатель Совета Министров должен получить вотум доверия от Сейма в течение 14 дней. Оно выражается абсолютным большинством голосов при наличии не менее половины от установленного законом числа депутатов. Таким образом, реализуется идея парламентского правления.

Поиск механизмов, стабилизирующих деятельность правительства, имеет применение также в процедуре вотума недоверия. Сейм может выразить Совету министров вотум недоверия только большинством от установленного законодательством количества депутатов. В этом же предложении депутаты указывают имя кандидата на пост председателя Совета министров

¹⁵⁴ Słomka T. Prezydent Rzeczypospolitej po 1989 roku: ujęcie porównawcze. Warszawa : Aspra-JR, 2005. 308 p..

¹⁵⁵ Jaskiernia J. Parlamentaryzm III RP: Aksjologia konstytucyjna – dylematy praktyki ustrojowej // Parlamentarny system rządów. Teoria i praktyka / ed. by T. Mołdawa, J. Szymanek, M. Mistygacz. Warszawa, 2012. P. 109; Szymanek J. Elementy racjonalizacji w konstrukcji parlamentarnego systemu rządów: analiza rozwiązań zawartych w Konstytucji RP // Parlamentarny system rządów. Teoria i praktyka / ed. by T. Mołdawa, J. Szymanek, M. Mistygacz. Warszawa, 2012. P. 150.

(конструктивный вотум недоверия). Если постановление принято Сеймом, тогда президент принимает отставку Совета министров и назначает избранного Сеймом нового председателя Совета министров, а по его предложению остальных членов Совета министров.

Как показывает практика, механизмы конструктивного вотума недоверия стабилизируют деятельность правительства. Существовавшая ранее нестабильность правительства была значительно ограничена. Совет министров не должен опасаться, что случайная договоренность парламентских фракций приведет к правительственному кризису и проблемам с формированием правительства большинства. Тем не менее, следует обратить внимание на явления, неблагоприятные для государственного строя, т.е. существование неэффективного правительства меньшинства, проигрывающего голосование в Сейме, но существующего именно благодаря тому, что противоборствующие фракции не в состоянии выбрать общего кандидата на пост премьер-министра. Таким был статус правительства Е. Бузека после распада коалиции AWS–UW (Избирательная акция «Солидарность» – Уния Свободы) и распада AWS. Аналогично правительством меньшинства, политически дрейфующим, без фактической способности выполнять руководящие функции, было правительство М. Бельки, сформированное после распада коалиции SLD–UP–PSL (Союз демократических левых сил – Рабочий союз – Польская крестьянская партия).

Если правительство и все министры должны пользоваться доверием Сейма, то отношение президента к ним не имеет значения, т.е. они ни в какой форме не несут перед ним политической ответственности.

В свете действующего законодательства, правительство не доминирует в законодательном процессе. Если в последние годы оно добилось особой позиции, то так происходит благодаря политическим механизмам – сильной лидерской позиции премьер-министра в партии, который полностью подчинил себе собственный депутатский клуб и в состоянии убедить своих депутатов в необходимых действиях. В отношениях с правительством только Сейм имеет

контроль над ним¹⁵⁶. Сенат не располагает средствами контроля, что является одним из наиболее существенных особенностей, определяющих польскую двухпалатную модель как асимметричный бикамерализм с доминирующей ролью Сейма как нижней палаты парламента.

Таким образом, форма государственного правления, принятая в Конституции 1997 г., в основном, оправдала себя в процессе ее реализации¹⁵⁷. Только в 2007–2010 гг. (коабитация президента Л. Качинского, представляющего партию «Право и справедливость» (ПиС), и премьер-министра – лидера партии «Гражданская платформа» (ГП)) наблюдалась сильная политическая напряженность. Только в 2007-2010 гг. (совместная аккредитация президента Л. Качиньского, представляющего партию ПиС, и премьер-министра-лидера партии ГП) наблюдалась сильная политическая напряженность. Это было связано не столько с расплывчатостью формулировок конституционных положений, сколько с поведенческими факторами и поляризационными методами партийного соперничества.

Принятие Конституции 1997 г. и ее последующее одобрение общественностью на всенародном референдуме не положили конец дискуссии о необходимости дальнейших изменений в Основной закон Польши. Конституционализация государственного строя, как метко выразилась М. Крук, была естественным процессом, вытекавшим из принципов и положений Конституции в ее повседневной практике, из развития законодательства, судебной системы и конституционной судебной практики, а также в сфере предлагаемых изменений это означало, что «процесс формирования

¹⁵⁶ См.: Kruk M. Funkcja kontrolna Sejmu RP. Warszawa : Wydawnictwem Sejmowym, 2008. 135 p.; Zaleśny J. Dynamika procedur interpelacyjnych. Doświadczenia okresu transformacji w wymiarze wertykalnym // Transformacja ustrojowa w Polsce 1989–2009 / ed. by M. Kruk, J. Wawrzyniak. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2011.

¹⁵⁷ Jaskiernia J. Parlamentaryzm III RP: Aksjologia konstytucyjna – dylematy praktyki ustrojowej. P. 110.

государственной системы не завершен и требует дальнейшей работы в направлении модификации или оптимизации»¹⁵⁸.

Следует помнить, что принятие Конституции Республики Польша сопровождалось целым рядом социальных, политических, культурных и экономических споров, отражавших противоречивые мировоззрения. Все эти факторы существенно повлияли на ход парламентских дискуссий по новому Основному закону. Дискуссия касалась как преимуществ, так и недостатков Конституции, каждая из которых имела своих как сторонников, так и противников¹⁵⁹. Противники принятой конституции стремились радикально изменить Конституцию, включая ее отмену и принятие нового основного закона, основанного на существенно иных предпосылках и системных решениях¹⁶⁰.

Первые попытки внесения изменений были предприняты группами «Акча Выборча Солидарно» (АВС) и «Рух Одбудовский Польский» (РОП), которые подчеркивали необходимость радикальных изменений Конституции, включая ее полную отмену и замену гражданским проектом, представленным Конституционному комитету Национального собрания еще в 1994 г. Однако из-за участия АВС в коалиционном правительстве с Unia Wolności (UW) объявленные намерения не были реализованы. Это было также связано с отсутствием необходимого конституционного большинства в парламенте.

Период третьего срока полномочий Сейма (1997-2001 гг.) характеризовался внесением депутатами парламента двух законопроектов о внесении изменений в Конституцию. Первый, представленный 10 ноября 1997 г., предусматривает внесение поправок в ст. 105, касающейся депутатской неприкосновенности, а второй, представленный 11 января 2000 г.,

¹⁵⁸ Kruk M. Propozycje zmian Konstytucji RP z 1997 r. Próba klasyfikacji // Problemy zmiany konstytucji / R. Chruściak (ed.) [a.o.]. Warszawa : Wydawnictwem Sejmowym, 2017. P. 55.

¹⁵⁹ Jaskiernia J. Społeczna percepcja Konstytucji RP z 1997 roku // Przegląd Sejmowy. 2017. N 5(142). P. 70–71.

¹⁶⁰ Szczepański D. Constitutional amendments in Poland between 1997–2019 // Studia Politologiczne. 2020. Vol. 58. P. 98.

предусматривает поправки к ст. 227, касающейся механизмов предоставления органам Национального банка Польши (НБП) права издавать нормативные акты. Поскольку по представленным предложениям не было проведено никакой предметной работы, они не были реализованы и, в конечном счете, формально не привели к изменениям в Конституции.

В период функционирования Сейма четвертого созыва в 2001-2005 гг. было только одно предложение о внесении изменений в Конституцию. Речь шла о праве баллотироваться в Сейм и Сенат, а также об отмене права на неприкосновенность от судебного преследования для членов Сейма и Сената. Предварительный проект предлагаемых поправок был выдвинут членами Союза демократических левых сил (СДЛС) (польск. Sojusz Lewicy Demokratycznej, SLD). Эти поправки явились результатом негативных событий, связанных с выборами в парламент людей, которые находились в конфликте с законом и использовали защиту статуса члена парламента, чтобы избежать юридической ответственности. В итоге в 4-й Сейм не было внесено ни одной законодательной инициативы по внесению изменений в Основной закон. Однако следует отметить, что в 2001-2005 гг. происходили широкие конституционные дебаты, которые были одним из основных направлений полемики между партиями. В 2003 г. партия ПиС представила 12 конституционных тезисов, которые, по мнению Я. Качиньского, должны были стать основой Четвертой Республики и ее новой конституции, основанной на христианских ценностях. Эти изменения включали в себя усиление исполнительной власти, изменение системы судебных привилегий и т.д.

В августе 2004 г. был представлен проект конституции, подготовленный группой «Самооборона». Отличительной чертой проекта конституции были требование отмены Сената, сохранение сильной конституционной позиции Президента Республики Польша, а также широкие имущественные права, в том числе защита земельных прав. Рассматривался также вопрос об обязательствах участия в референдуме. По словам У. Томашевски, «это конституционное обязательство включало в себя не только референдумы, но и выборы, и его

целью было повысить значение прямой демократии и устранить неоднократные обвинения в том, что парламенту не хватает легитимности»¹⁶¹.

Одна из крупных кампаний по пересмотру Конституции Республики Польша была начата Платформой Обывательска (ПО) 12 сентября 2004 г. Политики этой платформы требовали упразднения Сената, сокращения вдвое числа членов парламента, введения одномандатных округов на выборах в Сейм и отмены депутатской неприкосновенности¹⁶².

19 марта 2005 г. на предвыборном съезде партии ПиС, на котором Почетный председатель партии Л. Качиньский объявил о своем намерении баллотироваться на пост президента, был представлен официальный проект Конституции. Проект предусматривал, в частности, усиление роли Президента; сокращение числа депутатов до 360, а сенаторов до 30, избираемых по одномандатным округам; проверку лиц, занимающих государственные должности, выполняющих государственные доверительные функции, преподавателей вузов, лиц, входящих в советы директоров компаний с государственным казначейством¹⁶³.

Еще одной политической группой, официально представившей свой проект конституции, была «Лига польских Родзин» (ЛНР). В преамбуле проекта содержалась ссылка на Бога, на лучшие традиции Первой и Второй Польских Республик и достижения Третьей Польской Республики; подчеркивалось также врожденное достоинство человека. Проект Конституции ЛНР предлагал широкую систему защиты гражданских свобод, гарантий прав человека, семьи и брака, включая правовую защиту жизни от естественного

¹⁶¹ Tomaszewski W. Polski dorobek konstytucyjny lat 1918–2018 // Polska i Polacy 1918–2018. Przemiany polityczne, społeczne, ekonomiczne i kulturowe / ed. by T. Astramowicz-Leyk, Y. Turchyn, W. Tomaszewski, K. Żęgota. Olsztyn : Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2018. P. 130.

¹⁶² PO 4 razy „tak” (aktl.) [Electronic resource]. URL : <https://www.wprost.pl/kraj/66636/PO-4-razy-tak-aktl.html> (дата обращения: 17.11.2021.).

¹⁶³ Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Projekt Prawa i Sprawiedliwości, 2005 [Electronic resource]. URL : https://web.archive.org/web/20050421212615/http://www.pis.org.pl/dokumenty/projekt_konstytucji.pdf (12.11.2021).

зачатия до естественной смерти¹⁶⁴. В законопроекте признавался примат полной независимости и автономии Католической церкви. Отличительной чертой проекта ЛНР было ограничение числа депутатов парламента до 360 и сокращение срока полномочий Сейма до 4 лет, в то время как в случае Сената число сенаторов оставалось неизменным и составляло 100, а срок полномочий – 6 лет. Было отдано предпочтение укреплению позиции президента, избранного на 6-летний срок. Новизной проекта ЛНР стало введение должности вице-президента, который одновременно исполнял обязанности спикера Сената¹⁶⁵.

В 2005-2007 гг., в период сокращенного срока полномочий Сейма, было внесено семь законопроектов с целью внесения изменений в Основной закон. Существенным представляется проект новой редакции ст. 105 Конституции, касающейся вопроса о парламентской неприкосновенности.

В 2007-2011 гг., в течение срока полномочий Сейма шестого созыва, был внесен ряд законопроектов, содержащих поправки в Конституцию. Только одно изменение получило правовую силу, и оно касалось морально-этических вопросов для кандидатов, избираемых в Сейм. Остальные законопроекты, предложенные различными группами, касались изменений конституционного регулирования системы функционирования государственных органов, в частности, нового определения роли Президента Республики Польша и Премьер-министра в процессе управления страной; ограничения института президентского вето; сокращения числа членов парламента с 460 до 300; сокращения числа сенаторов со 100 до 49 и разработка новой формулы определения состава Сената; ограничения депутатской неприкосновенности; введения в основной закон института прокуратуры, Генеральной прокуратуры и Национального совета прокуратуры; исключения из Конституции положений о Национальном совете по телерадиовещанию и Совете национальной

¹⁶⁴ Kozięło T. *Myśl polityczna Ligi Polskich Rodzin (2001–2009)*. Narodowa wizja państwa, społeczeństwa i polityki. Rzeszów : Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2017. P. 231–301.

¹⁶⁵ *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Projekt Prawa i Sprawiedliwości, 2005* [Electronic resource]. URL : https://web.archive.org/web/20050421212615/http://www.pis.org.pl/dokumenty/projekt_konstytucji.pdf (дата обращения: 12.11.2021).

безопасности¹⁶⁶. Однако эти проекты не получили существенной поддержки и не были реализованы.

В 2011-2015 гг., в период полномочий Сейма седьмого созыва, наблюдалась большая активность в стремлении изменить действующую Конституцию: было три фундаментальных предложения по изменению Конституции, исходивших от Руха Паликоты (РП), Солидарности Польской Збигневы Зиобро (СПЗЗ) и совместного предложения ПО и ПСЛ.

3 мая 2013 г. партия «Рух Паликота» (в октябре 2013 г. была преобразована в партию «Твое движение») организовала экспертную дискуссию под названием «Конституция Республики Польша». В результате этих дебатов были выдвинуты следующие предложения: сокращение числа депутатов, упразднение Сената, фактическое отделение государства от церкви, введение в Основной закон положений, которые позволили бы ввести евро в Польшу. Кроме того, приветствовалась необходимость укрепления Совета министров и одновременно отстаивалась необходимость ограничения полномочий и политической позиции Президента. Также было предложено отказаться от выборов главы государства¹⁶⁷.

3 мая 2013 г. представила свой проект конституции и СПЗЗ. Документ, получивший название «Новая Конституция Республики Польша», был повторением положений действующего Основного закона с внесенными в него поправками. Требования включали введение президентской системы, ограничение Сейма до 230 мест, упразднение Сената, введение инициативы проведения референдума группой не менее 300 000 граждан, увеличение числа подписей под письмами поддержки на президентских выборах до 300 000 и введение Суда конституционной ответственности.

¹⁶⁶ См.: Chruściak R. Prace konstytucyjne w latach 2008–2011. Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 2013. P. 59–113.

¹⁶⁷ Chruściak R. Najnowsze propozycje zmian w Konstytucji RP // Studia Iuridica Lublinensia. 2014. N 22. P. 432.

Последний проект поправок в Конституцию был внесен в Сейм 24 марта 2014 г. от представителей ПА и ПСЛ и включал предложение добавить новую статью 74а об охране государственных лесов и гарантировать защиту лесов, принадлежащих Государственной казне, от процесса преобразования собственности, включая коммерциализацию и приватизацию¹⁶⁸. Этот проект был окончательно отклонен в третьем чтении.

В 2015-2019 гг., в течение срока полномочий Сейма восьмого созыва, дебаты по актуальным политическим вопросам, включая поправки в Конституцию, стали особенно интенсивными, и это было связано с президентской кампанией, в ходе которой кандидат в президенты П. Кукиз потребовал введения мажоритарного законодательства в виде одномандатных округов на выборах в Сейм, президентской системы и обязательного референдума без минимального порога¹⁶⁹.

Президент Республики Польша А. Дуда также проявил особый интерес к внесению поправок в Конституцию. С 2015 г. он выступает за необходимость проведения широких дебатов и проведения работы по внесению поправок в Конституцию. В то же время партия ПиС провела собственную конституционную кампанию, состоящую из так называемого Конституционного опроса 2017 г., результаты которого были опубликованы годом позже. Как метко заметил У. Томашевски, «соперничество действий партии ПиС по отношению к Президенту из того же политического лагеря было сигналом того, что не было единого мнения относительно поддержки идеи Президента о проведении конституционного референдума»¹⁷⁰.

¹⁶⁸ Szymt A. Projekt ustawy o zmianie konstytucji RP w zakresie ochrony lasów państwowych [Electronic resource]. URL : <http://niezniknelo.pl/OK2//debaty/projekt-ustawy-o-zmianie-konstytucji-rp-w-zakresie-ochrony-lasow-panstwowych/8/index.html> (дата обращения: 15.11.2021).

¹⁶⁹ Mazurek K. Potrafisz Polsko czy @ Polska OdNowa? Magdalena Ogórek i Paweł Kukiz – prezydenci z Twittera // Oblicza kampanii wyborczych 2015 roku / ed. by M. Kułakowska, P. Borowiec, P. Ścigaj P. Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2016. P. 145–146.

¹⁷⁰ Tomaszewski W. Polski dorobek konstytucyjny lat 1918–2018. P. 123–124.

Таким образом, следует отметить, что предложение о внесении изменений в Конституцию свидетельствует о незавершенности процесса строительства новой государственной конструкции в постсоциалистический период. Панорама предлагаемых поправок и изменений охватывала широкий диапазон – от принятия новой Конституции до внесения косметических правок. Эти изменения, как проявление отсутствия полного межэлитного консенсуса, с другой стороны, были подчинены интересам вступления Польши в ЕС и приведения ее Конституции в соответствие с европейскими стандартами.

Попытки внесения изменений в Конституцию, равно как и стремление вовсе отменить ее и предложить новую версию, свидетельствовали об отсутствии согласия между участниками политических процессов и наличие проблем в польской партии. Эти особенности во многом определили характер партийной системы, которая была создана в Польше на начальном этапе партийного строительства после крушения коммунистического режима. В последние годы существования режима сложились политические группировки и дискуссионные клубы, на базе которых после 1989 г. начали формироваться новые партии. По популярности они быстро превосходили существующие организации, которые ранее выступали союзниками коммунистической партии. В результате в стране сложилась весьма разветвленная и пестрая по характеру партийная система.

В первые годы после краха социалистического режима политическая ситуация характеризовалась ожесточенным противостоянием между ортодоксальными коммунистами и коммунистами-реформаторами, с одной стороны, и антикоммунистической оппозицией, с другой. Обусловленное этим биполярное политическое расслоение общества резко сужало пространство для деятельности либеральных партий и организаций центристского характера. В результате сложившейся ситуации в польском обществе со временем стали преобладать консервативные тенденции. Хотя само по себе деление на «правых», «либералов», «левых» и применительно к Польше носит весьма условный характер. Консервативно мыслящие люди входят здесь в состав

каждой, в том числе и демократической партии, и, напротив, некоторые политические объединения, обычно оцениваемые как консервативные, в ходе борьбы за голоса избирателей вполне могут перемещаться в направлении центризма.

Правое крыло партийной системы современной Польши представлено консервативной партией «Право и справедливость» (ПиС). Партия также добилась успеха на президентских выборах. Победа А. Дуды на президентских выборах, а также завоевание более половины мест в Сейме (43,59% проголосовавших на выборах в Сейм в 2019 г. поддержали партию ПиС) позволили партии ПиС создать однопартийное правительство. Таким образом, партия добилась контроля над законодательной и исполнительной ветвями власти. «Это дало ей возможность приступить к проведению реформ, сочетающих популистские меры в социально-экономической сфере с наступлением на политических оппонентов, выражающимся как в идеологическом давлении, так и в шагах по дальнейшей концентрации власти в своих руках. ПиС удалось в значительной степени подчинить судебную систему страны, установить контроль над прокуратурой, были усилены полномочия полиции, в том числе по прослушиванию телефонных переговоров и доступу к личным данным в Интернете, заменены руководители СМИ, после чего лояльные власти телевидение и радио обрушились на оппозицию с обвинениями вплоть до государственной измены. Наступление на демократию не могло не вызвать сопротивление как в польском обществе, так и со стороны Европейского союза, пытающегося воздействовать на правительство ПиС с целью соблюдения им принятых в ЕС правовых стандартов. Однако ни внешнее давление, ни критика оппозиционных СМИ, ни уличные протесты не привели к изменению курса и даже не поколебали популярность правящей партии»¹⁷¹.

¹⁷¹ Михалев О. Ю. Состояние и перспективы либеральных партий в Польше // Современная Европа. 2018. № 7. С. 62.

Успех партии на президентских выборах в Польше, где вновь победил А. Дуда, справедливо объясняется тем, что «для большинства польских граждан размышления о "столкновении добра и зла", на котором строили свою предвыборную кампанию другие кандидаты, оставались чуждыми. Избиратели, традиционно голосующие за партию ПиС, считают, что во время нахождения этой партии у власти их финансовое положение улучшилось. Они отнюдь не склонны считать, что причиной роста их благосостояния является политика, проводимая предыдущими правительствами во главе с партией»¹⁷².

Росту влияния консервативных и христианско-демократических партий способствует сохранение антикоммунизма на уровне массового сознания, тяга к стабильности и возрастающая приверженность к традиционным ценностям консерватизма. Но речь здесь, скорее, идет не о формировании компактного консервативного большинства, а наличии значительного политического потенциала. Особенно наглядно это проявляется на выборах, где этим силам удается собирать большое количество голосов.

Либеральное крыло польской партийной системы представлена коалицией, состоящей из партий «Современная», «Партия зеленых», левоцентристской «Польская инициатива» во главе с партией «Гражданская инициатива», которая с 2005 г. выступает главным оппонентом ПиС. «Партия позиционирует себя как либеральная центристская сила, выступающая за ориентацию на европейские ценности, продолжение модернизации страны, привлечение инвестиций, снижение роли государства в экономике. Ее взгляды находят понимание прежде всего у жителей крупных городов среднего возраста, получивших высшее образование и имеющих средний или высокий уровень жизни, то есть у модернизированной части общества, которая смогла приспособиться к жизни в современных условиях и с надеждой смотрит в будущее. Именно голосами этой части электората ГП сумела дважды подряд, в

¹⁷² Габарта А. А. Президентские выборы в Польше в 2020 г. // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 4(16). С. 26.

2007 и 2011 гг., одержать победу на парламентских выборах и в течение восьми лет формировать правящую коалицию»¹⁷³.

Левую коалицию политических сил в Польше представляют Социал-демократический союз демократических левых сил, леволиберальная партия «Весна» и Демократическая социалистическая партия «Вместе».

Растущее влияние левых ощутимо заметно на фоне низкого авторитета социал-демократических партий. Их представительство в законодательных органах, как правило, не превышает 10-12% (левым силам на последних выборах в Сейм в 2019 г. удалось заручиться поддержкой почти 13% голосов избирателей), что в среднем в 2-3 раза меньше, чем у либералов. Западные аналитики крушение надежд на широкое развитие социал-демократического движения в Польше объясняют психологическим неприятием населением слова «социализм», а также большей близостью неокommunistов по некоторым вопросам к позициям социал-демократов Запада¹⁷⁴.

В политической палитре Польши также довольно широко представлены разного рода популистские и ультранационалистические партии. С помощью популизма, разнузданной демагогии, разжигания межнациональной розни им нередко удается добиться значительных успехов. Наиболее ярким примером в этом отношении является коалиция консервативных политических партий Польши, состоящая из партий Корвин, Национальное движение, Конфедерация Польской короны, движение «Кукиз ' 15». На последних выборах в Сейм 2019 г. коалиция набрала 6,81% голосов.

В целом, анализ партийной системы Польши позволяет сделать вывод о том, что еще в условиях тоталитарного режима был накоплен определенный опыт оппозиционной борьбы. Политические партии, группировки и движения, готовые взять на себя функции управления и нести ответственность за его результаты, сформировались, минуя длительный подготовительный период.

¹⁷³ Михалев О. Ю. Состояние и перспективы либеральных партий в Польше. С. 66.

¹⁷⁴ Brahm H. Parteien in Osteuropa als Träger der Demokratisierung // Aufbruch im Osten Europas: Chancen für Demokratie und Marktwirtschaft nach dem Zerfall des Kommunismus. München ; Wien : Hanser, 1993. P. 94.

Неопытность политиков, развернувших борьбу за глубокие демократические преобразования, обусловила неизбежность крупных ошибок, допущенных на этом трудном, и, как оказалось, долгим пути. Однако политическая культура общества не может формироваться иначе: партии должны пережить взлеты и падения, связанные с ответственностью за завоеванную ими власть, и осознать необходимость компромиссов, какие бы высокие цели они перед собой не ставили.

Таким образом, прослеживая путь демократизации в Польше в постсоциалистическую эпоху, становится очевидным, что он не был линейным и восходящим. Как показывает практика, демократический откат – явление глобальное. Проблема демократического спада возникла и в Польше. Первые симптомы появились более десяти лет назад, и как справедливо отмечает Ж. Рупник, в «Центральной Европе появились серьезные признаки демократического отката, который бросил вызов более раннему линейному процессу демократизации, вдохновленному либерализмом. Например, в Чехии, Словакии, Польше и Венгрии этот процесс был связан с достижением целей евроатлантической интеграции. До 2004 г. существовало общественно-политическое соглашение о том, что либеральная демократия является главной целью развития политической системы, но после этого популистские и нелиберальные тенденции стали приобретать все большую популярность»¹⁷⁵.

В августе 1989 г. член «Солидарности» Т. Мазовецкий был назначен премьер-министром и создал первое некоммунистическое правительство в состоящее из представителей «Солидарности», «Демократической унии» (ДУ – SD) и «Объединенной народной партии» (ОНП – ZSL). В конце того же года Сейм принял поправки к Конституции 1952 г. После выборов новое правительство должно было изменить многие аспекты жизни в Польше, в том числе принять решения, ведущие к осуществлению первых демократических мероприятий. Политические партии – ПОПР, ОНП, ДУ – реорганизовали свои

¹⁷⁵ Rupnik J. Is East-Central Europe Backsliding? From Democracy Fatigue to Populist Backlash // Journal of Democracy. 2007. Vol. 18, N 4. P. 17.

структуры, в то время как оппозиционное движение «Солидарность» начало распадаться. В июне 1990 г. Сейм принял Закон о свободных политических партиях.

После этой начальной фазы перемен политическая ситуация в Польше привела к усилению декоммунизации, устранению старых напоминаний о социализме. В конце 1990 г. президентом Польши был избран лидер «Солидарности» Л. Валенса. В 1991 г. он распустил полусвободный парламент, и состоялись первые свободные выборы в польский парламент. Раздробленность польской партийной системы была настолько велика, что в Сейм было избрано 29 партий, а в Сенат – 22 партии¹⁷⁶.

Итак, в качестве итогов данного раздела можно отметить:

Первые свободные выборы открыли переходный этап, результаты и достижения которого можно оценить через призму следующих элементов:

– территориальная целостность государства не была нарушена, Польша осталась в тех же границах, что и до 1989 г.;

– коренных изменений в национальном характере не произошло, т.к. Польша является однородной нацией с небольшим количеством меньшинств. В целом польская социальная культура в начале переходного периода базировалась на католических ценностях, привязанности к семье, достаточно консервативном восприятии жизни. После 1989 г. эти ценности несколько изменились в связи с процессами глобализации и демократизации, но все же доминирующими остались черты, которые исторически присущи полякам;

– польское общество получило новую конституцию. Этот вопрос вызвал некоторые проблемы, и потребовалось несколько лет, чтобы окончательно их решить. В октябре 1992 г. парламент принял так называемую Малую конституцию, которая была сдерживающей мерой до тех пор, пока не была принята новая конституция. Новый Сейм и Сенат были избраны в октябре 1993 г. Этот парламент разработал проект новой Конституции, и, наконец, в апреле

¹⁷⁶ Kubas S. The trajectory of the process of democratization in Poland in the light of theory, political praxis and external evaluation: 1989–2019 // *Studia Politologiczne*. 2020. Vol. 57. P. 16.

1997 г. этот Закон был принят, а затем принят поляками на национальном референдуме в мае 1997 г.;

– модель отношений между ветвями государственной власти в период 1989-1997 гг. была близка к полупрезидентской¹⁷⁷. Во второй половине 90-х гг. XX в. возник асимметричный бикамерализм, в котором доминирующей палатой был Сейм, а второй палатой – Сенат;

– сложилась многопартийная система с множеством мелких партий. На выборах 1991 г. за места в парламенте боролись 111 политических партий и организаций. Этот результат потребовал формирования правительства меньшинства и многоконфессиональных коалиций¹⁷⁸;

– сложилась пропорциональная избирательная система. За этот период правила избирательной системы несколько раз менялись. Политики одновременно хотели, чтобы эти правила отвечали их интересам, а также давали возможность всему обществу избирать своих представителей. Выборы в Сейм проходили по принципу пропорционального представительства;

– унитарная форма государственного устройства сочеталась с децентрализацией власти. Была изменена территориальная система управления. В 1990 г. было введено самоуправление на уровне местных общин. Реформа децентрализации была завершена в 1998 г., когда парламент ввел более крупные местные административные единицы – уезды и воеводства¹⁷⁹;

– Польша вступила в НАТО и стала членом Совета Европы.

Таким образом, переходный период в Польше ознаменовался достижением фундаментальных целей, и Польша перешла от недемократического режима к демократии.

¹⁷⁷ Glajcar R. System partyjny III Rzeczypospolitej // Współczesne partie i systemy partyjne państw Grupy Wyszehradzkiej w procesie demokracji / M. Barański [a.o.]. Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2018. P. 61.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Barański M., Kubas S. Samorząd terytorialny w Rzeczypospolitej Polskiej // Samorząd terytorialny w Europie Środkowej i Wschodniej / pod red. M. Barańskiego. Toruń ; Katowice : Uniwersytet Śląski w Katowicach, 2009. P. 164.

Принятие новой Конституции 1997 г. сыграло огромную роль в становлении новой Польши. С его принятием были выполнены все основные институциональные задачи.

В последующей трансформации политической системы Польши после принятия новой Конституции, исходя из проведенного анализа, можно выделить несколько этапов:

1) 1997-2005 гг. – первые шаги в укреплении демократии. После принятия Конституции 1997 г. поляки проголосовали на своих третьих свободных парламентских выборах, которые передали власть правым.

Солидарная избирательная акция (польск. Akcja Wyborcza Solidarność, AWS), которая была коалиционной организацией пост-солидарных движений, победила. Затем она сформировала коалиционное правительство с Союзом свободы (польск. Unia Wolności, UW). Это правительство под руководством Е. Бузека провело важные реформы в четырех областях: административном управлении, образовании, здравоохранении и пенсионной системе. Однако в 2000 г. UW покинул коалицию из-за внутренних разногласий с AWS. Напротив, польские левые стали более сплоченными, и они извлекли выгоду из этой ситуации. Демократический левый альянс (SLD) победил на выборах 2001 г. и сформировала коалицию с Польской народной партией (польск. Polskie Stronnictwo Ludowe, PSL) и профсоюзом (польск. Unia Pracy).

Результаты выборов 2001 г. имели ряд особенностей. Во-первых, после четырехлетнего перерыва SLD удалось вернуть себе власть. Во-вторых, в результате распада AWS и UW появились две новые партии, получившие места в парламенте: «Гражданская платформа» (пол. Платформа Обывательская, ГП) и «Право и справедливость» (польск. Prawo i Sprawiedliwość, ПиС). В последующие годы ГП и ПиС будут доминировать в польской партийной системе. В-третьих, антисистемные партии получили места: Самооборона Республики Польша (польск. Samoobrona Rzeczypospolitej Polskiej, сокращенно SO или SRP) и Лига польских семей (польск. Liga Polskich Rodzin, LPR). Это означало, что некоторая часть избирателей не была удовлетворены процессом

демократизации и другими изменениями в стране. Главным достижением правительства SLD-UP-PSL стало вступление Польши в Европейский Союз в мае 2004 г. Но в то же время SLD теряла народную поддержку, поскольку партия была поражена личными конфликтами и коррупционными скандалами¹⁸⁰;

2) 2005-2007 гг.: кратковременное ухудшение консолидации демократии. На парламентских выборах 2005 г. победу одержала Пис, но она не получила абсолютного большинства в Сейме, поэтому К. Марцинкевич сформировал правительство меньшинства. В двух политических и избирательных кампаниях 2005 г. доминировало соперничество между Пис и ГП, и обе были выиграны партией Пис. Это может свидетельствовать о том, что избиратели согласились с Пис в том, что польские либерально-демократические изменения 1989 г. были неуместны и дали слишком много места свободе и западным ценностям, которые исключали традиционные и консервативные аспекты польской культуры¹⁸¹. Правительство Пис инициировало реформы польской разведки и ввело политику люстрации, чтобы уменьшить влияние чиновников, связанных со старым режимом. Правительство было антироссийским и проамериканским. В 2006 г. Я. Качиньский сменил К. Марцинкевича, возглавив правительство, состоящее из Пис, ЛНР и Самообороны. Однако в 2007 г. вице-премьер и лидер «Самообороны» был обвинен в коррупции и отправлен в отставку, что привело к развалу правительства и проведению новых выборов. По мнению Ж. Рупника, Пис победила на выборах 2005 г., потому что «поляки продемонстрировали свои антилиберальные и даже антидемократические взгляды. Некоторые поляки не

¹⁸⁰ Kubas S. The trajectory of the process of democratization in Poland in the light of theory, political praxis and external evaluation: 1989–2019. P. 19.

¹⁸¹ Bojarowicz T. Partie i ugrupowania prawicowe w Polsce po 1989 roku. Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2013. P. 281.

доверяли демократическим институтам и политическим элитам, ответственным за демократизацию»¹⁸²;

3) 2007-2015 гг.: повышение качества консолидации демократии. После двухлетнего ухудшения либеральной демократизации в Польше результаты выборов 2007 г. показали, что Польша может вернуться на путь становления либеральной демократии. ГП победила на выборах, а ПиС заняла второе место, в то время как их бывшие партнеры по коалиции – ЛНР и «Самооборона» - потеряли все свои места. ПСЛ, левые и демократы также получили места в Сейме. ГП и ПСЛ сформировали коалиционное правительство, а премьер-министром стал Д. Туск. Результаты выборов 2011 г. также привели к созданию коалиционного правительства ГП и ПСЛ. Правительство осуществило ряд важных реформ, направленных на модернизацию Польши: повышение пенсионного возраста до 67 лет, снижение обязательного возраста начала обучения детей в школе до шести лет, закон о реформе высшего образования, увеличение суммы средств, выделяемых неправительственным организациям, реформа системы здравоохранения, расширение сети дорог и автомагистралей, поддержание темпов экономического роста.

В большей степени эти реформы можно трактовать как глобальные условия развития процедурных и поведенческих аспектов процесса демократизации. В то же время правительство ГП-ПСЛ столкнулось с проблемой закрытия открытых пенсионных фондов из-за нехватки денег в бюджете и коррупционных скандалов, связанных с политиками ГП. В период правления ГП-ПСЛ Польша отвечала требованиям прозрачного и справедливого избирательного процесса, развивала сферу прав и свобод человека и гражданина в соответствии со стандартами консолидированных

¹⁸² Rupnik J. Is East-Central Europe Backsliding? From Democracy Fatigue to Populist Backlash // Journal of Democracy. 2007. Vol. 18, N 4. P. 20.

демократий. Однако были длительные судебные разбирательства, которые негативно повлияли на процесс укрепления демократии¹⁸³;

4) 2015-2019 гг.: регресс демократизации. 25 октября 2015 г. состоялись восьмые выборы в Сейм и Сенат. Партия ПиС получила 235 мест, что составляло более половины, и это позволило ей сформировать правительство большинства с Б. Шидло в качестве премьер-министра. Кроме того, в Сейм вошли представители PO, KWW Kukuz'15, Nowoczesna и PSL. Левый SLD не выиграл ни одного места¹⁸⁴. Смена власти была явным признаком того, что поляки потеряли доверие к правоцентристской ГП и либерально-демократическим переменам. Это также было отчасти результатом конфронтационного и противоречивого подхода, принятого ПиС. Во время предвыборной кампании ПиС предложила антагонистическую модель управления, которая делила поляков на хороших и плохих. Первые были теми, кто принимал католические, традиционные, консервативные взгляды, в то время как вторые были теми, кто разделял более либеральные взгляды. В результате ПиС захотела изменить ход польских достижений, завоеванных за 25 лет процесса демократизации.

После выборов партия ПиС приступила к реализации своей предвыборной программы, которая состояла из трех основных элементов: образования, пенсионной системы и системы социального обеспечения. В целом программа противоречила многим аспектам предыдущих реформ. Система образования была изменена обратно к тому, как это было до реформ, вдохновленных ГП. Новая реформа упразднила недавно введенный третий уровень школы, вернувшись к ситуации до 1999 г. с двумя уровнями: начальной и средней школой. Кроме того, норма, требующая начала обучения с шести лет, была отменена, и возвращена норма, предусматривающая начало

¹⁸³ Glajcar R., Kubas S. Democratisation in Poland in the Light of Quantitative Analysis Based on Selected Indices of the Years 2006–2016 // Democratisation Processes in Poland and Slovenia: Comparative Study / ed. by A. Turska-Kawa, M. Haček. Maribor : Institute for Local Self-Government and Public Procurement, 2016. P. 31.

¹⁸⁴ Państwowa Komisja Wyborcza [Electronic resource]. URL : <https://parlament2015.pkw.gov.pl/> (дата обращения: 17.11.2021).

образования с семи лет. Реформа пенсионной системы снизила пенсионный возраст до 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин. В 2016 г. ПиС запустила программу «Семья 500», которая была направлена на увеличение роста рождаемости.

Вышеперечисленные три социально-экономические реформы, проведенные ПиС, можно интерпретировать как обратный шаг к тому, что сделала пролиберальная ГП. Либеральная экономическая политика 2007-2015 гг. сменилась социально-консервативной. Таким образом, в свете процесса демократизации ПиС изменились социально-экономические условия и среда польской демократии. ПиС начала наращивать свою власть над независимыми общественными СМИ и судебной системой. В декабре 2015 г. Сейм принял поправки к Закону о вещании, которые переопределили существующую ситуацию. Члены общественных советов по СМИ и руководства должны были теперь назначаться и увольняться министром по делам СМИ, а не Национальным советом по радиовещанию. Все прежние члены советов и управленческий персонал были уволены. Эти изменения сделали национальные и местные СМИ более послушными правительству, а польское общественное телевидение и радио стали пропагандистским инструментом правящего правительства ПиС.

Таким образом, рассматривая причины демократического отката в Польше, остановившего процесс дальнейшей демократизации, необходимо отметить, что процесс демократизации связан с либеральной демократией, поэтому стагнация этого процесса и откат от него – это вызов либеральным ценностям, важнейшими из которых являются конституционализм, верховенство закона, гарантии прав человека, свободные выборы, разделение властей, политический нейтралитет государственной службы, независимость СМИ. Вместо этих либерально-демократических правил и ценностей демократическое отступничество стало следствием введенных польской властью противоположных ценностей, имеющие нелиберальный характер, включая этатизм, примат государственного и национального суверенитета,

подрыв универсального характера прав человека, отсутствие веры в важность конституционализма, подчинение деятельности неправительственных организаций власти и др.

2.2. Социально-экономические аспекты политики декоммунизации

Крушение коммунистической системы в странах ЦВЕ в конце 80-х гг. прошлого века обусловило не только появление плюрализма в обществе, утверждение демократических принципов его организации, но и социально-экономическую трансформацию с переходом к рыночной экономике. В основе этого перехода лежали те же причины, которые привели к развалу «реального» социализма и началу трансформационного процесса в целом. Среди этих причин можно выделить: «безудержное падение эффективности функционирования системы как таковой и производства в том числе; сокращение полномочий и непрерывное снижение авторитета правящих коммунистических партий; не сдерживаемый больше посредством насилия и репрессий процесс растущей активизации и политизации населения; влияние развернутой в Советском Союзе перестройки»¹⁸⁵.

Начавшаяся трансформация экономической сферы должна была решить задачи комплексного характера, освободив ее при этом от тяжелого бремени последствий и пережитков экономических отношений и влияния предшествующего периода. Эта сложность, в свою очередь, была обусловлена тем, что переход к рыночной экономике, стабильной, признанной обществом и эффективной системе хозяйствования мог осуществиться только при условии полной согласованности экономической реорганизации с другими важнейшими компонентами трансформационного процесса. Иначе говоря, фактически, речь шла об одновременном проведении целого ряда глобальных преобразований.

¹⁸⁵ Вшивцева М. Н., Миронов Д. А. Политическое и социально-экономическое развитие на посткоммунистическом пространстве в первой половине 90-х гг.: основные тенденции и перспективы. С. 108.

Эти преобразования должны были охватить такие важнейшие сферы, как развитие национальной идентичности и самостоятельности; изменение политической системы общества и формировании демократических структур и институтов; включение бывших социалистических государств ЦВЕ в новый мировой политических и экономический порядок.

В посткоммунистических странах ЦВЕ, как и на остальном посткоммунистическом пространстве, взаимосвязь между политическими и экономическими преобразованиями была совершенно очевидной. С одной стороны, экономические достижения, значительно повышающие уровень жизни населения, могли бы внести существенный вклад в демократическую трансформацию политической системы, оказав ей широкую социальную поддержку. С другой стороны, трансформация самой социально-экономической сферы могла быть осуществлена только при наличии определенных политических и правовых условий. Иными словами, обязательной предпосылкой любых позитивных изменений в экономической сфере являлся, по словам идеолога польской «шоковой терапии» Л. Бальцеровича, политический капитал, представляющий собой неделимое единство трех основных элементов: «широкий национальный консенсус на базе решительного отказа от старой системы и отчетливого стремления к ее реформированию, какими бы жертвами это ни обернулось; на основе этого консенсуса в максимально сжатые сроки создание экономического законодательства, как хозяйственно-политического инструмента для воздействия на социально-экономические процессы, а также новая правовая система, гарантирующая соблюдение установленных правил; наличие авторитетного, компетентного и обладающего реальной властью правительства, действительно желающего осуществить трансформацию»¹⁸⁶.

¹⁸⁶ Бальцерович Л. Социализм, капитализм, трансформация: очерки на рубеже эпох. М. : Наука : УРАО, 1999. С. 153–160.

Основными задачами, которые Польша, как и страны ЦВЕ, начала решать в контексте начавшейся трансформации социально-экономической сферы, были следующие:

- микроэкономическая либерализация внутренней и внешней экономической деятельности, призванная обеспечить начало вхождения в рыночную экономику посредством отпуска цен, отказа от планово-административной системы, ограничения числа квот и лицензий, а также поэтапного перехода к конвертируемой валюте;

- макроэкономическая стабилизация с акцентом на снижение инфляции посредством стабилизирующей, жестко ограничительной фискальной политики и, по возможности, сбалансированного государственного бюджета;

- институциональные преобразования с приватизацией в качестве основного элемента, как важный шаг по пути создания необходимых условий для вхождения в рынок и формирования адекватной экономической политики. В том числе, и на надпроизводственном уровне (налоговая, банковская и финансовая системы, хозяйственное право);

- структурные изменения путем внедрения технических и экономических инноваций и развитие соответствующих условиям рынка отношений между отраслями производства и внутри каждой из них;

- поддержание социального консенсуса, необходимого для успешного развития процесса трансформации.

Важное значение для понимания особенностей преобразований в Польше в посткоммунистическую эпоху, в том числе социально-экономических, имеет изучение исторического фона происходящих процессов.

После Второй мировой войны Польша оказалась в сфере влияния СССР. Это привело к двум основным изменениям в ее институциональной системе: во-первых, возникла авторитарная политическая система партийно-государственного типа, сосредоточившаяся вокруг ПОРП, и, во-вторых, частная собственность и рынок были заменены централизованным планированием и государственной собственностью. Важным исключением из

государственной собственности было сельское хозяйство, которое, после отказа от принудительной коллективизации в первой половине 50-х гг., оставалось в основном частным.

Централизованная экономика Польши, как и экономика других социалистических стран, вначале демонстрировала высокий рост, обусловленный низким стартовым уровнем и высокой нормой инвестиций. Однако эффективность инвестиций и всей экономики начала систематически снижаться по мере падения способности централизованной экономической системы решать все более сложные социально-экономические проблемы.

После периода быстрого роста национального дохода и потребления в 1971-1978 гг. Польша вступила в фазу затяжного экономического кризиса. Во время кризиса в польской общественно-политической системе произошли чрезвычайные изменения: после волны массовых забастовок в августе 1980 г. власти согласились на создание независимой профсоюзной организации «Солидарность», которая была профсоюзом только по названию. По сути, это было массовое политическое движение за перемены в обществе. В экономической сфере основным требованием «Солидарности» была замена централизованного планирования рыночным механизмом, но без приватизации государственных предприятий. После введения военного положения в 1981 г. деятельность «Солидарности» была сначала приостановлена, а потом вовсе запрещена.

В 1990 г. начался процесс трансформации социально-экономической системы Польши. Как отмечает Л. Бальцерович, «когда Польша находилась на грани полного экономического коллапса, испытывая гиперинфляцию и постоянный дефицит, у нас не было иного выбора, кроме как начать реализацию программы радикальных реформ. Поскольку откладывать проведение заложенных в программе мероприятий по стабилизации и

либерализации далее не представлялось возможным, они были начаты немедленно»¹⁸⁷.

Целью этой программы было преобразование плановой экономической системы в рыночную систему. В социальной сфере это означало переход от преобладания коллективного (общественного) интереса к индивидуальному (частному)¹⁸⁸. Реализация программы Л. Бальцеровича быстро привела к формированию относительно стабильной и открытой экономики с рыночно ориентированной макроэкономической политикой, но имеющей в своей основе нерыночную институциональную структуру.

Поворотным моментом в становлении рыночной экономики в Польше, в том числе в создании условий для развития приватизации, стало принятие Сеймом в 1988 г. во время правления кабинета министров М. Раковского закона о предпринимательстве. Принципы новой экономической системы, санкционированные законом, противоречили до сих пор действовавшей доктрине экономического права. Закон, который был своего рода декларацией экономической свободы, сформулировал три принципа нового экономического порядка: 1) принцип экономической свободы, дающий возможность свободного доступа всех субъектов хозяйствования на рынок, за исключением немногочисленных сфер, находящихся в концессии; 2) принцип равенства экономических субъектов, на основе которого субъекты хозяйственной деятельности различных форм собственности на законодательном уровне имели бы равные права; 3) принцип законности, согласно которому любая экономическая деятельность должна основываться на общеобязательных действующих законоположениях, вытекающих из нормативно-правовых актов¹⁸⁹.

¹⁸⁷ The Newsletter about Reforming Economies // The World Bank. 1993. Vol. 4, N 8.

¹⁸⁸ См.: Kleer J. Drogi do gospodarki rynkowej. Na marginesie doświadczeń transformacyjnych w Niemczech Wschodnich, Polsce i Rosji. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2003. P. 143–144.

¹⁸⁹ Станишевски Р. Структура и векторы перемен экономической политики // Studia Politologiczne. 2013. Vol. 30. P. 178.

В 1988 г., после «взрыва» очередной волны забастовок, правительство констатировало, что существующая система управления себя исчерпала, результатом чего стали переговоры за «Круглым столом» между правящими политическими силами и частью оппозиции, которые начались 6 февраля 1989 г. в Варшаве. В ходе переговоров были сформированы группы по политическим, экономическим, социальным реформам и реформам профсоюзного движения. Результатом их работы стало подписание 5 апреля документов «Круглого стола».

Основной целью изменений в области экономики на данном этапе было совершенствование управления государственной собственностью, а не радикальные изменения в структуре собственности. Проблемы, возникшие в то время, были в первую очередь связаны с макроэкономическим балансом, главной угрозой которому был рост инфляции.

Принятие документов «Круглого стола» ознаменовало начало мирного перехода к демократии и свободной рыночной экономике. Проблематика приватизации, хотя и не являлась приоритетным вопросом в процессе разработки основ реформы польского экономического строя, все же была тесно связана с дилеммами экономической политики, с которыми столкнулось правительство во главе с премьер-министром Т. Мазовецким в конце 1989 г. Эти дилеммы сводились к выбору: «шоковая терапия» или эволюционная трансформация. В процессе «шоковой» трансформации необходимо было заняться макроэкономическими проблемами и поставить вопрос о микроэкономической либерализации, а вопросы преобразования собственности, включая приватизацию, должны были решаться поэтапно. Таким образом, вступив на путь социально-экономических преобразований, Польша выбрала радикальный вариант реформ, который характеризовался действительно быстрым внедрением рыночных механизмов в экономике, однако его результатами стали спад производства, возникновение гиперинфляции, рост безработицы и беспрецедентное снижение уровня жизни.

Старт экономическим реформам в их либеральном варианте был дан 1 января 1990 г. когда правительство «ввело правила рыночной конкуренции, открыло границы и либерализовало цены, так что 90% продаж велось в соответствии с рыночными ценами. В том же году реформаторы ввели жесткие бюджетные ограничения, ограничив возможности субсидирования госпредприятий, и ввели процедуру банкротства. Пакет реформ, получивший название "шоковая терапия", был разработан таким образом, чтобы одновременно устранить все препятствия на пути к осуществлению, что реформаторы Бальцеровича считали естественным стимулом к предпринимательству и введению жестких бюджетных ограничений, заставляющих участников рынка действовать рационально и разумно»¹⁹⁰.

Созданная в то время в Польше форма капитализма в научной среде получила множество названий. Например, польский политолог Р. Матыя говорит об установившемся в Польше капитализме как об опасном элементе, разрушающем западные общества. «Капитализм, существующий в повседневном опыте, - более богатый и лучший мир, доступ к которому был закрыт для нас раз и навсегда», - отмечает политолог. Эта точка зрения иллюстрирует тот факт, что эта вновь созданная экономическая система была создана не в результате трансформации экономической структуры, а в результате реализации минимального количества институциональных решений, которые позволили польской экономике функционировать в рамках международной экономики¹⁹¹, - подытоживает Р. Матыя.

Солидарна с Р. Матыем и Я. Станишкис, которая акцентирует внимание на процессе незавершенности сложившегося капитализма, что проявляется в недостаточной ясности экономических механизмов накопления капитала. По этой причине в начальный период трансформации очень часто происходили

¹⁹⁰ Baldys P. Society under Construction: Opportunities and Risks // Society under construction - opportunities risks. Bielsko-Biała : Wydawnictwo Naukowe. Akademii Techniczno-Humanistycznej, 2015. P. 16.

¹⁹¹ Матыя Р. Наш реальный капитализм [Электронный ресурс]. URL : <https://www.tygodnikpowszechny.pl/kapitalizm-nasz-realny-135524> (дата обращения: 09.11.2021).

процессы перераспределения, основанные на неэкономических механизмах. В качестве примера Я. Станишкис указывает на так называемый политический капитализм, который «использовал привилегии, возникшие в результате связей с бывшей правящей элитой, а затем и с капитализмом государственного сектора, захватив часть коммерциализированных государственных фондов»¹⁹².

Типичным для этой системы было то, что распределение товаров основывалось на личных связях, доступе к информации и, наконец, как это называет Я. Станишкис, на связях с кругами, связанными с нынешними или бывшими центрами политической власти. Этот незавершенный капитализм сопровождался быстрым экономическим спадом после того, как все резервы, накопленные в предыдущий период, были исчерпаны. Это также было связано с разрывом обращения капитала и связей между финансовыми и политическими кругами. Результатом этого является политика, благоприятствующая импорту и потреблению, но не экспорту и производству¹⁹³. Это привело к краху многих промышленных предприятий и даже всех отраслей, которые с тех пор не возродились. Капитализм того периода характеризовался бессилием институтов и ценностей, что характерно для контрактной культуры. Я. Станишкис также указывает на растущее несоответствие между стандартами рациональности, применяемыми в микро- и макроэкономике. На макроэкономическом уровне процедуры и ценности, типичные для западной экономики, были внедрены почти сразу, в то время как на микроэкономическом уровне обычно применялись правила, типичные для старого режима¹⁹⁴.

Несколько иную картину первых нескольких лет преобразований в Польше дает анализ М. Мароды. В частности, основываясь на результатах того, как некоторые сегменты и группы населения выиграли от трансформации в

¹⁹² Staniszki J. *Władza globalizacji*. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2003. P. 81–82.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Marody M. *Trzy Polski – instytucjonalny kontekst strategii dostosowawczych // Wymiary życia społecznego. Polska na przełomie XX i XXI wieku / ed. by. M. Marody*. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2002. P. 254–255.

первые годы, она пишет о трех типах Польши: «приватизированная», «государственная» и «получающая пособие». Это разделение связано с логикой получения дохода, характерной для польского общества того периода. Это было следствием вышеупомянутого гибридного характера социально-экономической системы и существенно влияло на действия людей. По мнению М. Мароды, эта логика «должна разнообразить как выбор стратегии действий, понимаемых как рациональные, так и конкретных целей, на которые они ориентированы. На участие индивидов в экономической игре указывают интересы, которые определяются не только объективными характеристиками социального позиционирования (такими как размер собственности, уровень образования или тип квалификации), но и более или менее точной оценкой институциональных ресурсов, возможностей действий, угроз, возникающих в результате функционирования в определенной институциональной среде, а также мнениями о степени вариативности применяемых в ней правил»¹⁹⁵.

Рассуждая о последствиях существования этих трех очень разных институциональных систем, М. Марода указывает на то, что логика, характерная для одной институциональной системы, переносится на другую, что вызывает непрозрачность политических и экономических отношений и создает значительное препятствие для консолидации рыночной экономики. Это также задерживает приватизацию и укрепляет доминирующее положение государственного сектора во вновь созданной экономической системе. Это также создает благоприятные условия для преобразования государственных ресурсов и укрепляет веру в существующее неравенство¹⁹⁶.

По истечении 30 лет с начала реформ Л. Бальцеровича, можно подвести некоторые итоги, особенно в свете того, что с середины 10-х гг. XXI в. новое руководство взяло курс развития страны, противоположный либеральным начинаниям первых реформаторов Польши.

¹⁹⁵ Marody M. Trzy Polski – instytucjonalny kontekst strategii dostosowawczych. P. 254–255.

¹⁹⁶ Там же. P. 268–269.

Реформы способствовали снижению инфляции и уменьшению дефицита государственного бюджета, насыщению рынка товарами, развитию предпринимательства, сокращению внешнего долга страны. Сторонники Бальцеровича подчеркивают, что благодаря его реформам Польша стала лидером по темпам экономического роста среди постсоциалистических стран ЦВЕ. В 1990–2018 гг. ВВП увеличился более чем в 2,7 раза¹⁹⁷. Достижение столь значительных экономических результатов свидетельствует о высокой степени конкурентоспособности польского национального хозяйства, о чем свидетельствует рост экономики в кризис 2008 г. на 2,8%. С 2010 г. Варшава является одним из лидеров экономического роста среди стран ЕС, ее ВВП в 2018 г. вырос на 5,1%¹⁹⁸.

Период трансформационного спада в польской экономике был самым коротким в ЦВЕ. С 1992 г. экономика непрерывно развивалась. Одним из факторов роста стало стремительное развитие частного предпринимательства. За 30 лет удалось уменьшить разрыв в уровне социально-экономического развития с развитыми странами. Если в 1989 г. ВВП на душу населения составлял всего 34,2% от среднего уровня стран «Большой семерки», то к 2019 г. он возрос до 61,7%. По сравнению с 1989 г. ВВП на душу населения вырос на 259%¹⁹⁹.

Еще одним достижением 30-летней трансформации является рост производительности труда и валовой нормы сбережений. Благодаря плану Бальцеровича удалось довольно быстро начать борьбу с гиперинфляцией. Индекс потребительских цен снизился с 567% в 1990 г. до 76% в следующем году. В 1999 г. была достигнута однозначная инфляция (7,1%). С 2004 г. этот

¹⁹⁷ Официальный сайт UNCTAD [Электронный ресурс]. URL : <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx> / (дата обращения 05.05.2021).

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Zieliński M. Tak Polskę zbudowano. 30-lecie planu Balcerowicza // Gazeta Wyborcza 01.01.2020 [Electronic resource]. URL : <https://wyborcza.pl/7,75968,25559301,tak-polske-zbudowano-30-lecie-planu-balcerowicza.html> (дата обращения: 14.11.2021).

показатель редко превышал 3%. В 2018 г. инфляция в Польше составила 1,8%²⁰⁰.

Поворотным моментом в истории Польши стало ее вступление в 2004 г. Европейский союз. «Вступив в ЕС, Польша стала страной-получателем различного рода дотаций, предоставляемых регионам, экономические показатели которых (валовой региональный продукт на душу населения, безработица и т.д.) отстают от общеевропейских. В рамках бюджетов 2007–2013 и 2014–2020 гг. Польша получила крупные дотации из Фонда сплочения и структурных фондов ЕС, а также значительные средства для поддержки сельского хозяйства»²⁰¹.

С 2004 по 2018 г. на эти цели в рамках Общей сельскохозяйственной политики (ОСП) ЕС было выделено 55 млрд. евро. Более 33 млрд. составили непосредственные выплаты хозяйствам. В общей сложности, по подсчетам польского министерства финансов, за 15 лет членства в ЕС субсидии из бюджета ЕС (за вычетом тех отчислений, которые Польша выплатила в общеевропейский бюджет за эти годы) составили около 110 млрд. евро²⁰².

По данным польского министерства развития, в 2004-2015 гг. средства из бюджета ЕС обеспечили почти четверть роста ВВП и организацию около 600 тыс. новых рабочих мест. Поддержка сельского хозяйства в рамках ОСП ЕС также имела большое значение, как для его модернизации, так и для социальной поддержки занятых в агропромышленном комплексе (АПК). Так, по данным А. Баер-Навроцкой, «доходы АПК к 2011 г. возросли в 2,5 раза по сравнению с периодом непосредственно до вступления в ЕС. Столь

²⁰⁰ Официальный сайт The World Bank [Электронный ресурс]. URL : <https://data.worldbank.org/indicator/> (дата обращения: 09.11.2021).

²⁰¹ Кувалдин С. А. Экономика Польши: конкурентные преимущества и факторы устойчивого роста // Общественные науки и современность. 2020. № 6. С. 81.

²⁰² Zestawienie transferów finansowych środków unijnych od początku członkostwa Polski w UE (stan na koniec grudnia 2018 r.) [Electronic resource]. URL : <https://mf-arch2.mf.gov.pl/web/bip/ministerstwo-finansow/dzialalnosc/unia-europejska/transfery-finansowe-polska-ue> (дата обращения: 14.11.2021).

значительный рост был бы невозможен без дотаций из Брюсселя»²⁰³. По данным А. Захарова и А. Габарта, «после вступления в ЕС экспорт сельскохозяйственной продукции Польши увеличился к 2016 г. почти в 4,1 раза»²⁰⁴. «Доходы занятых в сельском хозяйстве, составившие в 2004–2017 гг. 63% от среднего дохода трудоустроенных в других секторах, без дотаций опустились бы до уровня 24% от доходов работников несельскохозяйственных секторов»²⁰⁵.

Еще больше от вступления в ЕС, помимо материальной выгоды, поляки получили в моральном отношении. По этому поводу А. Михник выразил мнение о том, что «только с вступлением Польши в НАТО и Европейский союз сбылись мечты нескольких поколений поляков, которые десятилетиями боролись против тоталитарного насилия... Европейский союз, основанный на афинской традиции демократии, римском праве, христианском милосердии и идеалах равенства, свободы и братства, позволит Польше перевернуть новую страницу истории, и поможет всем поколениям поляков достичь самореализации во всех смыслах этого слова»²⁰⁶.

Одним из элементов экономических преобразований стала реформа социальной сферы. В контексте преобразований была изменена существующая модель социальной политики, в основе которой лежала ответственность государства за удовлетворение потребностей граждан. В научной литературе такая модель получила название государственно-коллективистской модели и включает в себя три элемента: «1) полная занятость населения – гарантии

²⁰³ Baer-Nawrocka A. Wpływ Wspólnej Polityki Rolnej na efekty dochodowe w rolnictwie nowych krajów członkowskich Unii Europejskiej // Zeszyty Naukowe Szkoły Głównej Gospodarstwa Wiejskiego w Warszawie, Polityki Europejskie, Finanse i Marketing. 2013. N 9(58). P. 34–44.

²⁰⁴ Захаров А. Н., Габарта А. А. Внешнеэкономические связи Польши на современном этапе // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 6. С. 15–24.

²⁰⁵ The Influence of the European Union's Common Agricultural Policy on the Socio-Economic Sustainability of Farms (the Case of Poland) // Sustainability. 2019. Vol. 11, Is. 24. P. 7173.

²⁰⁶ Nowakowski M., Kurs T. 15 lat w Unii Europejskiej. Olsztynianie podsumowują // Gazeta Wyborcza, 01.05.2019 [Electronic Resource]. URL : <https://olsztyn.wyborcza.pl/olsztyn/7,48726,24741552,15-lat-w-unii-europejskiejolsztynianie-podsumowuja.html> (дата обращения: 14.11.2021).

обеспечения работой и заработной платы; 2) высокие государственные субсидии на основные товары и услуги, всеобщий доступ к бесплатным или недорогим социальным услугам; 3) развитая система социальной поддержки»²⁰⁷.

Социальная политика в Польше, как и в других социалистических государствах, была всеобъемлющей, следовательно, органы власти контролировали и управляли общественными процессами, брали на себя функции обеспечения занятости в обществе. Устранение социального плюрализма и осуществление принудительных мер привели к формированию монополии государства на удовлетворение потребностей общества. Это нашло отражение в стремлении к справедливому распределению доходов, национализации собственности, политике абсолютной занятости и уравнительности заработной платы. Эти решения сами по себе были неплохими, но они принимались в отрыве от экономических реалий. Такая социально-экономическая модель не была в состоянии эффективно функционировать, поскольку социалистическая экономика не успевала за все возрастающими потребностями общества, следствием чего были многочисленные социально-политические кризисы.

Масштабные преобразования в Польше на рубеже 80-90 гг. прошлого века охватили и сферу социальной политики. Началась ее либерализация, коммерциализация и децентрализация. Либерализация заключалась в отстранении государства от монополистической позиции единственного источника удовлетворения потребностей общества. Коммерциализация была связана с введением платы за социальные услуги (образование, здравоохранение), а децентрализация представляла собой передачу заданий в сфере социальной политики органам местного самоуправления, его наименьшим структурным подразделениям – гминам. Осуществление реформ в социальной сфере должно было соответствовать дуализму социально-экономических целей. С одной стороны, речь шла о приведении социальной

²⁰⁷ Вежбицки А. Факторы и вызовы социальной политики // *Studia Politologiczne*. 2013. Vol. 30. С. 158.

политики в соответствие с нестабильной экономической реальностью, с другой, особенно в первый период, о поддержании, насколько это возможно, существующего уровня жизни.

Изменения в системе социальной политики осуществлялись в двух направлениях. Во-первых, были проведены мероприятия, направленные на адаптацию социальной политики к реализуемым экономическим реформам. Во-вторых, были проведены реформы, заключающиеся в институциональных изменениях, которые должны были сделать социальную политику более современной и эффективной.

В начале трансформации все важнейшие политические группы были едины в том, что прежняя социалистическая модель социальной политики, соответствующая плановому механизму распределения экономических ресурсов должна остаться в прошлом. В то же время существовало понимание того, что выбор либеральной модели социальной политики неприемлем в связи с ее аксиологией, ориентирующейся на индивидуализм, предпринимательство, конкуренцию и т.п. Невозможно было также реализовать скандинавскую модель, направленную на бюджетное финансирование социальной политики. С одной стороны, она ассоциировалась с социализмом, а с другой была невозможна в условиях вызванной трансформацией рецессии. Принимая во внимание вышеизложенные аргументы, было принято решение сделать выбор в пользу социальной рыночной экономики. Это модель, которая функционирует в ФРГ с конца 40-х годов XX в. и представляет собой попытку компромисса между экономической эффективностью и социальной защитой населения («Столько государства, сколько это необходимо, столько рынка, сколько это возможно»), т.е. попытку сформировать сбалансированное социально-экономическое развитие²⁰⁸.

Проведенные реформы и институциональные изменения в социальной политике четко не указывают на то, что была выбрана именно эта модель социальной политики. Как отмечают польские политологи, «Польша предстоит

²⁰⁸ Вежбицки А. Факторы и вызовы социальной политики. С. 158.

пройти долгий путь для достижения данной цели. Например, до сих пор не существует развитой комплексной системы социального страхования, которая покрывала бы большинство социальных рисков с помощью социальных услуг. Общественный диалог, вовлеченный в текущую политику, являющуюся основой для формирования заработной платы на отраслевом уровне, оставляет желать лучшего»²⁰⁹.

Сегодня социальную политику в Польше трудно определить как системно решенную проблему. Модель социальной политики, сформировавшаяся в Польше, представляет собой гибрид ранее существовавшей социалистической модели с элементами либеральной и корпоративной (мотивационной) схем. Это является результатом трех составляющих. Во-первых, несмотря на значительное ограничение социальной функции государства, оно остается главным субъектом, ответственным за уровень жизни и социальную защиту граждан. Во-вторых, принятие демократии и рыночной экономики способствовало «либерализации» социальной политики, и переоценке ее системы ценностей. Ранее признанные ценности, такие как солидарность, социальная защита и равенство, были заменены конкуренцией, неопределенностью и неравенством²¹⁰. В-третьих, в результате реформ был расширен элемент страхования в системе социальной защиты и введена некорпоративная система трудовых отношений, характерная для корпоративной модели (социально-ориентированной рыночной экономики).

В результате реформ не все граждане стали выгодоприобретателями экономического роста, который наблюдался в Польше в течение последних 30 лет. Как и везде, в условиях либеральной экономики, и в Польше богатство распределено неравномерно. С ростом национальной экономики наиболее быстрыми темпами растут доходы самых богатых слоев населения. «В 2018 г. более 5,4% жителей Польши жили в условиях крайней нищеты, около 2,1 млн.

²⁰⁹ См.: напр., Вежбицки А. Факторы и вызовы социальной политики. С. 160.

²¹⁰ См.: Książopolski M. Polityka społeczna. Wybrane problemy porównań międzynarodowych. Katowice : Wydawnictwo Śląsk, 1999. P. 124–127.

человек жили на средства ниже прожиточного минимума, 227 тыс. пенсионеров получали только минимальную пенсию»²¹¹. «Если в 1980-е гг. большинство людей жили не очень богато в условиях всеобщего дефицита товаров, но в условиях относительной стабильности, то уже спустя 10 лет в 1990-е гг. в разгар системных преобразований большая часть населения Польши столкнулась с большими финансовыми сложностями, для многих семей, не имеющих стабильного источника дохода, было реальной проблемой дожить до конца месяца. Для многих единственным утешением в те годы была отдаленная перспектива вступления Польши в ЕС и смутная надежда на улучшение их жизни»²¹².

Говоря о содержании и динамике социально-экономических преобразований в Польше, следует отметить, что данный процесс не был линейным. Преобразования осуществлялись разными темпами, с разным видением участия в них государства. Период с 1989 по 1992 гг. можно назвать либеральным, так как тогда экономическая свобода в Польше была максимальной. Благодаря введению свободной конкуренции и ограничению вмешательства государства в рыночные процессы появилось 2,5 млн. частных предприятий, ставших основой для появления среднего класса²¹³. Однако после победы на парламентских выборах 1993 г. левые партии значительно усилили государственное вмешательство в экономику. На этом фоне трансформация потеряла динамику, но не была остановлена. Новые выборы 1997 г. также не привели к существенным изменениям в курсе правительства. На следующих парламентских выборах 2001 г. к власти вновь пришли левые, результаты

²¹¹ Rozwadowska A. Po co nam krytyka Balcerowicza? Żeby się nie cofać // Gazeta Wyborcza, 03.01.2020 [Electronic resource]. URL : <https://wyborcza.pl/7,155287,25564607,po-co-nam-krytyka-balcerowicza-zeby-sierozwujac.html> (дата обращения: 17.11.2021).

²¹² Габарта А. А. Польша: 30 лет от начала социально-экономических трансформаций и 15 лет членства в ЕС // Современная Европа. 2019. № 7. С. 89.

²¹³ Майорова О. Н. 25 лет трансформации в Польше: плюсы и минусы // Славянский мир в третьем тысячелетии: сб. науч. тр. / ФГБУН Ин-т славяноведения РАН, Ин-т славянской культуры. М. : Ин-т славяноведения РАН. 2015. Вып. 10. Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. С. 178.

деятельности которых привели к торможению польской системной трансформации, продолжающемуся росту бюрократии и ограничению экономических свобод. Как отмечает по этому поводу польский исследователь Т. Лелен, «Торможение процесса системных преобразований в течение более десяти лет представляет собой длительный процесс, препятствующий деятельности наиболее предприимчивых поляков. В этот период наблюдалось замедление численного прироста новых частных фирм, что означало ограничение развития польского среднего класса в течение многих лет»²¹⁴. По оценкам экспертов, интенсификации преобразований препятствовали, «с одной стороны, высокая политизация этого процесса, обусловленная борьбой сильных групп интересов, а с другой, отсутствие ощутимых импульсов со стороны власти к завершению начатых процедур и инициированию новых»²¹⁵.

Победа на парламентских выборах 2007 г. либерально ориентированной партии – Гражданской платформы придала новый импульс преобразовательным процессам. Стремительный экономический рост стал результатом ряда усиливающих друг друга факторов. Помимо смены власти важнейшую роль сыграло членство Польши в ЕС, а также привлечение иностранных инвестиций и расширение внешнеэкономических связей.

В 2015 г. Польша вступила в новый этап своего развития, который может быть охарактеризован как смена вектора развития. Однако, подводя итоги двадцатипятилетнего периода трансформации, с ее достижениями и трудностями, необходим анализ мнения общества относительно данного периода. Эти мнения были выявлены Центром изучения общественного мнения (PORC) в 2014 г. Итоги исследования показали, что население не может однозначно оценить социальные последствия трансформации. 45% респондентов считают, что трансформация в целом принесла больше пользы, чем вреда. Только 15% относятся к изменениям негативно, а 13% не имеют

²¹⁴ Lelen T. Transformation Uncompleted (Transformation of the Polish Middle Class: From Dynamic Origin to Political Burden) // Studia Polityczne. 2005. N 17. P. 70.

²¹⁵ Майорова О. Н. 25 лет трансформации в Польше: плюсы и минусы. С. 179.

четкого мнения. Крупнейшими достижениями опрошенные считают свободу (49%), включая свободу слова, а также свободу передвижения и экономическую свободу. Наиболее серьезным недостатком трансформации респонденты называют безработицу (46%) и обнищание населения (22%). По мнению половины опрошенных, за годы трансформации условия жизни в целом изменились в лучшую сторону, а одна треть – в худшую. Согласно полученным данным, 71% респондентов считали необходимым изменить социальную систему и только 15% респондентов придерживались противоположного мнения²¹⁶.

Как уже упоминалось, ситуация в Польше существенно изменилась после парламентских выборов 2015 г. «В стране начала формироваться новая официальная идеология, информационная, социальная и внешняя политика, отношения с католической церковью, изменилась система образования, культуры, обеспечения законности и безопасности. Эти процессы были связаны с приходом к власти правоконсервативной партии «Право и справедливость» (ПиС), возглавляемой Я. Качиньским, который, не занимая никаких государственных постов, играл роль теневого лидера, определял как внешнюю, так и внутреннюю политику страны»²¹⁷.

Идеология ПиС наиболее полно была выражена в ее предвыборной программе, которая отличалась эклектичностью: в ней также содержались элементы, характерные для социал-демократических и даже социалистических партий. В первую очередь речь шла о трактовке государственной собственности и социальной политики. Несмотря на очевидные достижения периода системной трансформации, ПиС заявила, что реализация либерального курса привела страну к разорению, что необходимы «изменения к лучшему». Самым главным изменением, по словам нынешнего премьера страны М. Моравецкого, должно стать «восстановление национальной собственности

²¹⁶ Цит. по: Baldys P. Society under Construction: Opportunities and Risks. P. 27.

²¹⁷ Синицина И. С., Чудакова Н. А. Польша: крутой поворот // Мир перемен. 2016. № 3. С. 126–141.

после того, как страна распродала свои многочисленные предприятия и стала страной, принадлежащей иностранному капиталу»²¹⁸.

Действующее правительство Польши взяло курс на построение новой вертикали власти в ущерб демократическим принципам. Наблюдается тенденция к централизации власти путем ограничения полномочий органов местного самоуправления. Попытка внести поправки в Конституцию была встречена недовольством общественности, и правительство ограничилось лишь внесением изменений в действующее законодательство. В частности, Конституционный трибунал стал органом, контролируемым ПиС. Объединение функций генерального прокурора и министра юстиции под контролем ПиС обеспечило подчинение судебной системы страны исполнительной власти²¹⁹.

В области управления экономикой баланс сдержек и противовесов также был нарушен, в частности, из-за совмещения должностей министра финансов и министра экономики. Однако позже эти функции были формально разделены. Создавались новые институты управления и контроля, дополнительно регламентирующие различные сферы экономической и общественной жизни. «С октября 2015 г. было заменено не менее 11 368 сотрудников, в том числе на руководящих должностях в хозяйственных организациях с участием государства и в подконтрольных им фирмах около 6770 человек, в СМИ – 118 руководителей, в учреждениях государственного казначейства – 100% руководящих кадров, в органах прокуратуры было заменено – 1403 из 6130»²²⁰.

Для обеспечения общественной поддержки нового курса ПиС осуществила «поглощение» СМИ, по существу начав их деприватизацию (реполонизацию) и развернув кадровую чистку. В настоящее время большая часть СМИ контролируется ПиС. Тем не менее, оппозиционная пресса и

²¹⁸ Morawiecki: Wobec rządów PO-PSL trzykrotnie zwiększyliśmy wydatki społeczne [Electronic resource]. URL : <https://www.wnp.pl/finanse/morawiecki-wobec-rzadow-po-psl-trzykrotnie-zwiekszylysmy-wydatki-spoeczne,308834.html> (дата обращения: 14.11.2021).

²¹⁹ Синицина И. С., Чудакова Н. А. Польша: крутой поворот С. 126–141.

²²⁰ Paczocha J. Partia w państwie. Bezprecedensowa wymiana kadr w administracji rządowej i jej legislacyjne podstawy: raport // Forum Obywatelskiego Rozwoju (FOR). Warszawa, 2018. P. 6–7.

телевидение остались, что отражает позиции довольно широкого круга польского общества, не желающего мириться с возвращением в прошлое. «Правый поворот в развитии общественно-политической и экономической системы произошел в условиях, когда в стране уже была создана достаточно стабильная экономическая база, обеспечивающая относительно высокие темпы роста благосостояния населения, что снизило его восприимчивость к изменениям в общественно-политической жизни. Кроме того, в ходе избирательной кампании 2015 г., а также за время своего пребывания у власти, ПиС широко использовала и использует такой политический инструмент, как популизм, который до сих пор обеспечивает партии широкую общественную поддержку»²²¹.

Содержание политики «изменений к лучшему» было изложено в так называемом плане премьер-министра М. Моравецкого. Этот план стал основой Стратегии ответственного развития (СОР), принятой парламентом Сеймом в феврале 2017 г. В документе говорится о необходимости повышения роли государственного сектора, изменениях в энергетической политике, «реполонизации» банковской системы, мерах воздействия на фондовый рынок и бюджетную политику, ужесточении налоговой политики, изменениях в аграрной сфере, лесном и водном хозяйстве, усилении экспортной экспансии. СОР предусматривала концентрацию всех финансов страны на основных направлениях развития, для чего был создан Польский фонд развития (ПФР). Одновременно планировались кардинальные изменения в социальной политике государства, в том числе в социальном страховании (в том числе пенсионном), в здравоохранении, в системе среднего образования, в семейной, жилищной политике, политике занятости и др. Исходя из сохранения модели социальной рыночной экономики, закрепленной в Конституции, приоритетной задачей СОР является смягчение социального неравенства, а также достижение среднего европейского уровня заработной платы в течение 15 лет.

²²¹ Синицина И. С., Чудакова Н.А. Польша: Новая экономическая политика // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 3. С. 145.

Партия ПиС для реализации своей политики новых преобразований взяла на вооружение идею реполонизации, т.е. избавление от иностранного влияния и капитала с целью восстановления национальной собственности в экономике, в СМИ, в сфере культуры и т.д. Политика реполонизации, предусматривающая ограничение присутствия западного капитала в Польше, для правящей партии создает более широкие возможности жесткой регламентации присутствия и функционирования иностранного капитала на польском рынке. На практике политика реполонизации ведет к усилению роли государства в экономике, по сути, к фактической национализации, переподчинению государству иностранных фирм и банков. «Это означает сужение сферы действия рыночных рычагов управления и переход к преимущественно государственному (ручному) управлению экономикой. Таким образом, заявляя об «улучшении/модернизации нынешней модели роста», СОР предлагает крутой поворот в экономической политике: отход от либерального курса, возвращение к властной вертикали, государственному диктату в экономике, а также к политике «опоры на собственные силы» и вытеснения иностранного капитала»²²².

Возникает закономерный вопрос: каковы причины недовольства и разочарования польского общества, которое после 25 лет достаточно успешных реформ голосует на парламентских выборах за правые партии, которые критикуют происходящие в стране изменения, пересматривают результаты преобразований и требуют радикальных реформ, в том числе и самой общественно-политической системы. Представляется, что ответы на эти вопросы следует искать в области польской психологии через призму синдрома усталости от революционных преобразований, а также развития и степени зрелости гражданского общества.

Можно утверждать, что в 2015 г., в год парламентских выборов в Польше, не наблюдалось ничего необычного, и не было значительного общественного недовольства политикой властей. После многих лет развития и

²²² Синицина И. С., Чудакова Н. А. Польша: Новая экономическая политика. С. 148.

роста экономических показателей ожидания общества возросли. Экономическая стабильность и новые инвестиции перестали впечатлять поляков и перестали оправдывать их ожидания. Можно сказать, что потенциал революционной романтики начал иссякать. Несмотря на то, что экономический разрыв между Польшей и странами Западной Европы сокращается с 1989 г., этот процесс не был достаточно быстрым и не означал сокращения неравенства между заработной платой поляков и граждан Западной Европы. Открытые границы и глобализация экономики сделали эти диспропорции очень болезненными для поляков, которые начали осознавать, на какие жертвы и усилия им пришлось пойти в первые трудные годы преобразований.

Вторая причина польского правого поворота связана с состоянием гражданского общества, которое по определению составляет основу всех успешно функционирующих демократических систем, обеспечивая ее стабильность. Представляется, что гражданское общество Польши оказалось не готовым к вызовам действительности и не смогло оберегать достижения либеральных преобразований. Подчеркивая значение культуры, важнейшего условия развития гражданского общества, доктор социологии Гарвардского университета В. Перес-Диас пишет: «Культура общества – это не набор фиксированных и последовательных убеждений, нормативных ориентаций и связанных с ними институтов. Она состоит из множества таких культур или культурных традиций, которые накапливаются веками как ответ на различные проблемы. Она создает сложную систему, в которой традиции могут мирно сосуществовать, смешиваться или оставаться в открытом конфликте. Эти традиции могут быть связаны общей позицией или вопросами, которые являются предметом споров и конфликтов. На каждом этапе развития общества новое поколение, сталкиваясь с новыми проблемами, тянется к этому репертуару культурных традиций в поисках инструментов, которые позволят понять и решить эти проблемы»²²³.

²²³ Pérez-Díaz V. M. The Return of Civil Society. The Emergence of Democratic Spain. London : Harvard University Press, 1993. P. 33.

Похоже, что польскому обществу не хватило времени и возможностей для развития такой культуры, которая необходима для построения сильного гражданского общества, способного противостоять негативным явлениям и искать ответы на сложные вызовы развития.

В послевоенный период коммунистические власти вызвали крах гражданских инициатив, подчинив себе все виды организаций и тем самым ограничив массовые акции. Как следствие, исчезли всевозможные организации, которые составляли социальную середину между миром политики и чисто частной сферой. Ассоциаций и других подобных организаций, составляющих основу нормально функционирующих обществ, просто не существовало.

После 1989 г. началось переустройство гражданского общества, но, как показывает исторический опыт, это не короткий и, конечно, непростой процесс. Более того, можно усомниться в том, что после 1989 г. было затрачено достаточно усилий на социально-политические изменения. Д. Ост справедливо утверждает, что одной из ошибок, допущенных в Польше, было отождествление либерального капитализма с демократией и гражданским обществом. Далее он отмечает, что «интеллектуалы, связанные с "Солидарностью", пришедшие к власти в 1989 г., защищали свою неолиберальную экономическую политику, утверждая, что это путь построения гражданского общества. Они утверждали, что другого пути нет. Если вам нужна демократия, если вы хотите гражданское общество, вы должны быть довольны политикой, которую мы проводим и требуем от нас ей следовать»²²⁴. Приравнивание рыночной экономики к демократии, либеральной экономике и политическому либерализму оказалось контрпродуктивным. «Новая элита допустила ситуацию, когда несогласные с первым отвергли второе. Официально интерпретируя сопротивление шоковой терапии как

²²⁴ Ost D. Klęska «Solidarności». Gniew i polityka w postkomunistycznej Europie. Warszawa : Warszawskie Wydawnictwo Literackie MUZA SA, 2007. P. 388.

противостояние политическому либерализму, либеральная элита создала противников последнего»²²⁵.

Итак, можно сделать ряд выводов о том, что с середины 2010-х гг. в Польше, во-первых, наблюдается отход от либеральной модели экономической политики и возврат к модели, основанной на примате государственного сектора; во-вторых, происходит ограничение сферы действия рыночных механизмов управления и переход к преимущественно государственному управлению экономикой; в-третьих, наблюдается сокращение инвестиционных возможностей государства в контексте политики «реполонизации» и снижение стимулов предприятий частного сектора к инвестированию; в-четвертых, в производственном секторе появляются элементы монополизации; в-пятых, отмечается фактор сужения возможностей государства сдерживать нарастание государственного долга в долгосрочной перспективе.

В этой связи отметим, что, спустя более 30 лет после начала демократических преобразований польское общество вновь находится на распутье. С одной стороны, достигнута экономическая стабильность, растет экономика, развиваются города и села. С другой стороны, все еще ощущается неудовлетворенность поляков тем, что не удалось построить полностью развитое гражданское общество, что порождает множество проблем, таких как низкий уровень социального доверия и вовлеченности в социальную жизнь сообществ, а также глубокая поляризация польского общества.

Подводя итоги параграфа можно сделать вывод о том, что способность польских властей и общества, особенно в период с 1989 по 2015 гг., достичь фазы экономической и политической консолидации определяется взаимодействием целого ряда факторов. Наиболее важными из них являются:

– качество проводимой в стране политики трансформации (концептуальная ясность, авторитет, компетентность центральных

²²⁵ Ost D. Kłęska «Solidarności». Gniew i polityka w postkomunistycznej Europie. S. 389.

политических фигур, их способность быстро реагировать и принимать решения);

– состояние исходных условий структурного характера (политические, общественные, культурные факторы, масштабы и структура сохранившихся пережитков коммунистической системы);

– признание и поддержка со стороны населения (на это влияют поведение элиты, степень консенсуса, динамика социально-экономического развития);

– структура окружающего международного пространства (готовность правительств и институтов других государств поддерживать сотрудничество, интеграцию и частную инициативу).

Специфика процесса трансформации в Польше в целом, его большая эффективность и результативность обусловлены, прежде всего, достаточно высоким уровнем развития политической и экономической культуры. В стране трансформационная политика в дальнейшем может опираться на опыт ранее проведенных реформ рыночного характера, стабильность общества. Как показывает практика последних 30 лет, правящие элиты в целом обладают волей и способностью к осуществлению реформ. Наследие коммунистического режима здесь ощущается уже не так остро, а готовность Запада осуществлять интеграцию проявляется намного активнее. Все это позволяет с достаточной степенью уверенности оценивать перспективы дальнейшего развития трансформационного процесса в Польше как более благоприятные и успешные.

2.3. Правосудие переходного периода как элемент политики декоммунизации

После крушения коммунистической системы Польша, как и ряд стран бывшего социалистического блока, начала внедрять систему ограниченного правосудия переходного периода, которая представляется одним из основополагающих элементов политики декоммунизации. Отношение к коммунистическому прошлому по-прежнему оказывает огромное влияние на польское общество и определяет как внутреннюю, так и внешнюю политику государства. В отсутствие национального консенсуса относительно коммунистического прошлого, актуализируется вопрос не только о том, как оценивать прошлое, но и как бороться с его проявлениями так, чтобы не было нарушено хрупкое равновесие в обществе, достигнутое в постсоциалистическую эпоху.

Из существующих альтернативных моделей перехода от авторитарных, тоталитарных режимов к демократии часть польского общества предпочитает испанскую модель, которая предусматривает переход к демократии без предоставления широкого доступа к секретным архивам, преследования коммунистических лидеров за нарушения прав человека и блокирования доступа к высоким государственным должностям для чиновников старого режима. Другая часть общества считает, что мягкая позиция Польши в отношении коммунистических репрессий является неправильным моральным примером для молодых поколений и позволяет бывшим коммунистам преуспеть в рыночной экономике и открытой избирательной конкуренции.

В контексте вышесказанного представляется интересным тот факт, что в Польше против всеобъемлющего правосудия переходного периода выступали не бывшие коммунисты, а бывшие диссиденты, опасавшиеся некоторых, возможно, неприглядных страниц в истории оппозиционного движения, в то время как враждебность по отношению к старой политической элите была вызвана не ее оппозицией рыночной экономике и демократии, а ее успешной адаптацией к этим новым условиям.

Правосудие переходного периода, как указывает С. Гарретт, относится к ситуации, когда «предыдущий авторитарный режим уступил власть демократическому режиму, и новая демократия неизбежно сталкивается с проблемой реагирования на нарушения прав человека, совершенные предыдущей системой»²²⁶. В такой ситуации возникают вопросы «что вспомнить из прошлого, как определить прошлое, что делать с прошлым и как все эти вопросы могут повлиять на настоящее и будущее общества?»²²⁷, актуальные для нового режима, которые требуют исчерпывающего ответа.

Следует отметить, что эти дилеммы, связанные с прошлым, настоящим и будущим, являются не результатом теоретических соображений, а результатом опыта функционирования обществ на этапе трансформации. Действия, предпринимаемые в данной ситуации, являются ответом на конкретные нарушения прав человека со стороны уходящего режима. Поскольку контекст переходов отличается, перечень действий, предпринимаемых обществами, решившими покончить с прошлым, также отличается. Как подчеркивается в литературе, нет единого правильного ответа на вопросы, который приносит изменению системы²²⁸. Множество проблем и возможных решений означают, что «главная проблема правосудия переходного периода заключается в

²²⁶ Garrett S. A. Models of Transitional Justice – A Comparative Analysis. [Electronic resource]. URL : <https://ciaotest.cc.columbia.edu/isa/gas02/> (дата обращения: 12.11.2021).

²²⁷ Там же.

²²⁸ What is Transitional Justice? International Center for Transitional Justice, 2008 [Electronic resource]. URL: <http://ictj.org/en/tj/780.html> (дата обращения: 22.05.2021).

сложности определения пределов охвата и отсутствие конкретных границ распространения смысла и действий этой концепции»²²⁹.

Правосудие переходного периода начало применяться после Второй мировой войны. Новшеством этого вида правосудия стало широкое использование международного права и его применение не только к государствам, но и к конкретным лицам.

Широкое распространение правосудие переходного периода получает в последней четверти XX в. на волне третьей демократизации. По утверждению С. Хантингтона, в течение пятнадцати лет, начиная с 1974 г., примерно в тридцати странах Европы, Латинской Америки и Азии автократические системы уступили место демократическим. Во всех этих странах, как пишет С. Хантингтон, фундаментальной дилеммой была проблема «что делать с символами, доктринами, организациями, законами, чиновниками и лидерами авторитарных систем?»²³⁰. В течение этого периода правосудие переходного периода рассматривалось не только как инструмент возмездия и мщения, но и как средство торжества справедливости и построения общества, основанного на демократических ценностях. Таким образом, такие понятия, как «верховенство закона», «мир» и «примирение», ранее считавшиеся внешними по отношению к правосудию переходного периода, стали играть важную роль в определении цели реформ и методов их осуществления²³¹. Именно так развивалось современное правосудие в переходный период. По словам лауреата Нобелевской премии Д. Туту, «конечной целью [правосудия переходного

²²⁹ Czarnota A. Radykalne zło a prawo, czyli jak mierzyć się z trudną przeszłością? : przewodnik po literaturze // *Ius et Lex*. 2003. N 1. P. 357.

²³⁰ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М. : РОССПЭН, 2003. С. 216.

²³¹ Teitel R. G. Transitional Justice Genealogy // *Harvard Human Rights Journal*. 2003. Vol. 16. [Electronic resource]. URL : <https://www.qub.ac.uk/Research/GRI/mitchell-institute/FileStore/Filetoupload,757186,en.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).

периода] является справедливость, мир и примирение в странах, переживших периоды насильственных конфликтов и господство репрессивных режимов»²³².

Международный центр правосудия переходного периода²³³ (ICTJ) определяет цель правосудия переходного периода как содействие становлению «мира, примирения и демократии»²³⁴. Ссылка на демократию означает, что стремление к справедливости в переходный период выражается в создании определенного социального порядка, «целью которого является преобразование политического сообщества, а не просто наказание отдельных лиц»²³⁵. Поэтому идеалом правосудия переходного периода является примирение в рамках создаваемого демократического порядка.

Как упоминалось выше, целью правосудия переходного периода является создание нового порядка, основанного на доверии и общих ценностях. Р. Тейтель подчеркивает, что «правосудие переходного периода – это способ переустройства общества вне потенциальных расовых, этнических и религиозных различий, основанный на политической идентичности, возникающей из специфического наследия страха и несправедливости, характерных для данного общества»²³⁶. За исключением особых случаев, власть в результате перехода приобретает черты авторитарного режима, этот новый порядок можно приравнять к демократии.

Во втором пункте резолюции № 1096 Парламентской Ассамблеи Совета Европы о мерах по устранению прошлого прежней тоталитарной коммунистической системы говорится: «Цели переходного процесса ясны: создание плюралистических демократий, основанных на верховенстве права,

²³² Tutu D. M. Reflections on Moral Accountability // The International Journal of Transitional Justice. 2007. Vol. 1, N 1. P. 6–7.

²³³ ICTJ был основан в марте 2001 года по предложению Фонда Форда для изучения стратегий, помогающих обществу сосредоточить внимание на правах жертв в борьбе с наследием массовых нарушений прав человека и в поисках прочного мира.

²³⁴ What is Transitional Justice? International Center for Transitional Justice, 2008 [Electronic resource]. URL : <http://ictj.org/en/tj/780.html> (дата обращения: 22.05.2021).

²³⁵ Krasnodębski Z. O genezie III Rzeczypospolitej raz jeszcze // Ius et Lex. 2003. N 1. P. 308.

²³⁶ Там же.

уважении прав человека и уважении разнообразия. В этом процессе важны принципы субсидиарности, свободы выбора, равных возможностей, экономического плюрализма и прозрачности процессов принятия решений. Разделение властей, свобода СМИ, защита частной собственности и создание гражданского общества относятся к числу мер, которые могут быть использованы для достижения этих целей, а также децентрализации, демилитаризации, демонополизации и деbüroкратизации государства»²³⁷.

Инструменты правосудия переходного периода Международный центр правосудия переходного периода предлагает разделить на уголовную ответственность, комиссии по установлению истины, инструменты компенсации, инструменты реформы безопасности и инструменты для чествования памяти жертв предыдущего режима²³⁸. К данному перечню Д. Крокер добавляет и метод примирения, который может быть реализован как посредством общей, так и индивидуальной амнистии²³⁹.

Уголовное право остается основной формой реагирования на преступления авторитарного режима. Это означает, что процессы должны быть сосредоточены на ответственности отдельных лиц, через которых может быть раскрыта правда о деятельности уходящего режима и восстановлена справедливость в отношении жертв²⁴⁰. Но существует также справедливое мнение о том, что «чрезвычайные, временные или внешние меры никогда не заменят функционирующую национальную систему правосудия» и, следовательно, «национальные системы правосудия» должны быть первой

²³⁷ Resolution of the Parliamentary Assembly of Council of Europe no. 1096 of 27 June 1996. // Measures to dismantle the heritage of former communist totalitarian systems [Electronic resource]. URL : <http://assembly.coe.int/nw/xml/xref/x2h-xrefviewhtml.asp?fileid=7506&lang=> (дата обращения: 17.11.2021).

²³⁸ What is Transitional Justice? International Center for Transitional Justice, 2008 [Electronic resource]. URL: <http://ictj.org/en/tj/780.html> (дата обращения: 22.05.2021).

²³⁹ Crocker D. Reckoning with Past Wrongs: A Normative Framework [Electronic resource]. URL : <https://www.grace.umd.edu/~dcrocker/Courses/Docs/Reckoning%20with%20past%20wrongs.pdf> (дата обращения: 12.11.2021).

²⁴⁰ Prosecutions. International Center for Transitional Justice, 2008 [Electronic resource]. URL : <http://ictj.org/en/tj/781.html> (дата обращения: 22.05.2021).

инстанцией в поиске ответственности»²⁴¹. Когда судебная система неэффективна, применяются чрезвычайные национальные меры, например, как суды Гачача в Руанде²⁴².

Одной из главных задач правосудия переходного периода является предотвращение будущих нарушений прав человека. Полиция, армия, службы безопасности и другие правительственные учреждения часто несут ответственность за наиболее серьезные случаи этих нарушений²⁴³. В этой ситуации необходимо реформировать плохо функционирующие институты, включая соответствующий подбор их персонала. Одним из элементов реформы является проверка, целью которой является, в зависимости от страны, отстранение от власти тех, кому не может быть доверено строительство нового демократического общества.

Компенсация жертвам и их семьям является одним из основных инструментов правосудия переходного периода. Программы, направленные на достижение этой цели, включают целый ряд мер, начиная от чисто символических и заканчивая в первую очередь материальными²⁴⁴.

Материальная помощь состоит главным образом из реституции, компенсационных программ индивидуального и общего характера²⁴⁵,

²⁴¹ Report of the Secretary-General on the rule of law and transitional justice in conflict and post-conflict societies (S/2004/616) United Nations Security Council [Electronic resource]. URL : <http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=S/2004/616&Lang=E&Area=UNDOC> (дата обращения: 22.05.2021).

²⁴² См., напр.: Krotoszyński M. Lustracja w Polsce w świetle modeli sprawiedliwości okresu tranzycji. Helsińska Fundacja Praw Człowieka, Warszawa, 2014. 153 s.

²⁴³ Justice-Sensitive SSR. International Center for Transitional Justice, 2008 [Electronic resource]. URL : <http://www.ictj.org/en/tj/783.html> (дата обращения: 22.05.2021).

²⁴⁴ Margarrell L. Reparations in Theory and Practice [Electronic resource]. URL : <https://www.ictj.org/sites/default/files/ICTJ-Global-Reparations-Practice-2007-English.pdf> (дата обращения: 13.11.2021).

²⁴⁵ Hamber B. Transforming Societies after Political Violence. Truth, Reconciliation, and Mental Health. New York : Springer, 2009. 249 p. [Electronic Resource]. URL : <https://link.springer.com/book/10.1007/978-0-387-89427-0> (дата обращения: 12.11.2021).

поддержки отдельных гражданских исков²⁴⁶, а также медицинской помощи потерпевшим²⁴⁷. К числу правовых мер по восстановлению достоинства жертв относятся действия, направленные на устранение последствий, которые были применены к гражданам за их политические убеждения²⁴⁸.

Символические меры являются важным инструментом восстановления справедливости в переходный период. Эти меры формируют историческое сознание и, благодаря своей просветительско-образовательной роли, они могут помочь в построении мирной демократии²⁴⁹. Среди этих мер можно упомянуть создание памятников и общественных парков, посвященных жертвам, установление дней памяти, присвоение имен жертв зданиям и дорогам общего пользования, официальные извинения от властей и т.д.²⁵⁰. Следует также упомянуть о создании музеев, облагораживании мест захоронения жертв. Использование символических инструментов является не только моральным обязательством, но и как отмечается в документах ICTJ, «обязательство поминать прошлые преступления становится нормой международного права»²⁵¹.

Резюмируя отметим, что отдельно взятый инструмент правосудия переходного периода может служить более чем одной цели. Предполагается, что люстрация является в первую очередь защитной функцией государственных институтов, однако, выявление и наказание агентов режима имеет в то же время уголовное измерение и может также помочь создать

²⁴⁶ Ustawa z dnia 23 lutego 1991 r. o uznaniu za nieważne orzeczeń wydanych wobec osób represjonowanych za działalność na rzecz niepodległego bytu Państwa Polskiego // Dziennik Ustaw. 1994. N 34, poz 149. P. 473–475.

²⁴⁷ Margarrell L. Reparations in Theory and Practice [Electronic resource]. URL : <https://www.ictj.org/sites/default/files/ICTJ-Global-Reparations-Practice-2007-English.pdf> (дата обращения: 13.11.2021).

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Memory, Memorials and Museums. International Center for Transitional Justice [Electronic resource]. URL: <https://www.ictj.org/en/tj/785.html> (дата обращения: 22.05.2021).

²⁵⁰ Guatemala, Memory of Silence, Tz'inil na 'tab'al Report of the Commission for Historical Clarification, conclusions and recommendations // The American Association for the Advancement of Science, 1999 [Electronic resource]. URL : <http://shr.aaas.org/guatemala/ceh/report/english/toc.html> (дата обращения: 22.05.2021).

²⁵¹ URL : <https://www.ictj.org/en/tj/785.html> .

реальную картину прошлого и поддержать его память. Символические методы, такие как установка памятников или создание музеев, увековечивают память о преступлениях режима и сопротивлении им, удовлетворяют жертв и служат исторической политике страны.

Следует также подчеркнуть, что использование одного или ограниченного количества инструментов редко бывает эффективным и может даже привести к непреднамеренным последствиям. Применение только уголовных мер без расследования и раскрытия преступлений предыдущего режима может рассматриваться как форма мести; одного лишь реформирования институтов может быть недостаточно для восстановления их легитимности. Поэтому подчеркивается важность целостного подхода, т. е. согласованной и прозрачной системы мер, дополняющих друг друга²⁵².

Путь польского варианта зарождения и реализации на практике системы правосудия переходного периода можно охарактеризовать как эволюцию от мягкого варианта к радикальному.

В августе 1989 г. премьер-министром Польши стал представитель «Солидарности» Т. Мазовецкий, который сформировал первое некоммунистическое правительство с участием «Солидарности», «Демократической унии» и «Объединенной народной партии». Т. Мазовецкий занял четкую позицию относительно возможности люстрации, отвергнув эту политику во имя сохранения договоренностей, достигнутых на Круглом столе. Его позицию можно рассматривать, как и стремление к сохранению приемлемых отношений с Москвой через заверения в том, что его правительство не стремится отомстить коммунистическим лидерам. Тем не менее, 24 августа 1989 г. в своем выступлении Т. Мазовецкий отметил, что Польша не будет мириться со своим коммунистическим прошлым, однако

²⁵² What is Transitional Justice? International Center for Transitional Justice, 2008 [Electronic resource]. URL: <http://ictj.org/en/tj/780.html> (дата обращения: 22.05.2021).

«между прошлым и настоящим будет проведена "линия разграничения" (gruba kreska)»²⁵³.

Лояльность коммунистическому режиму в прошлом не стала основанием для дискриминации, и каждый, включая коммунистических чиновников, мог начать новую жизнь, если бы они были готовы принять новый демократический порядок. Удовлетворенные тем, что новое правительство не будет фокусироваться на прежней партийной принадлежности, лидеры ПОРП приняли новый порядок, многие из них впоследствии отказались от дальнейшего участия в политике после того, как партия распалась в январе 1990 г. Преемник ПОРП «Союз левых демократов» (польск. Sojusz Lewicy Demokratycznej, SLD) отошел от принципа демократического централизма, поощрял внутренние дебаты и формально принял парламентскую демократию и свободную рыночную экономику. Лидер партии А. Квасьневский, бывший партийный функционер, один из архитекторов соглашений круглого стола и активист движения «Интеллигенция и Солидарность» А. Михник подчеркивали свою приверженность испанскому пути, игнорируя вопрос о его актуальности и применимости к посткоммунистическим преобразованиям²⁵⁴.

Политика «линии разграничения» позволила Польше избежать радикальных вариантов развития событий и осуществить плавный переход к демократии, но не позволила правительству провести люстрацию как компонент правосудия переходного периода, не позволила жертвам репрессий

²⁵³ Transitional Justice in Eastern Europe and the former Soviet Union. Reckoning with the communist past. London ; New York : Routledge, 2009. 307 p.

²⁵⁴ Szostkiewicz A. 'The Time for De-communization Has Past' // The Warsaw Voice, 28 June 1998 and Walicki A. S. 'Transitional Justice and the Political Struggles of Post-Communist Poland' // Transitional Justice and the Rule of Law / ed. by A. McAdams. South Bend : University of Notre Dame, 1997. P. 193–196; Mazowieckiego Tadeusza speech // "Sprawozdanie stenograficzne z 7. posiedzenia Sejmu Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej w dn. 12 września 1989 r.". Warszawa, 1989. P. 84–86. Three recent publications worth noting are Grzelak P. Wojna o lustracje. Warsaw : Trio, 2005, Spiewak P. Pamiec po komunizmie. Gdansk : Slowo/Obraz/Terytoria, 2005, and Wolek A. 'Lustracja jako walka o reguly polityki I proba wzmacniania legitymizacji nowych demokracji' // Studia Polityczne. 2004. Vol. 15. P. 147–173.

старого режима выразить свое мнение и не предусматривала никаких дискуссий с участием широкой общественности относительно данного вопроса.

Так называемая «линия разграничения» никогда не была полностью объяснена общественности, где именно была проведена эта линия. Эта политика разделила польское общество на два лагеря с противоположными взглядами на люстрацию. В период 1994-1999 гг. явное большинство поляков выступало за проверку ключевых политических деятелей на предмет их связей со спецслужбами, в то время как только каждый третий поляк выступал против люстрации. С 1996 по 1999 год около 45% поляков поддерживали и столько же выступали против отстранения должностных лиц ПОРП от государственных должностей²⁵⁵.

Еще в 1989 г. влиятельные политики осудили политику «линии разграничения» как трусливый, аморальный компромисс или «умную коммунистическую манипуляцию», служащую интересам номенклатуры, которая хотела обогатиться, продолжая косвенно управлять страной за кулисами²⁵⁶. И все ключевые партии Польши относительно политики люстрации тоже выработали собственную позицию. В некоторой степени эти позиции были схожи в восприятии люстрации именно через силовой вариант. Приемники ПОРП от Союза левых демократов и их союзники от аграрной партии выступили против люстрации. По их мнению, не было необходимости напоминать общественности о неприглядных сторонах старого режима. Их логика сводилась к тому, что столкнувшись с трудностями, особенно экономического характера, граждане быстрее забудут прошлое, что будет способствовать примирению и установлению консенсуса в обществе. В своем обращении к обществу они апеллировали к несовместимости политики люстрации с общими принципами демократии. Они утверждали, что

²⁵⁵ Szczerbiak A. Dealing with the Communist Past or the Politics of the Present? Lustration in Post-Communist Poland // *Europe-Asia Studies*. 2002. Vol. 54, Is. 4. P. 559–560.

²⁵⁶ Stan L. The Politics of Memory in Poland: Lustration, File Access and Court Proceedings [Electronic resource]. URL : <https://people.stfx.ca/cpcs/studies-in-post-communism/Stan2006.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).

«люстрация нарушает принципы инклюзивности, обратной силы, запрета на коллективное наказание и надлежащей правовой процедуры»²⁵⁷.

С позиции защиты люстрации выступили националистические политические силы. Ее открыто поддержала, например, Конфедерация за независимую Польшу (KPN), правая националистическая партия, созданная еще в 1979 г. с целью борьбы против коммунистического режима ПНР. Люстрация служила интересам этих партий, которые свою идентичность строили вокруг идей антикоммунизма. Эта линия спланировала определенную часть общества вокруг данной партии. Таким способом правонационалистические силы, с одной стороны, пытались возродить угасающее чувство солидарности, а с другой – отвлечь внимание масс от насущных проблем действительности. Кроме того, «люстрация вписывалась в политическую философию националистов, которая подчеркивала моральную чистоту и национальный суверенитет. Первоочередной задачей было очистить страну от иностранного влияния, особенно тех, кто сотрудничал с советской тайной полицией»²⁵⁸.

К правонационалистическим силам тяготели правоцентристы из движения «Солидарность». Так, «Альянс центров» (PC) открыто присоединился к националистам в вопросе защиты люстрации. Учитывая слабость коммунистов, эта часть политического спектра рассматривалась, в частности, либералами, в лице премьер-министра Т. Мазовецкого, в качестве основной конкурирующей силы.

Несколько неожиданной представляется позиция либералов. Можно было предположить, что они поддержат политику люстрации, однако против нее выступили практически все либерально настроенные партии, в том числе Демократический союз (UD), Союз свободы (UW), и другие силы, объединенных вокруг них. Они утверждали, что люстрация противоречит

²⁵⁷ Calhoun N. The Ideological Dilemma of Lustration in Poland // East European Politics and Societies and Cultures. 2020. Vol. 16, Is. 2. P. 515.

²⁵⁸ Calhoun N. The Ideological Dilemma of Lustration in Poland. P. 515.

либерально-демократическим принципам и отвлекает от решения важных задач, стоящих перед страной. В отличие от других политических сил, у либералов, казалось, не было никаких скрытых мотивов в принятии этой позиции, и это, безусловно, не улучшило их предвыборные перспективы. С другой стороны, всплеск антикоммунизма мог бы привести к еще большей поляризации политических сил и расколу общества по признаку идеологических предпочтений. Можно утверждать, что сильная приверженность либерализму помогла дифференцировать партию «Демократический союз» от правого центра. Либералы создали для себя политическую идентичность, связанную с либерально-демократической идеологией, и они были готовы придерживаться ее, даже если она не всегда приводила к самым популярным результатам.

Таким образом, либерально-демократическая идеология помогла укрепить тактический союз между либералами и бывшими коммунистами, которые, соглашаясь с тем, что люстрация является нарушением основополагающих принципов новой демократии, работали вместе, чтобы предотвратить принятие закона о люстрации.

После ряда неудачных попыток, сопровождавшихся затяжными переговорами, Польша утвердила свой закон о люстрации в 1997 г. и осуществила его в период с 1999 по 2006 год. Если «чешский закон о люстрации был примером возмездия; венгерский закон о люстрации – примером откровения; то польский закон о люстрации служит примером примирительной стратегии»²⁵⁹.

Если закон о люстрации в постсоциалистических странах предполагал раскрытие нарушений старого режима соответствующими государственными органами, то польский закон основывался на принципе самораскрытия и саморазоблачения государственных должностных лиц. Действующие должностные лица, а также претенденты на важные государственные должности должны были сами представить письменные показания под

²⁵⁹ Calhoun N. The Ideological Dilemma of Lustration in Poland. P. 515.

присягой, в которых подробно описывалась их причастность к предыдущему режиму. Таким способом полученные сведения становились предметом верификации, после чего выносимый вердикт предполагал возможность продолжения деятельности или оставления поста, а для претендентов же на должность – возможность принятия на работу или отказ в приеме. В случае если чиновник добровольно заявлял о своих прошлых связях со спецслужбами и этот факт подтверждался, то доверие к нему восстанавливалось, и он мог продолжать работать на занимаемом посту. Следовательно, можно сделать вывод о том, что сотрудничество со спецслужбами не рассматривалось как серьезная проблема, которая заслуживала бы карательных мер в отношении субъекта проверки. Эту процедуру можно рассматривать как тест на выявление лояльности новому режиму, т.е. как только проверяемые лица демонстрировали, что они готовы принять правила новой системы, то вопрос об их осуждении становился излишним, и они считались прошедшими проверку, которые не будут препятствовать процессу политических, социально-экономических, правовых преобразований.

Закон о люстрации распространялся на довольно широкий круг должностей: он полностью распространялся на судебную систему, все выборные государственные должности от президента до кандидатов в депутаты, всех министров, государственных чиновников выше ранга заместителя губернатора области, юристов и деятелей средств массовой информации. В соответствии с законом от 11 апреля 1997 г. около 22 000 государственных должностных лиц были обязаны раскрывать все формы добровольного секретного сотрудничества со службой безопасности в период с 1944 по 1990 год.

Люстрация началась с прокуроров. В результате проверок около 300 человек были лишены своих должностей. Политика люстрации предусматривала ликвидацию политической полиции – Службы безопасности, после упразднения которой около половины ее сотрудников – 14 тыс. чел. – остались без работы, а остальные были переведены на низкие

должности в МВД. В 1999 г. был создан специальный люстрационный суд и принят закон о люстрационных декларациях, которые должны были представляться всеми кандидатами на государственные и потенциально коррупционные должности.

«В дальнейшем законы о люстрации расширили свое действие, затронув в результате около 700 тысяч человек. Проверке подвергались очень многие: от первых лиц государства до банкиров, сотрудников государственных предприятий, судей, нотариусов, военнослужащих, родившихся до 1 августа 1972 г. Основная кампания по люстрации была законодательно свернута в 2007 г. Конституционным судом Польши путем исключения большого числа профессий из люстрационных списков, по которым нужно было подавать декларации»²⁶⁰.

Характеризуя природу польского варианта люстрации, украинский публицист А. Зинченко справедливо отмечает: «Польский опыт люстрации – очень странная штука. С одной стороны, она является определенным проявлением нетерпимости общества ко лжи и попыткой отстранить от власти тех, кто был причастен к политическим репрессиям и ограничению гражданских свобод в коммунистической Польше. В конце концов, это была попытка отстранить от власти бывших "стукачей". С другой стороны, многие считают, что польская версия люстрации неэффективна по сравнению с немецкой и чешской, в частности потому, что с ее введением новая польская власть опоздала на несколько лет и утратила подходящий момент. Вопрос о том, стала ли люстрация эффективным средством декоммунизации, до сих пор обсуждается польским обществом»²⁶¹.

Сложность политики люстрации в Польше заключается в том, что нет прямого ответа на вопрос о том, насколько полезной была эта политика для

²⁶⁰ Харламов С. Месть или чистка рядов: как люстрировали чиновников в Польше, Германии и Чехии // ruposters.ru [Электронный ресурс]. URL : <https://ruposters.ru/news/18-07-2019/lustracii-polshe-germanii-chehii> (дата обращения: 15.11.2021).

²⁶¹ Там же.

построения новой системы политических, социально-экономических, правовых и культурных отношений. Очевидно одно, что она возникла на волне антикоммунизма, и ее предпосылка основывалась на идеологии либерализма. Люстрация стала инструментом политической борьбы между различными группировками, стремившимися к власти.

Среди польской политической элиты долго не было единства в понимании сути, содержания люстрации. Долгое время дебаты шли вокруг вопроса: совместима ли люстрация с либеральной демократией? На этот вопрос, как уже упоминалось выше, и либералы, и коммунисты отвечали отрицательно. На протяжении всего посткоммунистического периода политические лидеры различных идеологических ориентаций были едины в убеждении, что демократия и права личности являются основными ценностями; однако со временем либералы и левые сделали разные выводы о том, какая политика будет наилучшим образом продвигать эти ценности, что, несомненно, отразилось и на судьбе политики люстрации.

Польская политика люстрации, по сравнению с рядом стран ЦВЕ, например, Чехией, Венгрией, носила запоздалый характер. В польском обществе сложилось понимание, что люстрация не является панацеей, она не задает единственно верный путь к достижению справедливости и построению демократии. Как показал дальнейший опыт, люстрация не привела к установлению стабильности в государстве и обществе и не стала гарантом стабильной демократии. Люстрация стала инструментом политической борьбы. Различные силы использовали информацию, полученную в результате люстрации, в своих личных интересах, в борьбе за власть. Происходила преднамеренная утечка информации о люстрационных делах, не были единичными и случаи фальсификации и искажения сведений, которые приводили к фабрикации ложных обвинений. Люстрация породила в обществе ненужную нестабильность, создала атмосферу непримиримости и враждебности, отвлекая внимание общества от решения насущных проблем. Польское общество столкнулось с «опасностью превращения политики

люстрации из формы расчета с прошлым в форму примирения с ним и забвения былых мерзостей, не говоря уж о своекорыстных политиканских и карьерных спекуляциях на проблеме»²⁶².

Полагаем, что если бы политика люстрации была реализована в Польше на начальном этапе переходного периода, она имела бы более позитивный эффект. К тому времени, когда политика люстрации набрала обороты, стало очевидно, что люди устали от этой темы, чтобы начать широкую общественную дискуссию о морально-политических проблемах, связанных с сотрудничеством со спецслужбами коммунистической эпохи. Можно утверждать, что запоздалая люстрация на самом деле не помогает существенно повлиять на память общественности о прошлом.

Единственным преимуществом польского закона о люстрации представляется юридическая обоснованность комплекса процедур. Если, например, политика люстрации в Чехии столкнулась с рядом проблем и создала дополнительную напряженность в обществе, то в Польше к моменту принятия соответствующего закона страсти уже улеглись, эйфория первых лет постсоциалистического периода ощущалась уже менее ярко²⁶³. Ко времени принятия польского закона о люстрации – 1996-1997 гг. – страсти переходного периода поутихли, и все основные партии взяли на себя обязательство работать в рамках верховенства закона. Относительное единодушие по этому вопросу можно объяснить тем, что до принятия закона о люстрации среди польской элиты не было четкого разделения по идеологической линии. Только к середине 90-х гг. стало ясно, что польская элита сделала выбор в пользу либеральной идеологии, становлению которой должна была способствовать политика люстрации.

²⁶² Оболонский А. В. Люстрация как институт периода транзита: плюсы и минусы // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 4. С. 94.

²⁶³ Calhoun N. The Ideological Dilemma of Lustration in Poland. P. 519.

Важнейшим элементом правосудия переходного периода выступает политика реституции, которая предусматривает компенсацию экономического ущерба, причиненного коммунистическим режимом владельцам собственности.

После краха социалистической системы большинство стран ЦВЕ приняли программы реституции с целью возвращения имущества, которое было законно или незаконно конфисковано в коммунистический период. Некоторые страны определяли период незаконных конфискаций несколько шире, чем просто коммунистический период. Программы реституции предусматривали возврат имущества напрямую. Если имущество уже было преобразовано или служило социальным целям (например, образованию, здравоохранению или местному самоуправлению), реституция заменялась финансовой компенсацией. Некоторые программы, например, как «в Венгрии, удерживали максимальный уровень финансовой компенсации на низком уровне по бюджетным соображениям. Другие программы, такие как чешская и немецкая программы, стремились увязать уровень компенсации со стоимостью экспроприированного имущества»²⁶⁴.

Во всех случаях реституция была частью более широкого процесса устранения несправедливостей, существовавших в коммунистический период. В большинстве случаев рассматриваемая несправедливость заключалась в нарушении личных прав материально-имущественного характера. Однако иногда реституция служила мерой для устранения несправедливостей в более широком историческом контексте. В этой перспективе речь шла об исправлении несправедливостей, вызванных искаженным распределением привилегий в обществе между политическими и этническими группами, а также реакцией властей на изменения в этническом составе некоторых регионов, как, например, в прибалтийском регионе в советский период.

В Польше можно было бы ожидать, что реституция имущества произойдет быстро, потому что такую возможность предоставляла конституция

²⁶⁴ Appel H. Anti-Communist Justice and Founding the Post-Communist Order: Lustration and Restitution in Central Europe // East European Politics and Societies. 2015. Vol. 19, N 3. P. 394.

1990 г., а процесс возврата и компенсации церковного имущества начался еще раньше до победы «Солидарности» на выборах 1989 г.²⁶⁵.

В 2001 г. польским парламентом был принят закон «О реприватизации». Принятие закона совпало по времени с правлением либерально-консервативной коалиции, а до этого все предпринимаемые попытки принятия этого закона потерпели неудачу. По содержанию закон регулировал вопросы реституции и возмещения собственности. Согласно законопроекту, «правом на возврат собственности обладали только те лица, которые были гражданами Польши на момент конфискации их владений, и, что особенно важно, являлись польскими гражданами и на конец декабря 1999 г. Если возврат имущества в физической форме был невозможен, то бывшие владельцы должны были получить ценные бумаги стоимостью в 50% рыночной цены утраченного имущества. Это последнее определение применялось не только к недвижимому имуществу, которое было утрачено в последние годы или осталось за пределами нынешних границ Польши, но и к тем случаям, когда это был особо важный объект со статусом национальных памятников, который не предполагалось возвращать прежним владельцам (их перечень был включен в текст закона)»²⁶⁶.

«Польское правительство, готовя первоначальный проект закона о реституции, определило, что общая ценность всего имущества, подвергающегося реституции, которое не может быть возвращено по разным причинам в физическом виде (разрушения, нахождение за пределами страны, уже продано государством и приватизировано), составляет 190 млрд. злотых, т. е. около 46 млрд. долларов. Предполагалось, что реально поступит около 170 тыс. заявлений, в которых будет требоваться возврат имущества, стоимостью около 95 млрд. злотых. Польский закон определил, что будет возвращаться только 50% стоимости недвижимостей, и поэтому, сумма, подлежащая

²⁶⁵ Kozminski A. K. Restitution of private property: Re-privatization in Central and Eastern Europe // Communist and Post-Communist Studies. 1997. Vol. 30, Is. 1. P. 100.

²⁶⁶ Процессы реституции собственности в Польше [Электронный ресурс]. URL : http://latkrim.sitecity.ru/lttext_0704181352.phtml?p_ident=lttext_0704181352.p_0904234339 (дата обращения: 09.11.2021).

возврату, определялась в 47,5 млрд. злотых. Далее из него вычли налог на наследство, поскольку часть собственников умерла, а получать деньги будут их наследники. Осталось 44 млрд. злотых (около 10 млрд. долл.) вместо которых государство намеревалось раздать ценные бумаги, за которые бывшие собственники могли бы получить землю, недвижимость или акции приватизированных предприятий. В фонд, из которого можно было бы получать землю и акции в обмен на ценные бумаги, предлагалось включить государственную недвижимость стоимостью в 22,9 млрд. злотых и акции приватизированных предприятий, стоимостью в 20,5 млрд. злотых. Правительство убеждало, что благодаря таким методам от реституции не пострадает бюджет государства. Исключительные затраты из бюджета на реституцию касались бы технических расходов, таких как создание специального учреждения, занимающегося приватизацией, подготовкой материалов, печатанием ценных бумаг, обслуживанием клиентов и т.п. По предварительным оценкам правительство предполагало, что реституция коснется приблизительно 15% польских семей»²⁶⁷.

Необходимо отметить неоднозначное отношение ряда политиков и общества к данному закону. У него появились как сторонники, так и противники.

С точки зрения сторонников данного закона, он восстанавливал и оберегал «священное право частной собственности». Через восстановление поправленного права частной собственности, считалось, что польское общество быстрее избавится от своего коммунистического прошлого и будут устранены предпосылки для коммунистического рванша. С этой точки зрения реституция рассматривалась как часть декоммунизации, открывающая путь для возвращения к докоммунистическому состоянию общества.

²⁶⁷ Зарецкий Т. Польша: споры о реституции // Аферы с приватизацией [Электронный ресурс]. URL : http://latkrim.sitecity.ru/lttext_0704181352.phtml?p_ident=lttext_0704181352.p_0904235140 (дата обращения: 09.11.2021).

Сторонниками этого закона, кроме моральных и нравственных доводов, были выдвинуты и прагматические соображения. Прежде всего, речь шла о непомерной финансовой нагрузке на бюджет страны. Так же выдвигали аргумент, что отсутствие этого закона породит череду судебных разбирательств бывших собственников о возмещении им понесенного ущерба, что тоже будет удовлетворяться за счет бюджета. Они также полагали, что реституция придаст импульс экономическому росту, поскольку владельцы начнут заботиться о своей собственности. Не менее важным аргументом с точки зрения необходимости такого закона его сторонники поднимали проблему имиджа и авторитета Польши на мировой арене. Они считали, что отставая от общепринятой практики реституции, которая уже осуществлялась большинством стран бывшего социалистического блока, Польша, помимо репутационных потерь, может также лишиться международной финансовой помощи. Особое беспокойство у поляков вызывала позиция американских евреев, которые могли существенно повлиять на международное положение Польши. «Сторонники исключения не имеющих польского гражданства эмигрантов, которых оказалось большинство среди приверженцев законопроекта в сейме, говорили, прежде всего, о стоимости исполнения закона и пугали тем, что в такой форме закон дает права на возврат собственности даже гражданам бывших советских республик, у которых недвижимость национализировал СССР. В таком случае Польша должна была бы компенсировать гражданам другого государства их недвижимость, национализированную этим другим государством. Явно антисемитских аргументов никто не употреблял, чаще всего говорилось, что Польше не по карману всем в мире, и особенно тем, кто покинул страну и отказался от гражданства, возвращать имущество в трудное для страны время»²⁶⁸.

²⁶⁸ Зарецкий Т. Польша: споры о реституции // Аферы с приватизацией [Электронный ресурс]. URL : http://latkrim.sitecity.ru/lttext_0704181352.phtml?p_ident=lttext_0704181352.p_0904235140 (дата обращения: 09.11.2021).

С позиции критики данного закона выступали социал-демократы, т. е. бывшие коммунисты, представители аграриев, небольших партий, например, как Союз труда, а также некоторые представители либерального крыла. Мнение оппонентов по данному закону сводилось к следующему: непомерные расходы на возмещение ущерба бывшим владельцам приведут к свертыванию социальных проектов, ухудшению уровня жизни определенных слоев населения, сокращению расходов на здравоохранение, образование и другие сферы социальной системы, которые и без того недостаточно финансируются. Помимо этого, «противники закона убедили общественность в том, что невозможно повернуть колесо истории вспять. Даже если правление коммунистов будет признано незаконным, говорили они, все равно невозможно вывернуть наизнанку всю структуру собственности страны. Вспоминались различные исторические примеры, когда после падения того или иного режима имущество, национализированное прежним правительством, не возвращалось. Например, упоминались бурбоны во Франции, которые, вернув государственную власть после падения Наполеона, не вернули национализированную в ходе революции собственность ее прежним владельцам»²⁶⁹. Кроме того, противники закона подчеркивали, что владельцы имущества были не единственной социальной группой, пострадавшей от коммунистического режима. Относительно возмещения ущерба эмигрантам оппоненты закона заявляли, что в этом нет необходимости, поскольку они достаточно благополучны и живут хорошо.

Закон о реституции был плодом компромиссов. Следует согласиться с мнением польских исследователей о том, что «если он [закон] не получился таким, у него не было бы никаких шансов быть принятым. Но именно потому, что закон был компромиссом, его многие резко критиковали. Даже многими сторонниками реституции проект рассматривался как очень плохой. Одним не нравилось, что он предлагал бывшим владельцам лишь 50% стоимости в случае

²⁶⁹ Урок Украине: Опыт реституции в Восточной Европе [Электронный ресурс]. URL : <https://www.liveinternet.ru/users/5251662/post331615374/> (дата обращения: 09.11.2021).

невозможности прямого возврата. Они полагали это просто воровством половины собственности. Другим не нравились ограничения для лиц, не имеющих польского гражданства»²⁷⁰.

Таким образом, от реституции выиграла небольшая группа бывших владельцев собственности. Экономические выгоды также были неоднозначными. Создавшаяся атмосфера, вызванная реституцией, задержала развитие инфраструктуры и негативно сказалась на инвестиционном климате. В некоторых случаях возникали трудности, когда реституция касалась больших участков земли, включая крупные национальные парки, кладбища и многочисленные дома и здания. Такие трудности приводили к откладыванию градостроительных проектов на годы, до тех пор, пока не решались имущественные споры. Польские власти не принимали программы реституции, основанные на простых политических и экономических стимулах. На первый план вышли нормативные соображения, которым определенный импульс придавали эйфория и энтузиазм переходного периода. Эти действия подпитывались широко распространенным мнением о том, что национализация собственности и нарушение прав личной собственности предыдущим коммунистическим режимом были несправедливы. Меры по реституции помогли повысить легитимность нового режима и укрепить целостность понимания соблюдения прав частной собственности. Реституция юридически отменила прошлые программы национализации и осудила принудительные методы экспроприации собственности. Позитивное содержание реституции органично выписывается в идеологию декоммунизации в более широком контексте развития рыночной экономики и становления правового государства.

В контексте правосудия переходного периода также работает такая парадигма, как изменение общественного сознания через борьбу с символами коммунистической эпохи с целью изменения памяти.

²⁷⁰ Зарецкий Т. Польша: споры о реституции // Аферы с приватизацией [Электронный ресурс]. URL : http://latkrim.sitecity.ru/lttext_0704181352.phtml?p_ident=lttext_0704181352.p_0904235140 (дата обращения: 09.11.2021).

В постсоциалистическую эпоху в Польше стала популярной идея «*polityka pamięci*» – «политика памяти», целью которой является не установление исторической правды, а использование ее для конкретной цели – создания определенного образа прошлого в общественном и индивидуальном сознании. В понимании польских идеологов посткоммунистического периода «политика памяти» – это теоретические и практические установки, направленные на формирование представлений общества о прошлом с целью оказания влияния на настоящее.

Польский социолог Лех М. Нейяковский выделяет три версии «политики памяти»: в первом смысле он определяет «политику памяти» как «совокупность сознательных и бессознательных, преднамеренных и случайных действий, направленных на консолидацию и укрепление коллективной памяти поляков»; во втором смысле – это «действия, предпринимаемые на публичном форуме намеренно, с целью укрепления или изменения коллективной памяти граждан»; и в третьем смысле – «это деятельность, имеющая публичную легитимность», что на практике означает «публичные лекции в официальных учреждениях или проводимые государственными должностными лицами, действия государственных органов», «оформление формального контента для преподавания истории в школах и т. д.»²⁷¹.

По замыслу архитекторов современной польской демократии, Институт национальной памяти (ИНП), который был создан в декабре 1998 г., также мог бы внести свой вклад в достижение целей «политики памяти». В задачи ИНП входит сбор, хранение, разработка, использование и публикация документов органов государственной безопасности, созданных и собранных в 1944-1990 гг., а также органов безопасности Третьего рейха и СССР. Уставными задачами ИНП также являются: поиск мест захоронения павших в борьбе за независимость и объединение польского государства, а также проведение научных исследований и мероприятий в области народного образования, а

²⁷¹ Nijakowski L. M. *Polska polityka pamięci : esej socjologiczny*. Warszawa : Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008. P. 43.

также увековечивание исторических событий, мест и персонажей в истории борьбы и мученичества польской народа.

«В 2016 г. в Польше был принят закон, запрещающий пропаганду коммунизма и любого другого тоталитарного строя, предполагающий, что никакие строения, дороги, улицы, мосты и другие объекты в публичном пространстве не могут носить напоминающих о коммунизме названий или символов. В середине июля 2017 г. президент А. Дуда подписал поправки к закону о запрете пропаганды коммунизма, которые предусматривают снос советских памятников на польской территории»²⁷². Запрет на использование коммунистической символики был установлен еще в 2009 г. Существовал соответствующий закон, предусматривающий штраф или лишение свободы на срок до двух лет за хранение, приобретение и распространение таких символов. Но позже, в 2011 г. Конституционный суд признал незаконным наказание за хранение и распространение символики.

Борьба польских властей с прошлым привлекает внимание к одному из важных аспектов изменений – формированию новой национальной памяти. Централизуя память о прошлом с помощью ИНП, закона о декоммунизации и других инструментов, власть ограничивает возможность формирования локальной памяти на основе местного / регионального опыта, поэтому все различия постепенно исчезают, а история современной Польши воспринимается только через призму антикоммунизма, который можно назвать новым авторитаризмом. Такая политика в значительной степени нарушает право на индивидуальную и коллективную память, демонстрируя полное непонимание того, что такое память. Общепольская централизованная память еще больше укрепляется за счет ограничения самоуправления и, следовательно, местных общин, возможности формирования видения прошлого на основе суверенного и осознанного решения граждан.

²⁷² Мелешкина Е. Ю. Запрещение коммунистической символики в посткоммунистических странах // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2019. Т. 9, № 4(40). С. 37.

Таким образом, правосудие переходного периода, несмотря на провозглашаемые им позитивные цели, не в состоянии решить проблемы, связанные со структурным насилием. «Будучи сконцентрированными на частных проблемах прошлого, оно скорее направлено на умиротворение и закрепление в постконфликтных обществах статуса-кво, вписывающегося в строгие рамки глобального неолиберального порядка. В то же время столь необходимая реконфигурация концепции и практик правосудия переходного периода вокруг идеи социально-экономической справедливости, о чем говорят некоторые исследователи, работающие в рамках конвенциональной парадигмы, представляется проблематичной, поскольку предполагает включение дистрибутивных механизмов и других практик, чуждых неолиберальному капитализму. Как следствие, правосудие переходного периода не является надежным способом достижения социальной гармонии в постконфликтных обществах, которые дестабилизированы скрытыми и открытыми противоречиями. Созданная им модель социальной гармонии – очень хрупкая конструкция, построенная вокруг негативного образа прошлого и основанная на рентном принципе распределения благ и привилегий бенефициарами нового режима»²⁷³.

Итак, в качестве некоторых итогов раздела отметим, что правосудие переходного периода охватывает ряд мер, направленных на преодоление последствий нарушений прав человека в различных сферах и других исторических несправедливостей. В частности мы считаем, что:

– правосудие переходного периода имеет значение при рассмотрении прошлого с целью устранения причиненных действовавшим режимом несправедливостей в политической, экономической, правовой, культурной сферах;

²⁷³ Вахрушева Е. А. Правосудие переходного периода как концепт и практика: политологический анализ // Антиномии: науч. ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. 2020. Т. 20, Вып. 4. С. 81.

– правосудие переходного периода следует интерпретировать как социально-политическую категорию, а не как правовую категорию в строгом смысле ее понимания;

– прошлый опыт государственного строительства и социокультурные особенности общества влияют на отношение к правосудию переходного периода, а также на его результаты;

– правосудие переходного периода должно предусматривать дифференцированный подход к различным категориям пострадавших от прошлого режима;

– результаты правосудия переходного периода зависят от его контекста и методов осуществления;

– реализация правосудия переходного периода может иметь как позитивные, так и негативные последствия;

– примирительный характер правосудия переходного периода может иметь позитивные социальные последствия.

Вышесказанное позволяет прийти к выводу о том, что реализация политики правосудия переходного периода в Польше не привела к искоренению исторических несправедливостей, восстановлению имущественных прав пострадавших, установлению консенсуса в польском обществе относительно проводимых политических, социально-экономических, правовых преобразований.

Заключение

В современном политическом дискурсе, в научных кругах и в СМИ продолжается дискуссия на тему о пройденном Польшей пути преобразований в постсоциалистическую эпоху. Безусловно, этот путь не были линейным, и нельзя сказать, что все задачи, которые ставили перед собой польские реформаторы первой волны, были достигнуты. На сегодняшний день в Польше созданы основы новой системы общественно-политического устройства, значительно улучшилось экономическое положение населения, страна стала членом различных международных организаций и объединений.

На старте трансформационных процессов среди стран ЦВЕ Польша была в лидерах. Казалось бы, что она быстрее и качественнее построит новое общество на демократических началах. Такое предположение подтверждалось и всевозможными измерениями и оценками различных научно-исследовательских лабораторий и социологических служб. Однако на этом пути возникли проблемы, Польша столкнулась с ранее неизвестными вызовами. Межэлитная борьба, отсутствие консенсуса в обществе по поводу проводимых реформ, некоторые внешние факторы создали ряд трудностей в преобразовательной деятельности.

С середины нулевых годов XXI в. появились первые симптомы отката от процесса демократизации. В польской политике начинают появляться регрессивные тенденции, курс на мягкий авторитаризм. Первые проявления регресса в процессе демократизации совпали со вступлением Польши в Европейский Союз в 2004 г., а в 2005 г., после парламентских выборов, победившие национально-консервативная партия «Право и справедливость» (Я.

Качиньский) и либерально-консервативная «Гражданская платформа» (Д. Туск), начали оспаривать либерально-демократический путь развития Польши. Этим же партиям в 2006 г. удалось создать коалиционное правительство, которое предлагало популистские и нелиберальные решения вопросов государственной политики. В период с 2007 по 2015 г. процесс демократизации вернулся в либеральное русло, а после 2015 г. в польской политике случился консервативный правый поворот.

Либерально-демократический процесс был поставлен под сомнение политикой национально-консервативной партии «Закон и справедливость». Удар был нанесен принципу разделения властей реформами, в результате которых судебная власть в определенной степени оказалась в зависимом положении от исполнительной власти. Последующие изменения, инициированные партией «Право и справедливость», усилили контроль исполнительной власти над средствами массовой информации, ограничились свободы неправительственных организаций, способствовали созданию атмосферы нетерпимости по отношению к оппозиции и подрыву аспектов прав человека, связанных со свободой и веротерпимостью. Все эти меры оказали негативное влияние на процесс дальнейшей демократизации польского общества.

Вкратце так выглядит модернизационный путь Польши, начатый на рубеже 80-90-гг. прошлого века. В контексте задач, поставленных в данном исследовании, возникает необходимость ответить на вопрос о сущности, содержании, акторах, направлениях, механизмах, ресурсах и др. аспектах проблемы.

Казалось бы, для решения поставленных задач можно было бы ограничиться модернизационной парадигмой, обладающей широким спектром инструментов для системного анализа закономерностей социальных, экономических и политических преобразований. Обычно она выступает одновременно как научная концепция, как политическая доктрина и как политическая стратегия развития государства и общества. Но модернизация –

это все же не просто технология или определенная программа действий, необходимых для достижения поставленных целей. «Модернизация – это, прежде всего, теория, систематизирующая методологические подходы к исследованию закономерностей развития трансформирующихся обществ. Исходя из опыта модернизаций и реформ в направлении модернизации "развивающихся" обществ, данный концепт приобрел существенную содержательную трансформацию. Поэтому в поле научного дискурса произошла смена метанарратива "модернизации" на нарративы и сегодня существует не одно безальтернативное представление о модернизационном пути развития общества, а разные теории модернизации, учитывающие, в том числе, социокультурные факторы реформаторских процессов, влияющих на возможность модернизации»²⁷⁴.

С теорией политической модернизации как в теоретико-методологическом плане, так и на объектно-предметном уровне связана транзитология. Но если теория политической модернизации ориентирована в основном на проблемы развивающихся стран, поскольку центральной проблемой здесь является переход от традиционного общества к современному, то в центре внимания транзитологии находятся политические процессы в таких государствах, где уже сложились основные структуры современного общества. Тем не менее, следует отметить, что ни теория модернизации, ни выросшая из ее методологических корней транзитология, не претендуют на интерпретацию всех последствий и результатов преобразований, сосредоточив внимание лишь на определенных институциональных и процедурных параметрах определенных типов преобразований, происходящих в странах. Поэтому для изучения процессов в трансформирующихся обществах необходим иной подход, который в современной науке получил название декоммунизации, что подразумевает изучение идей, теорий и практик, составляющих содержание политического транзита, направленных на изменение политических

²⁷⁴ Сони́на Е. О. Концепт «модернизация» в политическом дискурсе современной России: проблема идеологизации : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01. Ростов-на-Дону, 2013. С. 3.

институтов, социально-политических, социально-экономических, культурных, нормативно-правовых отношений.

Политические институты современной Польши в рамках переходного периода достигли фундаментальных целей, и страна перешла от недемократического режима к демократии. Однако, как уже отмечалось выше, после 2015 г. правоконсервативные силы изменили вектор развития и произошел регресс от демократии к мягкому авторитарному режиму, который и сегодня продолжает функционировать. Отход от радикального демократического пути был воспринят польским обществом довольно равнодушно, что свидетельствует, с одной стороны, о социокультурных, экономических изменениях и трудностях, а с другой стороны, о разочарованиях, неоправданных надеждах поляков на скорое достижение высокого уровня развития, как в западных странах, с другой стороны.

Важнейшим условием трансформационных процессов является замена устаревшей социально-экономической модели новой, способной реагировать как на внутренние, так и на внешние вызовы. Парадигма политики декоммунизации для достижения этой цели предусматривает структурные преобразования в таких сферах, как развитие национальной идентичности и независимости; изменение политической системы общества и формирование демократических структур и институтов; включение государства в новый мировой политический и экономический порядок.

В этом вопросе Польша добилась ощутимых результатов. В обществе произошли позитивные изменения в понимании роли и значения рыночной экономики, ценности частной собственности, выросло новое поколение, которое существенно отличается от старшего с точки зрения развития уровня гражданской и политической культуры. Кроме того, как показывает практика, власти Польши в целом обладают волей и способностью к осуществлению реформ. Порядки коммунистического режима здесь уже не ощущаются так остро, а готовность Запада осуществлять интеграцию Польши проявляется

намного активнее. В этой связи перспективы дальнейшего развития процесса трансформации в Польше представляются благоприятными.

Еще одним важным элементом политики декоммунизации является правосудие переходного периода, которое, несмотря на провозглашаемые им позитивные цели, не способно решить проблемы правового характера, накопившиеся в социалистическую эпоху.

Как показывает польский опыт, будучи сосредоточенным на конкретных проблемах прошлого, правосудие переходного периода скорее направлено на умиротворение и укрепление статус-кво в постконфликтных обществах, которое вписывается в строгие рамки глобального неолиберального порядка. В то же время столь необходимая реконфигурация концепции и практик правосудия переходного периода вокруг идеи социально-экономической справедливости, о чем говорят некоторые исследователи, представляется проблематичной, поскольку она предполагает включение распределительных механизмов и других практик, чуждых неолиберальному капитализму. Как следствие, правосудие переходного периода не является надежным способом достижения социальной гармонии в постконфликтных обществах, которые дестабилизированы скрытыми и открытыми противоречиями. Созданная им модель социальной гармонии представляет собой очень хрупкую структуру, построенную вокруг негативного образа прошлого и основанную на рентном принципе распределения льгот и привилегий бенефициарами нового режима.

Таким образом, можно констатировать, что декоммунизация – это сложный комплексный процесс, связанный с глобальными институциональными изменениями, которые требуют особого уровня знаний и компетентности для их реализации и оценки эффективности. Еще одним важным условием успеха данного процесса является уровень готовности и вовлеченности общества в преобразовательную деятельность. Учитывая неоднородность общества, отсутствие согласия в его рядах, неконсолидированности элиты, решение такой проблемы, носящей масштабный, всеобъемлющий характер, представляется очень сложным. В

таких случаях наступает усталость и разочарование в реформах, неизбежно обостряется социальный конфликт на почве имущественного расслоения, что вынуждает власти свернуть этот процесс и заменить его более умеренной, социально, даже патерналистски ориентированной, консервативной моделью развития, которая наблюдается в современной Польше.

Можно сказать, что теоретическое осмысление политики декоммунизации в политической науке только начинается. Многомерный характер проблемы открывает новые направления для исследователей. Перспективы изучения темы, на наш взгляд, будут связаны с изучением различных сценариев трансформации политической системы, внешнего влияния на внутривнутриполитические и экономические процессы в трансформирующихся странах, возрастающей роли институтов гражданского общества, вызовов глобальным проблемам современности, а также других аспектов, характерных для политики декоммунизации.

Список литературы

1. Алмонд Г. Гражданская культура: политические установки демократии в пяти странах / Г. Алмонд, С. Верба ; [пер. с англ. Е. Генделя ; Фонд Либеральная миссия]. – М. : Мысль, 2014. – 499 с.
2. Ачкасов В. А. Россия как разрушающееся традиционное общество / В. А. Ачкасов // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 3. – С. 83–92.
3. Ачкасов В. А. Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? / В. А. Ачкасов // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 1. – С. 30–37.
4. Ашимбаев М. С. Политический транзит: от глобального к национальному измерению / М. С. Ашимбаев. – Астана : Ел-Орда, 2002. – 304 с.
5. Балобаев В. А. Трансформация политической системы в Польше / В. А. Балобаев // Власть. – 2014. – Т. 22, № 9. – С. 148–152.
6. Бальцерович Л. Социализм, капитализм, трансформация: очерки на рубеже эпох / Л. Бальцерович ; пер. с пол. Н. И. Бухарина. – М. : Наука : УРАО, 1999. – 352 с.
7. Белов С. И. Политика декоммунизации Европы и угрозы для национальной безопасности России (по материалам Парламентской Ассамблеи Совета Европы) / С. И. Белов // Информационные войны. – 2018. – № 3(47). – С. 65–71.
8. Бойцов М. История закончилась. Забудьте / М. Бойцов // Газета «Культура». – 2005. – № 31–32.

9. Васович В. Переход к демократии в посткоммунистических странах (парадоксы перехода-демократизации) / В. Васович // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 1998. – № 2. – С. 19–48.
10. Вахрушева Е. А. Правосудие переходного периода как концепт и практика: политологический анализ / Е. А. Вахрушева // Антиномии: науч. ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. – 2020. – Т. 20, Вып. 4. – С. 65–81.
11. Вежбицки А. Факторы и вызовы социальной политики / А. Вежбицки // *Studia Politologiczne*. – 2013. – Vol. 30. – С. 157–177.
12. Вшивцева М. Н. Политическое и социально-экономическое развитие на посткоммунистическом пространстве в первой половине 90-х годов: основные тенденции и перспективы / М. Н. Вшивцева, Д. А. Миронов. – Екатеринбург : Издательство ООО РИА «ФИЛАНТРОП», 2002. – 164 с.
13. Габарта А. А. Польша: 30 лет от начала социально-экономических трансформаций и 15 лет членства в ЕС / А. А. Габарта // Современная Европа. – 2019. – № 7. – С. 82–92.
14. Габарта А. А. Президентские выборы в Польше в 2020 г. / А. А. Габарта // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 4(16). – С. 23–28.
15. Гётц Р. Теории экономической трансформации / Р. Гётц // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. Т. 1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы / [ред.-сост. П. Штыков, С. Шваниц]. – СПб. : Европейский университет в Санкт Петербурге : Летний сад, 2003. – С. 89–129.
16. Гончаров П. К. Политический транзит: от концепции модернизации к парадигме транзитологии / П. К. Гончаров // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2006. – № 2. – С. 59–78.
17. Даль Р. Демократия и ее критики / Р. Даль ; [пер. с англ., под ред. М. В. Ильина]. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 576 с.

18. Дуткевич П. Асимметричная власть, ересь и посткоммунизм: несколько мыслей (перевод В. А. Гуторова) / П. Дуткевич // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2006. – Т. 2, № 4. – С. 40–49.
19. Залесны Я. Трансформация механизмов управления в Польше после 1989 года / Я. Залесны // *Studia Politologiczne*. – 2013. – Vol. 30. – С. 42–67.
20. Зарецкий Т. Польша: споры о реституции / Т. Зарецкий // Аферы с приватизацией [Электронный ресурс]. – URL: http://latkrim.sitecity.ru/ltext_0704181352.phtml?p_ident=ltext_0704181352.p_0904235140 (дата обращения: 09.011.2021).
21. Захаров А. Н. Внешнеэкономические связи Польши на современном этапе / А. Н. Захаров, А. А. Габарта // Российский внешнеэкономический вестник. – 2017. – № 6. – С. 15–24.
22. Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти / Я. Зерубавель // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сб. ст. – М. : Новое издательство, 2011. – С. 10–29.
23. Зубжицки Ж. *Polonia semper fidelis?* Национальная мифология, религия и политика в Польше / Ж. Зубжицки // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2016. – № 3(34). – С. 44–78.
24. Иванова А. А. Транзитология и ее критики о трансформации политического режима / А. А. Иванова // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2011. – Вып. 6. – С. 173–178.
25. Карл Т. Л. Пути перехода от авторитаризма к демократии в Латинской Америке, Южной и Восточной Европе / Т. Л. Карл, Ф. К. Шмиттер // Международный журнал социальных наук. – 1993. – № 3. – С. 29–45.
26. Керимов А. А. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России / А. А. Керимов ; [науч. ред. В. Н. Руденкин]. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2015. – 304 с.

27. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Особенная часть: учеб. для вузов / [И. А. Алебастрова и др. ; отв. ред. Б. А. Страшун]. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М. : Норма, 2008. – 1136 с.
28. Кувалдин С. А. Экономика Польши: конкурентные преимущества и факторы устойчивого роста / С. А. Кувалдин // *Общественные науки и современность*. – 2020. – № 6. – С. 78–89.
29. Лёзина Е. Люстрация и открытие архивов в странах Центральной и Восточной Европы / Е. Лёзина // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. – 2015. – № 2(120). – С. 48–89.
30. Липсет М. Политический человек: социальные основания политики / М. Липсет ; [пер. с англ. Е. Г. Генделя, В. П. Гайдамака, А. В. Матешук]. – М. : Мысль, 2016. – 612 с.
31. Лыкошина Л. С. Особенности формирования польского парламентаризма (обзор) / Л. С. Лыкошина // *Процессы демократизации в Восточной Европе: ожидания и реальность*. – М. : ИНИОН РАН, 2002. – С. 63–74.
32. Майорова О. Н. 25 лет трансформации в Польше: плюсы и минусы / О. Н. Майорова // *Славянский мир в третьем тысячелетии: сб. науч. тр. / ФГБУН Ин-т славяноведения РАН, Ин-т славянской культуры*. – М. : Ин-т славяноведения РАН. – 2015. – Вып. 10. Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. – С. 177–185.
33. Макаренко Б. И. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации / Б. И. Макаренко // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. – 2008. – № 3(50). – С. 105–124.
34. Матыя Р. Наш реальный капитализм / Р. Матыя [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.tygodnikpowszechny.pl/kapitalizm-nasz-realny-135524> (дата обращения: 09.11.2021).

35. Мелешкина Е. Ю. Запрещение коммунистической символики в посткоммунистических странах / Е. Ю. Мелешкина // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. – 2019. – Т. 9, № 4(40). – С. 36–45.
36. Мелешкина Е. Ю. Отвергая символику прошлого: влияние условий политического развития на принятие законов о декоммунизации / Е. Ю. Мелешкина // Политическая наука. – 2018. – № 1. – С. 148–172.
37. Мелешкина Е. Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе : монография / Е. Ю. Мелешкина ; Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – М. : [ИНИОН РАН], 2012. – 252 с.
38. Меркель В. Теории трансформации. Структура или актор, система или действие? / В. Меркель // Повороты истории: постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. Т. 1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. – СПб. ; М., 2003. – С. 56–81.
39. Михалев О. Ю. Состояние и перспективы либеральных партий в Польше / О. Ю. Михалев // Современная Европа. – 2018. – № 7. – С. 61–72.
40. Мухаметов Р. С. Декоммунизация в Восточной Европе: сущность, причины и мероприятия / Р. С. Мухаметов, О. В. Нагорных // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. – 2018. – № 2(18). – С. 201–207.
41. Оболонский А. В. Люстрация как институт периода транзита: плюсы и минусы / А. В. Оболонский // Вопросы теоретической экономики. – 2020. – № 4. – С. 87–101.
42. Официальный сайт The World Bank [Электронный ресурс]. – URL : <https://data.worldbank.org/indicator/> (дата обращения: 09.11.2021).
43. Официальный сайт UNCTAD [Электронный ресурс]. – URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> / (дата обращения 05.05.2021).
44. Оффе К. Дилемма одновременности: демократизация и рыночная экономика в Восточной Европе / К. Оффе // Повороты истории: постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2-х

т. Т. 2. Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе / [ред.-сост.: П. Штыков, С. Шваниц; науч. ред. В. Гельман]. – М. ; СПб. : Летний сад, 2003. – С. 6–22.

45. Паин Э. Общество без традиций перед вызовами современности / Э. Паин // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т. 6, № 3. – С. 8–26.

46. Пантин В. И. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы / В. И. Пантин, В. В. Лапкин [Электронный ресурс]. – URL : <http://ss.xsp.ru/st/003/> (дата обращения 09.11.2021).

47. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; [пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалевой]. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

48. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм ; [пер. с англ. А. Захарова]. – М. : Ad Marginem, 1996. – 287 с.

49. Працко Г. С. Политические транзиты и трансформации / Г. С. Працко, В. Ю. Шпак // Философия права. – 2013. – № 5(60). – С. 69–72.

50. Процессы реституции собственности в Польше [Электронный ресурс]. – URL : http://latkrim.sitecity.ru/ltext_0704181352.phtml?p_ident=ltext_0704181352.p_0904234339 (дата обращения: 09.11.2021).

51. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / А. Пшеворский ; пер. с англ., под ред. В. А. Бажанова. – М. : РОССПЭН, 2000. – 320 с.

52. Растоу Д. А. Переходы к демократии: попытка динамической модели / Д. А. Растоу // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 5–16.

53. Репина Л. П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2016. – № 54. – С. 9–15.

54. Рукавишников В. О. Политическая культура и демократизация в посткоммунистических странах / В. О. Рукавишников // Политический анализ : Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. По

материалам проблемного семинара «Гражданская культура и формирование демократических институтов» в рамках II Российского общественно-научного Форума «Формирование гражданского общества в России» 21-23 февраля 2002 г. / под ред. Г. П. Артёмова.– СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. – Вып. 3. – С. 4–17.

55. Русакова О. Ф. Агональный дискурс современной политики памяти / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков // Дискурс-Пи. – 2015. – № 1(18). – С. 10–19.

56. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. В. Саид ; [пер. А. Говорунова]. – СПб. : Русский мир, 2006. – 640 с.

57. Сеницина И. С. Польша: крутой поворот / И. С. Сеницина, Н. А. Чудакова // Мир перемен. – 2016. – № 3. – С. 126–141.

58. Сеницина И. С. Польша: Новая экономическая политика / И. С. Сеницина, Н. А. Чудакова // Актуальные проблемы Европы. – 2019. – № 3. – С. 141–168.

59. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория. Политические технологии : учеб. для студентов высш. учеб. заведений / А. И. Соловьев. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 559 с.

60. Соловьев А. И. Российские трансформации: проблемы, измерения, диагностики, прогнозирования / А. И. Соловьев // Россия в условиях трансформации: историко-политологический семинар. – 2002. – Вып. 17. – С. 54–64.

61. Сони́на Е. О. Концепт «модернизация» в политическом дискурсе современной России: проблема идеологизации : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Сони́на Екатерина Олеговна. – Ростов-на-Дону, 2013. – 23 с.

62. Станишевски Р. Структура и векторы перемен экономической политики / Р. Станишевски // *Studia Politologiczne*. – 2013. – Vol. 30. – С. 178–201.

63. Стоянович С. Посткоммунизм: противоречия между демократией и капитализмом / С. Стоянович // *Полис. Политические исследования*. – 1996. – № 1. – С. 50–54.

64. Тарасов И. Идеологическое переупустье Центрально-Восточной Европы / И. Тарасов // Перспективы. Фонд исторической перспективы [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35964> (дата обращения: 09.11.2021).
65. Тилли Ч. Демократия / Ч. Тилли ; [пер. с англ. Т. Б. Менская]. – М. : Институт общественного проектирования, 2007. – 263 с.
66. Урок Украине: Опыт реституции в Восточной Европе : [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.liveinternet.ru/users/5251662/post331615374/> (дата обращения: 09.11.2021).
67. Филипович С. Догматы и опыт. Несколько замечаний о характере польской демократии / С. Филипович // *Studia Politologiczne*. – 2013. – Vol. 30. – С. 11–25.
68. Фукуяма Ф. Конфуцианство и демократия / Ф. Фукуяма // ПолитНаука. – политология в России и в мире [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama2.php> (дата обращения: 09.11.2021).
69. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон ; [пер. с англ. В. Р. Рокитянского]. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
70. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; [пер. с англ. Т. Велимеева ; под общ. ред. К. Королева, Е. Кривцовой]. – М. : Мидгард : АСТ, 2006. – 576 с.
71. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон ; [пер. с англ. Л. Ю. Пантшой]. – М. : РОССПЭН, 2003. – 368 с.
72. Харламов С. Месть или чистка рядов: как люстрировали чиновников в Польше, Германии и Чехии / С. Харламов // ruposters.ru [Электронный ресурс]. – URL : <https://ruposters.ru/news/18-07-2019/lustracii-polshe-germanii-chehii> (дата обращения: 15.11.2021).

73. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма / Л. Харрисон ; [пер. с англ. Ю. Кузнецов]. – М. : Мысль, 2016. – 288 с.
74. Штыков П. Исследования трансформационных процессов в Восточной Германии и Восточной Европе: достижения, проблемы и перспективы немецких социальных наук (1992-2002 годы) / П. Штыков // Повороты истории: постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. Т. 1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. – СПб. ; М., 2003. – С. 10–39.
75. Эйзенштадт С. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / С. Эйзенштадт ; [пер. с англ. А. В. Гордон]. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
76. Яжборовская И. С. Политологические подходы к проблематике трансформации общественного устройства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / И. С. Яжборовская // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: Взгляд через десятилетие. – М. : Наука, 2001. С. 192–202.
77. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н. Е. Яценко. – СПб. : Лань, 1999. – 524 с.
78. Almond G. A. Communism and Political Culture Theory / G. A. Almond // Comparative Politics. – 1983. – Vol. 15, N 2. – P. 127–138.
79. Antoszewski A. Instytucje władzy ustawodawczej I wykonawczej. / A. Antoszewski // Polityka w Polsce w latach 90: Wybrane problemy. – Wrocław, 1999. – P. 95–114.
80. Appel H. Anti-Communist Justice and Founding the Post-Communist Order: Lustration and Restitution in Central Europe / H. Appel // East European Politics and Societies. – 2015. – Vol. 19, N 3. – P. 379–405.
81. Arenhövel M. Democratization and Transitional Justice / M. Arenhövel // Democratization. – 2008. – Vol. 15, Is. 3. – P. 570–587.

82. Arthur P. How «Transitions» Reshaped Human Rights: A Conceptual History of Transitional Justice / P. Arthur // *Human Rights Quarterly*. – 2009. – Vol. 31, N 2. – P. 321–367.
83. Assmann J. Collective Memory and Cultural Identity / J. Assmann, J. Czaplicka // *New German Critique*. – 1995. – N 65. – P. 125–133.
84. Baer-Nawrocka A. Wpływ Wspólnej Polityki Rolnej na efekty dochodowe w rolnictwie nowych krajów członkowskich Unii Europejskiej / A. Baer-Nawrocka // *Zeszyty Naukowe Szkoły Głównej Gospodarstwa Wiejskiego w Warszawie, Polityki Europejskie, Finanse i Marketing*. – 2013. – N 9(58). – P. 34–44.
85. Bałdys P. Society under Construction: Opportunities and Risks / Bałdys // *Society under construction - opportunities risks*. – Bielsko-Biała: Wydawnictwo Naukowe. Akademii Techniczno-Humanistycznej, 2015. – 207 p.
86. Barański M. Samorząd terytorialny w Rzeczypospolitej Polskiej / M. Barański, S. Kubas // *Samorząd terytorialny w Europie Środkowej i Wschodniej* / pod red. M. Barańskiego. – Toruń ; Katowice : Uniwersytet Śląski w Katowicach, 2009. – P. 160–210.
87. Becker M. B. The Emergence of Civil Society in the Eighteenth Century: A Privileged Moment in the History of England, Scotland and France / M. B. Becker. – Bloomington : Indiana University Press, 1994. – 164 p.
88. Białous M. Na karuzeli krzywd. Historyczne źródła podziałów społeczno-politycznych w Polsce / M. Białous, I. Sadowski // *Studia Politologiczne*. – 2013. – Vol. 29. – P. 79–111.
89. Bojarowicz T. Partie i ugrupowania prawicowe w Polsce po 1989 roku / T. Bojarowicz. – Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2013. – 402 p.
90. Brahm H. Parteien in Osteuropa als Träger der Demokratisierung / H. Brahm // *Aufbruch im Osten Europas: Chancen für Demokratie und Marktwirtschaft nach dem Zerfall des Kommunismus*. – Muenchen ; Wien : Hanser, 1993.
91. Brubaker R. Nationalizing states in old ‘New Europe’ - and the new / R. Brubaker // *Ethnic and Racial Studies*. – 1996. – Vol. 19, N 2. – P. 411–437.

92. Brzeziński Z. Bezład. Polityka światowa na progu XXI wieku / Z. Brzeziński ; przekł. K. Murawski. – Warszawa : Editions Spotkania, 1994. – 205 p.
93. Calhoun N. The Ideological Dilemma of Lustration in Poland / N. Calhoun // East European Politics and Societies and Cultures. – 2020. – Vol. 16, Is. 2. – P. 494–520.
94. Chruściak R. Najnowsze propozycje zmian w Konstytucji RP. / R. Chruściak // Studia Iuridica Lublinensia. – 2014. – N 22. – P. 431–446.
95. Chruściak R. Prace konstytucyjne w latach 2008–2011 / R. Chruściak. – Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 2013. – 590 p.
96. Chrusciak R. Przygotowanie Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. – przebieg prac parlamentarnych / R. Chrusciak [Electronic resource]. – URL : <https://archive.org/details/KonstytucjaPL> (дата обращения: 12.11.2021).
97. Comisso E. Property Rights, Liberalism, and the Transition from “Actually Existing” Socialism / E. Comisso // East European Politics and Societies and Cultures. – 1990. – Vol. 5, Is. 1. – P. 162–188.
98. Crocker D. Reckoning with Past Wrongs: A Normative Framework. / D. Crocker [Electronic resource]. – URL : <https://www.grace.umd.edu/~dcrocker/Courses/Docs/Reckoning%20with%20past%20wrongs.pdf> (дата обращения: 12.11.2021).
99. Czarnota A. Lustration, Decommunisation and the Rule of Law / A. Czarnota // Hague Journal on the Rule of Law. – 2009. – Vol. 1, Is. 2. – P. 307–336.
100. Czarnota A. Radykalne zło a prawo, czyli jak mierzyć się z trudną przeszłością? : przewodnik po literaturze / A. Czarnota // Ius et Lex. – 2003. – N 1. – P. 349–363.
101. Dąbrowski F. Transformacion Del Sistemapolitico (1988–1991) / F. Dąbrowski // Memoria de Naciones: Guia de Transicion Democratica. La Experiencia de Polonia [Electronic resource]. – URL : [https://www.academia.edu/41216534/TRANSFORMACION%20DEL_SISTEMA](https://www.academia.edu/41216534/TRANSFORMACION_DEL_SISTEMA)

[POL%С3%8DTICO 1988 1991 DESMANTELAMIENTO DEL APARATO DE SEGURIDAD ESTATAL 1989 1991 ARCHIVOS DEL R%С3%89GIMEN 1989 2017](#) (дата обращения: 12.11.2021).

102. David R. Transitional Justice and Changing Memories of the Past in Central Europe / R. David // Government and Opposition. – 2015. – Vol. 50, Is. 1. – P. 24–44.

103. David R. What We Know About Transitional Justice: Survey and Experimental Evidence / R. David // Political Psychology. – 2017. – Vol. 38, Is. S1. Advances in Political Psychology. – P. 151–177.

104. Davies N. God’s Playground: A History of Poland (2 Volume Set). Vol. 1: The Origins to 1795. Vol. 2: 1795 to the Present. – New York : Columbia University Press, 1982. – 1330 p.

105. Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950-1990 / A. Przeworski and [a.o.]. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000 [Electronic resource]. – URL : <http://books.google.co.uk/books?id=8uocGV0fptMC> (дата обращения: 15.11.2021).

106. Dudek A. Historia polityczna polski, 1989-2005 / A. Dudek. – Kraków : Arcana, 2007. – 536 p.

107. Elster J. Closing the Books: Transitional Justice in Historical Perspective / J. Elster. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 312 p.

108. Ganev V. I. Dysfunctional Sinews of Power. Problems of Bureaucracy-Building on the Postcommunist Balkans (paper presented at the Conference on “Civil Society, Political Society and the State: A Fresh Look at the Problems of Governance in the Balkan Region,” Split, Croatia, November 23–24, 2001) / V. I. Ganev [Electronic resource]. – URL : http://web.ceu.hu/cps/bluebird/pap/split_ganev.pdf (дата обращения: 12.11.2021).

109. Ganev V. I. Preying on the State: The Transformation of Bulgaria after 1989 / V. I. Ganev. – New York : Cornell University Press, 2007. – 240 p.

110. Garrett S. A. Models of Transitional Justice – A Comparative Analysis. / S. A. Garrett [Electronic resource]. – URL : <https://ciaotest.cc.columbia.edu/isa/gas02/> (дата обращения: 12.11.2021).

111. Glajcar R. Democratisation in Poland in the Light of Quantitative Analysis Based on Selected Indices of the Years 2006–2016 / R. Glajcar, S. Kubas // Democratisation Processes in Poland and Slovenia: Comparative Study / ed. by A. Turska-Kawa, M. Haček. – Maribor : Institute for Local Self-Government and Public Procurement, 2016. – P. 3–21.

112. Glajcar R. System partyjny III Rzeczypospolitej / R. Glajcar // Współczesne partie i systemy partyjne państw Grupy Wyszehradzkiej w procesie demokratyzacji / M. Barański [a.o.]. – Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2018. – P. 51–82.

113. Góra M. The Polish Elites' Struggle for Recognition of the Experience of Communism in the European Union / M. Góra, Z. Mach // The Twentieth Century in European Memory. Transcultural Mediation and Reception / ed. by B. Törnquist-Plewa, T. S. Andersen. – Leiden-Boston : Brill, 2017. – P. 56–82.

114. Gowan P. Neo-liberal theory and practice for Eastern Europe / P. Gowan // New Left Review. – 1995. – N 1(213) – P. 3–60.

115. Grzelak P. Wojna o lustracje / P. Grzelak. – Warsaw : Trio, 2005. – 250 p.

116. Guatemala, Memory of Silence, Tz'inil na 'tab'al Report of the Commission for Historical Clarification, conclusions and recommendations // The American Association for the Advancement of Science, 1999 [Electronic resource]. – URL : <http://shr.aaas.org/guatemala/ceh/ report/english/toc.html> (дата обращения: 22.05.2021).

117. Hamber B. Transforming Societies after Political Violence. Truth, Reconciliation, and Mental Health / B. Hamber [Electronic Resource]. – New York : Springer, 2009. – 249 p. – URL : <https://link.springer.com/book/10.1007/978-0-387-89427-0> (дата обращения: 12.11.2021).

118. Hesse J. J. From Transformation to Modernization: Administrative Change in Central and Eastern Europe / J. J. Hesse // Administrative Transformation in

Central and Eastern Europe: Towards Public Sector Reform in Post-Communist Societies / ed. by J. J. Hesse. – Oxford : Blackwell, 1993. – P. 219–258.

119. Hesse J. J. Introduction / J. J. Hesse // Administrative Transformation in Central and Eastern Europe: Towards Public Sector Reform in Post-Communist Societies / ed. by J. J. Hesse. – Oxford : Blackwell, 1993. – P. I–VIII.

120. Horne S. M. The Timing of Transitional Justice Measures / S. M. Horne // Post-Communist Transitional Justice. Lessons from Twenty-Five Years of Experience / ed. by L. Stan and N. Nedelsky. – Cambridge : Cambridge University Press, 2015. – P. 123–147.

121. Inkeles A. Exploring Individual Modernity / A. Inkeles ; with contributions by D. H. Smith [a.o.]. – New York : Columbia University Press, 2010. – 448 p.

122. Janion M. Niesamowita Słowiańszczyzna: fantazmaty literatury / M. Janion. – Kraków : Wydawnictwo Literackie, 2007. – 360 p.

123. Jaskiernia J. Parlamentaryzm III RP: Aksjologia konstytucyjna – dylematy praktyki ustrojowej / J. Jaskiernia // Parlamentarny system rządów. Teoria i praktyka / ed. by T. Mołdawa, J. Szymanek, M. Mistygacz. – Warszawa, 2012. – P. 97–121.

124. Jaskiernia J. Społeczna percepcja Konstytucji RP z 1997 roku / J. Jaskiernia // Przegląd Sejmowy. – 2017. – N 5(142). – P. 69-96.

125. Justice-Sensitive SSR. International Center for Transitional Justice, 2008 [Electronic resource]. – URL : <http://www.ictj.org/en/tj/783.html> (data обращения: 22.05.2021).

126. Kleer J. Drogi do gospodarki rynkowej. Na marginesie doświadczeń transformacyjnych w Niemczech Wschodnich, Polsce i Rosji / J. Kleer. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2003. – 222 p.

127. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Projekt Prawa i Sprawiedliwości, 2005 [Electronic resource]. – URL : https://web.archive.org/web/20050421212615/http://www.pis.org.pl/dokumenty/projekt_konstytucji.pdf (12.11.2021).

128. Körösényi A. Revival of the Past or New Beginning? The Nature of Post-Communist Politics / A. Körösényi // *The Political Quarterly*. – 1991. – Vol. 62, Is. 1. – P. 52–74.
129. Koziello T. Myśl polityczna Ligi Polskich Rodzin (2001–2009). Narodowa wizja państwa, społeczeństwa i polityki / T. Koziello. – Rzeszów : Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2017. – 504 p.
130. Kozminski A. K. Restitution of private property: Re-privatization in Central and Eastern Europe / A. K. Kozminski // *Communist and Post-Communist Studies*. – 1997. – Vol. 30, Is. 1. – P. 95–106.
131. Krasnodębski Z. Demokracja peryferii / Z. Krasnodębski. – Gdańsk: Słowo/Obraz Terytoria, 2003. – 349 p.
132. Krasnodębski Z. O genezie III Rzeczypospolitej raz jeszcze / Z. Krasnodębski // *Ius et Lex*. – 2003. – N 1. – P. 295–311.
133. Kruk M. Funkcja kontrolna Sejmu RP / M. Kruk. – Warszawa : Wydawnictwem Sejmowym, 2008. – 135 p.
134. Kruk M. Parlament w dobie transformacji / M. Kruk // *Transformacja ustrojowa w Polsce 1989–2009* / ed. by M. Kruk, J. Wawrzyniak. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2011. – P. 59 – 80.
135. Kruk M. Propozycje zmian Konstytucji RP z 1997 r. Próba klasyfikacji / M. Kruk // *Problemy zmiany konstytucji* / R. Chruściak (ed.) [a.o.]. – Warszawa : Wydawnictwem Sejmowym, 2017. – P. 55–105.
136. Książopolski M. Polityka społeczna. Wybrane problemy porównań międzynarodowych / M. Książopolski. – Katowice : Wydawnictwo Śląsk, 1999. – 291 p.
137. Kubas S. The trajectory of the process of democratization in Poland in the light of theory, political praxis and external evaluation: 1989–2019 / S. Kubas // *Studia Politologiczne*. – 2020. – Vol. 57. – P. 9–29.
138. Legg S. Reviewing Geographies of Memory/Forgetting / S. Legg // *Environment and Planning A: Economy and Space*. – 2007. – Vol. 39, Is. 2. – P. 456–466.

139. Lelen T. Transformation Uncompleted (Transformation of the Polish Middle Class: From Dynamic Origin to Political Burden) / T. Lelen // *Studia Polityczne*. – 2005. – N 17. – P. 43–75.

140. Levi M. J. Modernization and the Structure of Societies: A Setting for International Affairs. Vol. 1–2. / M. J. Levi. – Princeton : Princeton University Press, 1966. – 855 p.

141. Ley D. Epilogue / D. Ley, J. Duncan // *Place/Culture/Representation* / ed. by J. Duncan, D. Ley. – London ; New York, 1993. – P. 329–334.

142. Linz J. J. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe / J. J. Linz, A. Stepan. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1996. – 478 p.

143. Łoś M. Lustration and Truth Claims: Unfinished Revolutions in Central Europe / M. Łoś // *Law and Social Inquiry*. – 1995. – Vol. 20, Is. 1. – P. 117–161.

144. Łoś M. Privatizing the Police-State. The Case of Poland / M. Łoś, A. Zybortowicz. – London : Palgrave Macmillan, 2000. – 270 p.

145. Łossowski P. Dyplomacja polska, 1918-1939 / P. Łossowski. – Warszawa: Wydawnicza ASPRA-JR, 2001. – 477 p.

146. Margarrell L. Reparations in Theory and Practice / L. Margarrell [Electronic resource]. – URL : <https://www.ictj.org/sites/default/files/ICTJ-Global-Reparations-Practice-2007-English.pdf> (data обращения: 13.11.2021).

147. Marody M. Trzy Polski – instytucjonalny kontekst strategii dostosowawczych / M. Marody // *Wymiary życia społecznego. Polska na przełomie XX i XXI wieku* / ed. by. M. Marody. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2002. – P. 252–271.

148. Mazowieckiego Tadeusza speech / T. Mazowieckiego // “Sprawozdanie stenograficzne z 7. posiedzenia Sejmu Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej w dn. 12 września 1989 r.”. – Warszawa, 1989. – P. 84–86.

149. Mazurek K. Potrafisz Polsko czy @ Polska OdNowa? Magdalena Ogórek i Paweł Kukiz – prezydenci z Twittera // *Oblicza kampanii wyborczych 2015 roku* /

ed. by M. Kułakowska, P. Borowiec, P. Ścigaj P. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2016. – 573 p.

150. Memory, Memorials and Museums. International Center for Transitional Justice [Electronic resource]. – URL : <https://www.ictj.org/en/tj/785.html> (дата обращения: 22.05.2021).

151. Měšťánková P. Transition to Democracy in Central Europe / P. Měšťánková, O. Filipes. – Olomouc : Iuridicium Olomoucense Palacký University, 2019. – 215 p.

152. Moore B. Soziale Ursprünge von Diktatur und Demokratie: Die Rolle der Grundbesitzer und Bauern bei der Entstehung der modernen Welt / B. Moore. – Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1969. – 634 p.

153. Morawiecki: Wobec rządów PO-PSL trzykrotnie zwiększyliśmy wydatki społeczne [Electronic resource]. – URL : <https://www.wnp.pl/finanse/morawiecki-wobec-rzadow-po-psl-trzykrotnie-zwiekszyliśmy-wydatki-społeczne,308834.html> (дата обращения: 14.11.2021).

154. My Neighbor, My Enemy: Justice and Community in the Aftermath of Mass Atrocity / ed. by E. Stover and H. M. Weinstein. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 372 p.

155. Nijakowski L. M. Polska polityka pamięci : esej socjologiczny / L. M. Nijakowski. – Warszawa : Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008. – 288 p.

156. Nowakowski M. 15 lat w Unii Europejskiej. Olsztynianie podsumowują / M. Nowakowski, T. Kurs // Gazeta Wyborcza, 01.05.2019 [Electronic Resource]. – URL : <https://olsztyn.wyborcza.pl/olsztyn/7,48726,24741552,15-lat-w-unii-europejskiejolsztynianie-podsumowuja.html> (дата обращения: 14.11.2021).

157. Ochman E. Soviet war memorials and the re-construction of national and local identities in post-communist Poland / E. Ochman // Nationalities Papers. – 2010. – Vol. 38, Is. 4. – P. 509–530.

158. O'Donnell G. Transitions from Authoritarian Rule. Vol. 4. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies / G. O'Donnell, P. C. Schmitter, L. Whitehead. – Baltimore/London : Johns Hopkins University Press, 1986. – 96 p.

159. Orentlicher D. 'Settling Accounts' Revisited: Reconciling Global Norms with Local Agency / D. Orentlicher // *The International Journal of Transitional Justice*. – 2007. – Vol. 1, N 1. – P. 10–22.
160. Ost D. Klęska «Solidarności». Gniew i polityka w postkomunistycznej Europie / D. Ost. – Warszawa : Warszawskie Wydawnictwo Literackie MUZA SA, 2007. – 425 p.
161. Paczocha J. Partia w państwie. Bezprecedensowa wymiana kadr w administracji rządowej i jej legislacyjne podstawy: raport / J. Paczocha // *Forum Obywatelskiego Rozwoju (FOR)*. – Warszawa, 2018. – 76 p.
162. Państwowa Komisja Wyborcza [Electronic resource]. – URL : <https://parlament2015.pkw.gov.pl/> (дата обращения: 17.11.2021).
163. Perelli C. Settling Accounts with Blood Memory: The Case of Argentina / C. Perelli // *Social Research*. – 1992. – Vol. 59, N 2. – P. 415–451.
164. Pérez-Díaz V. M. The Return of Civil Society. The Emergence of Democratic Spain / V. M. Pérez-Díaz. – London : Harvard University Press, 1993. – 357 p.
165. PO 4 razy „tak” (aktl.) [Electronic resource]. – URL : <https://www.wprost.pl/kraj/66636/PO-4-razy-tak-aktl.html> (дата обращения: 17.11.2021).
166. Poczykowski R. Lokalny wymiar pamięci. Pamięć zbiorowa i jej przemiany w północno-wschodniej Polsce / R. Poczykowski. – Białystok : Uniwersytet w Białymstoku, 2013. – 280 p.
167. Prosecutions. International Center for Transitional Justice, 2008 [Electronic resource]. – URL : <http://ictj.org/en/tj/781.html> (дата обращения: 22.05.2021)
168. Przeworski A. Capitalism and Social Democracy / A. Przeworski. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 269 p.
169. Putnam R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community / R. D. Putnam. – New York : Simon & Schuster, 2000. – 544 p.

170. Pye L. W. Political Science and the Crisis of Authoritarianism / L. W. Pye // *American Political Science Review*. – 1990. – Vol. 84, Is. 1. – P. 3–19.

171. Report of the Secretary-General on the rule of law and transitional justice in conflict and post-conflict societies (S/2004/616) United Nations Security Council [Electronic resource]. – URL : <http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=S/2004/616&Lang=E&Area=UNDOC> (дата обращения: 22.05.2021).

172. Resolution of the Parliamentary Assembly of Council of Europe no. 1096 of 27 June 1996 // Measures to dismantle the heritage of former communist totalitarian systems [Electronic resource]. – URL : <http://assembly.coe.int/nw/xml/xref/x2h-xrefviewhtml.asp?fileid=7506&lang=> (дата обращения: 17.11.2021).

173. Rozwadowska A. Po co nam krytyka Balcerowicza? Żeby się nie cofać / A. Rozwadowska // *Gazeta Wyborcza*, 03.01.2020 [Electronic resource]. – URL : <https://wyborcza.pl/7,155287,25564607,po-co-nam-krytyka-balcerowicza-zeby-sierozwijac.html> (дата обращения: 17.11.2021).

174. Rüb F. W. Die Herausbildung politischer Institutionen in Demokratisierungsprozessen / F. W. Rüb // *Systemwechsel 1. Theorien, Ansätze und Konzepte der Transitionsforschung* / ed. by W. Merkel. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1996. – P. 111–137.

175. Rueschemeyer D. Capitalist Development and Democracy / D. Rueschemeyer, E. H. Stephens, J. D. Stephens. – Chicago : University of Chicago Press, 1992. – 387 p.

176. Rupnik J. Is East-Central Europe Backsliding? From Democracy Fatigue to Populist Backlash / J. Rupnik // *Journal of Democracy*. – 2007. – Vol. 18, N 4. – P. 17–25.

177. Rychard A. Postkomunizm: Instytucjonalny ład czy chaos? / A. Rychard // *Współczesne społeczeństwo polskie: dynamika zmian*. – Warszawa, 2006. – P. 467–487.

178. Sadurski W. Rights Before Courts. A Study of Constitutional Courts in Postcommunist States of Central and Eastern Europe / W. Sadurski. – Springer, 2014. – 455 p.
179. Sawicki W. Regina Poloniae: Akt z 1 IV 1656 roku w świetle prawaustrojowego państwa polskiego Kiejgo / W. Sawicki. – Lublin : Wydawnictwo Naukowe Kulu, 1973. – 479 p.
180. Słomka T. Prezydent Rzeczypospolitej po 1989 roku: ujęcie porównawcze / T. Słomka. – Warszawa : Aspra-JR, 2005. – 308 p.
181. Society under Construction – opportunities and Risks / ed. by P. Bałdys, K. Piątek. – Bielsko-Biała : Wydawnictwo Naukowe. Akademii Techniczno-Humanistycznej, 2015. – 207 p.
182. Śpiewak P. Pamięć po komunizmie / P. Śpiewak. – Gdansk : Slowo/Obraz/Terytoria, 2005. – 272 p.
183. Stan L. The Politics of Memory in Poland: Lustration, File Access and Court Proceedings / L. Stan [Electronic resource]. – URL : <https://people.stfx.ca/cpcs/studies-in-post-communism/Stan2006.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).
184. Stan L. Transitional Justice in Eastern Europe and the former Soviet Union: reckoning with the Communist past / L. Stan. – London : Routledge, 2009. – 307 p.
185. Staniszkis J. “Political Capitalism” in Poland / J. Staniszkis // East European Politics and Societies and Cultures. – 1990. – Vol. 5, Is. 1. – P. 127–141.
186. Staniszkis J. Władza globalizacji / J. Staniszkis. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2003. – 208 p.
187. Szacki J. Liberalizm po komunizmie / J. Szacki. – Kraków : Społeczny Instytut Wydawniczy Znak, 1994. – 264 p.
188. Szczepański D. Constitutional amendments in Poland between 1997–2019 / D. Szczepański // Studia Politologiczne. – 2020. – Vol. 58. – P. 96–111.

189. Szczerbiak A. Dealing with the Communist Past or the Politics of the Present? Lustration in Post-Communist Poland / A. Szczerbiak // *Europe-Asia Studies*. – 2002. – Vol. 54, Is. 4. – P. 553–572.
190. Szmyt A. Projekt ustawy o zmianie konstytucji RP w zakresie ochrony lasów państwowych / A. Szmyt [Electronic resource]. – URL : <http://niezniknelo.pl/OK2//debaty/projekt-ustawy-o-zmianie-konstytucji-rp-w-zakresie-ochrony-lasow-panstwowych/8/index.html> (дата обращения: 15.11.2021).
191. Szostkiewicz A. ‘The Time for De-communization Has Past’ / A. Szostkiewicz // *The Warsaw Voice*, 28 June 1998.
192. Szymanek J. Elementy racjonalizacji w konstrukcji parlamentarnego systemu rządów: analiza rozwiązań zawartych w Konstytucji RP / J. Szymanek // *Parlamentarny system rządów. Teoria i praktyka* / ed. by T. Mołdawa, J. Szymanek, M. Mistygacz. – Warszawa, 2012. – P. 150.
193. Tazbir J. Polskie Przedmurze chrześcijańskiej Europy. Mity a rzeczywistość historyczna (El baluarte polaco de la Europa cristiana. Los mitos y la realidad histórica) / J. Tazbir. – Varsovia : Interpress, 1987. – 157 p.
194. Tazbir J. The Polonization of Christianity in the Sixteenth and Seventeenth Centuries / J. Tazbir // *Studies in Church History Subsidia*. – 1990. – Vol. 6. Faith and Identity: Christian Political Experience. – P. 117–135.
195. Teitel R. G. Transitional Justice Genealogy / R. G. Teitel // *Harvard Human Rights Journal*. – 2003. – Vol. 16. – [Electronic resource]. – URL : <https://www.qub.ac.uk/Research/GRI/mitchell-institute/FileStore/Filetoupload,757186,en.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).
196. The Influence of the European Union’s Common Agricultural Policy on the Socio-Economic Sustainability of Farms (the Case of Poland) / K. Smędzik-Ambroży [a.o.] // *Sustainability*. – 2019. – Vol. 11, Is. 24. – P. 7173.
197. The Newsletter about Reforming Economies // *The World Bank*. – 1993. – Vol. 4, N 8.
198. Tomaszewski J. The National Question in Poland in the Twentieth Century / J. Tomaszewski // *The National Question in Europe in Historical Context* /

ed. by M. Teich and R. Porter. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – P. 293–316.

199. Tomaszewski W. Polski dorobek konstytucyjny lat 1918–2018 / W. Tomaszewski // Polska i Polacy 1918–2018. Przemiany polityczne, społeczne, ekonomiczne i kulturowe / ed. by T. Astramowicz-Leyk, Y. Turchyn, W. Tomaszewski, K. Żęgota. – Olsztyn : Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2018. – P. 116–127.

200. Tomaszewski W. Proces przygotowania i uchwalenia Konstytucji RP z 2 kwietnia 1997 roku w aspekcie doświadczeń ustrojowych oraz prac nad nową konstytucją / W. Tomaszewski. – Olsztyn : Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2018. – 187 p.

201. Törnquist-Plewa B. T. Insanity ('Obłęd') by Jerzy Krzysztoń as a record of historical consciousness and the collective psyche of the polish society in the late 1970's / B. Törnquist-Plewa // Scando-Slavica. – 1989. – Vol. 35, N 1. – P. 33–48.

202. Törnquist-Plewa B. T. The Wheel of Polish Fortune: Myths in Polish Collective Consciousness during the First Years of Solidarity / B. Törnquist-Plewa. – Sweden : Lund University, 1992. – 285 p.

203. Transitional Justice and Development: Making Connections / ed. by P. De Greiff, R. Duthie. – New York : Social Science Research Council, 2009. – 376 p.

204. Transitional Justice in Eastern Europe and the former Soviet Union. Reckoning with the communist past / ed. by L. Stan. – London ; New York : Routledge, 2009. – 307 p.

205. Tutu D. M. Reflections on Moral Accountability / D. M. Tutu // The International Journal of Transitional Justice. – 2007. – Vol. 1, N 1. – P. 6–7.

206. Ustawa z dnia 23 lutego 1991 r. o uznaniu za nieważne orzeczeń wydanych wobec osób represjonowanych za działalność na rzecz niepodległego bytu Państwa Polskiego // Dziennik Ustaw. – 1994. – N 34, poz 149. – P. 473–475.

207. Vanhanen T. Strategies of Democratization / T. Vanhanen. – Washington : Crane Russak, 1992. – 190 p.

208. Verdery K. What Was Socialism, and What Comes Next? / K. Verdery. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1996. – 298 p.
209. Walicki A. S. ‘Transitional Justice and the Political Struggles of Post-Communist Poland’ / A. S. Walicki // *Transitional Justice and the Rule of Law* / ed. by A. McAdams. – South Bend : University of Notre Dame, 1997. – P. 185–237.
210. Welsh H. A. Dealing with the communist past: Central and East European experiences after 1990 / H. A. Welsh // *Europe-Asia Studies*. – 1996. – Vol. 48, Is. 3. – P. 413–428.
211. Welzel C. The Role of Ordinary People in Democratization / C. Welzel, R. Inglehart // *Journal of Democracy*. – 2008. – Vol. 19, Is. 1. – P 126–140.
212. What is Transitional Justice? International Center for Transitional Justice, 2008 [Electronic resource]. – URL: <http://ictj.org/en/tj/780.html> (дата обращения: 22.05.2021).
213. Wolek A. ‘Lustracja jako walka o reguły polityki I proba wzmacniania legitymizacji nowych demokracji’ / A. Wolek // *Studia Polityczne*. – 2004. – Vol. 15. – P. 147–173.
214. Zaleśny J. Dynamika procedur interpelacyjnych. Doświadczenia okresu transformacji w wymiarze wertykalnym / J. Zaleśny // *Transformacja ustrojowa w Polsce 1989–2009* / ed. by M. Kruk, J. Wawrzyniak. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2011.
215. Zaleśny J. Odpowiedzialność konstytucyjna w prawie polskim okresu transformacji ustawowej / J. Zaleśny. – Toruń, 2004. – 308 p.
216. Zestawienie transferów finansowych środków unijnych od początku członkostwa Polski w UE (stan na koniec grudnia 2018 r.) [Electronic resource]. – URL : <https://mf-arch2.mf.gov.pl/web/bip/ministerstwo-finansow/dzialalnosc/unia-europejska/transfery-finansowe-polska-ue> (дата обращения: 14.11.2021).
217. Zieliński M. Tak Polskę zbudowano. 30-lecie planu Balcerowicza / M. Zieliński // *Gazeta Wyborcza* 01.01.2020 [Electronic resource]. – URL : <https://wyborcza.pl/7,75968,25559301,tak-polske-zbudowano-30-lecie-planu-balcerowicza.html> (дата обращения: 14.11.2021).

218. Zubrzycki G. History and the National Sensorium: Making Sense of Polish Mythology / G. Zubrzycki // *Qualitative Sociology*. – 2011. – Vol. 34, Is. 1. – P. 21–57.

Приложения

Приложение 1.

Президенты Республики Польша

Войцех Ярузельский	1989 - 1990	генерал Народной армии Польши, первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии в 1981 - 1989, затем президент Польской Народной Республики (1989) и президент Республики Польша (1989 - 1990)
Лех Валенса (74,3%, победа над С. Тиминским)	1990 - 1995	первый председатель NSZZ "Solidarność", лауреат Нобелевской премии мира (1983).
Александр Квасьневский (в 1995г -51,7%, победа над Л. Валенсой, в 2000г. 53,9%)	1995 - 2005	министр в правительстве Польской Народной Республики (1985 - 1989), основатель SdRP, депутат (1991 - 1995)
Лех Качиньский (54%, победа над Д. Туском)	2005 - 2010	активист оппозиции в Польской Народной Республике, президент Высшей контрольной палаты (1992 - 1995), депутат, сенатор, министр юстиции и генеральный прокурор
Бронислав Коморовский (52,4%, победа над Я. Качиньским)	2010 - 2015	активист оппозиции Польской Народной Республики, депутат, министр национальной обороны (2000 - 2001), спикер Сейма (2007 - 2010)
Анджей Дуда (51,6%, победа над Б. Комаровским; в 2020 с 51,2% победа над Р. Тшасковким)	с 2015 г. по наст время	заместитель государственного секретаря в Министерстве юстиции, затем в канцелярии президента Л. Качиньского, депутат 7-го срока, депутат Европарламента 8-го срока.

Премьер-министры республики Польша с 1989 гг.

Тадеуш Мазовецкий	1989-1990	В 1960-х член парламента Польской Народной Республики от католической группы <i>Znak</i> , один из ближайших советников Леха Валенсы; участвовал в переговорах за Круглым Столом (1989). В 1990–1995 гг. возглавлял Демократический союз, а затем Союз Свободы, созданный в результате слияния Демократического союза с Либерально-демократическим конгрессом). Был назначен премьер-министром в августе 1989 г. Его кабинет состоял из представителей оппозиции «Солидарность» и бывшего правящего лагеря. Л. Бальцерович стал министром финансов. Во внутренней политике целями правительства были демократизация государства, стабилизация экономики и принятие правил свободного рынка (так называемый план Бальцеровича). Во внешней политике правительство стремилось установить партнерские отношения с Советским Союзом и предприняло шаги по его сближению с Западом, в том числе подано заявление о приеме в Совет Европы и ассоциации с ЕЭС. В ноябре 1990 г., после поражения на президентских выборах, ушел с поста премьер-министра.
Ян Кшиштоф Белецкий	с января по декабрь 1991 г.	Активист оппозиции, после 1989 г. член Либерально-демократического конгресса, а затем Союза Свободы и Гражданской платформы. Продолжал внутреннюю и внешнюю политику предыдущего правительства. Л. Бальцерович сохранил свои позиции. В 1991 г. Польша стала членом Совета Европы, и переговоры по соглашению об ассоциации с ЕЭС были завершены. Ввиду прогрессирующего распада СССР правительство Белецкого установило дипломатические отношения с бывшими советскими республиками. Большое внимание уделялось развитию регионального сотрудничества: были созданы Веймарский треугольник и Вышеградский треугольник.
Ян Ольшевский	1991-1992	Во времена ПНР был активистом оппозиции, защитник оппозиционеров в политических процессах, участник переговоров за Круглым Столом (1989). Основатель и председатель Движения для Республики и Движения Польской реконструкции. Правительство Ольшевского было создано в декабре 1991 г. На протяжении всей своей деятельности оно носило характер меньшинства – коалиция Соглашения Центра, Христианского национального союза и двух других правых партий имела только 114 мест в сейме. Правительство Ольшевского первым заявило о готовности Польши вступить в НАТО. Во внутренней политике предпринимались попытки уладить коммунистическое прошлое. Сейм принял постановление, объявив военное положение незаконным, также была предпринята попытка люстрации (так называемый список Мацеровича). Последние действия

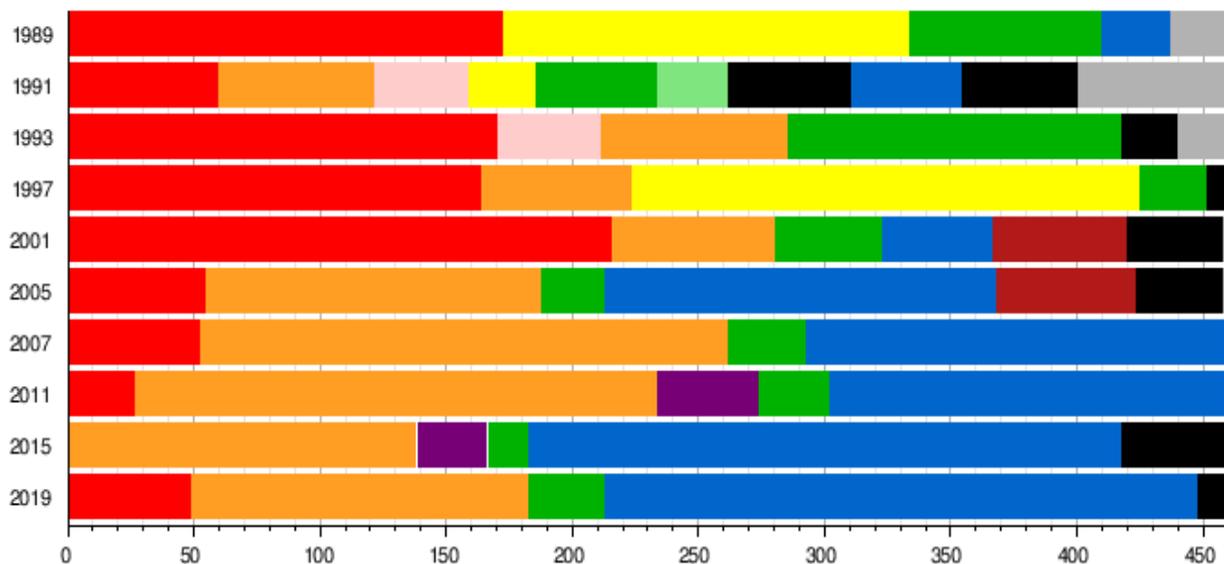
		встретили сильное сопротивление со стороны некоторых депутатов и президента Валенсы. В начале июня 1992 г. Сейм выразил вотум недоверия правительству.
Ханна Сухоцкая	1992-1993	Член Демократического Союза и Союза Свободы. Правительство Х. Сухоцкой было сформировано в июле 1992 г. (коалиция из нескольких групп, в т.ч. Демократический Союз, Либерально-Демократический Конгресс и Христианский Национальный Союз). Во внутренней политике правительство ускорило приватизацию, ввело НДС и начало работу над административной реформой. В 1992 г. в Сейм прошла так называемая Малая Конституция, регулирующая отношения между высшими органами государства. Во внешней политике продолжались усилия по укреплению отношений с НАТО. В 1993 г. был подписан конкордат со Святым Престолом. В мае 1993 г. Сейм выразил вотум недоверия правительству, но президент не принял отставку Совета министров и решил распустить парламент. В этой ситуации кабинет Х. Сухоцкой проработал до октябрьских парламентских выборов, после которых было назначено правительство Вальдемара Павляка.
Вальдемар Павляк	1993-1995	В октябре 1993 г. В. Павляк стал главой коалиционного правительства SLD-PSL. Во внешней политике он продолжал линию по интеграции с западными структурами: Польша присоединилась к программе НАТО «Партнерство ради мира», также было подано официальное заявление о приеме в ЕС. Во внутренней политике правительство прекратило работу над некоторыми реформами, инициированными предыдущим кабинетом (например, местное самоуправление, образование). Конфликты в коалиции и негативное отношение к правительству президента Валенсы привели к тому, что в марте 1995 г. Сейм отстранил В. Павляка от должности премьер-министра.
Юзеф Олексы	1995-1996	Один из лидеров Социал-Демократической партии Польша и Альянса демократических левых сил. Возглавил коалиционное правительство SLD-PSL в марте 1995 г. после отставки В. Павляка. Министр внутренних дел А. Мильчановский обвинил его в шпионаже в пользу России (так называемое дело Олексы), что привело к его отставке в начале 1996 г. Разъяснения, проведенные позже прокуратурой и парламентской комиссией, не подтвердили эти утверждения.
Влодзимеж Цимошевич	1996-1997	Почти непрерывно заседал в парламенте с 1989 г.: до 2005 г. как член Альянса демократических левых сил, а с 2007 г. как независимый сенатор. Возглавил правительство SLD-PSL в феврале 1996 г. после отставки Ю. Олексы. Его кабинет реформировал государственную администрацию, в т.ч. были созданы Министерство экономики, Канцелярия Премьер-министра (вспомогательный аппарат Премьер-министра) и Комитет по европейской интеграции, а в офисах был создан корпус государственной службы.

		Завершилась и работа над новой конституцией - 2 апреля 1997 г. Национальное собрание приняло ее. Правительство Цимошевича просуществовало до конца парламентского срока.
Ежи Бузек	1997-2001	Представитель Гражданской платформы, в 2009-2012 гг. - ее председатель. Премьер-министром коалиционного правительства AWS-UW с октября 1997 г. после парламентских выборов. Правительство Бузека провело четыре важных реформы: - административную - введено трехуровневое территориальное деление государства на коммуны, повяты и воеводства, количество воеводств сокращено до 16, - систему образования - были созданы трехгодичные неполные средние школы, а продолжительность начального образования была сокращена до шести лет, - пенсионную - созданы обязательные частные пенсионные фонды (ОФП), - систему здравоохранения - создано 16 региональных касс медицинского страхования, введен институт терапевта (семейного врача). Принят Закон о люстрации и создан Институт национальной памяти. Во внешней политике процесс вступления в НАТО был завершен (март 1999 г.). Начаты переговоры, связанные с вступлением Польши в ЕС.
Лешек Миллер	2001-2004	Многолетний председатель Альянса демократических левых сил. Во времена ПНР член ПОРП (в 1989–1990 гг. входил в ее высшее руководство), участник переговоров за Круглым Столом (1989). В 2001 г. привел коалицию SLD-UP к победе на парламентских выборах и возглавил коалиционное правительство SLD-UP-PSL. Во внешней политике правительство Миллера завершило переговоры о вступлении Польши в ЕС. Договор о присоединении был подписан в 2003 г. в Афинах, а 1 мая 2004 г. Польша стала членом ЕС. Правительство придерживалось проамериканского курса: в 2003 г. Польша поддержала американскую интервенцию в Ирак и направила туда свои войска. В рамках внутренней политики были реформированы спецслужбы (было ликвидировано Управление государственной защиты, а на его место были созданы Агентство внутренней безопасности и Агентство внешней разведки и служба здравоохранения (вместо Страховой медицинской организации создан Фонд). Позицию премьер-министра ослабило раскрытие так называемого дело Райвина. Следственный комитет Сейма, расследующий дело, выявил сеть неформальных связей между миром бизнеса и политиками из правящего лагеря. Также произошел раскол в SLD. В мае 2004 г. Л. Миллер подал в отставку.
Марек Белка	2004-2005	В 1997 и 2001–2002 гг. заместитель премьер-министра и министр финансов в правительствах левого толка. Был инициатором введения налога на прирост капитала, известного как налог Белка. Занял пост премьер-министра

		<p>после того, как Лешек Миллер ушел в отставку в качестве кандидата, предложенного президентом Квасьневским. Кабинет Белки с самого начала носил миноритарный характер (его поддерживал только SLD), но просуществовал до конца парламентского срока.</p>
Казимеж Марцинкевич	2005-2006	<p>Во времена ПНР был активным оппозиционером. В 90-е гг. - член Христианского национального союза, а затем к партии «Право и Справедливость». В 2007–2008 гг. - директор Европейского банка реконструкции и развития. Занял пост премьер-министра в октябре 2005 г. по рекомендации Я. Качиньского после парламентских выборов, на которых победила PiS. При своем вступлении в должность Марцинкевич объявил, что будут осуществлены коренные изменения в организации государства (проект строительства Четвертой Республики Польша). С момента создания правительство Марцинкевича большую часть времени имело характер меньшинства. Был принят Закон о создании Центрального антикоррупционного бюро (2006 г.) и созданы круглосуточные суды (рассмотрение уголовных дел в ускоренном порядке). Большим достижением правительства во внешней политике было согласование бюджета ЕС на 2007-2013 гг., что было очень выгодно для Польши. В июле 2006 г. подал в отставку.</p>
Ярослав Качиньский	2006-2007	<p>Во времена ПНР активист оппозиции, участник Круглого стола (1989). Основатель и президент Соглашения Центра (1990–1998). В 2001 г. вместе с братом Лехом основал партию «Право и Справедливость» - с 2003 г. является ее президентом. Вступил в должность премьер-министра в июле 2006 г. В ноябре 2007 г. ушел в отставку после поражения на досрочных парламентских выборах. Программа внутренней политики правительства Качиньского напоминала программу предыдущего кабинета. Принят новый закон о люстрации, реформированы военные спецслужбы (военная информационная служба была распущена). Во внешней политике предпринял попытки усилить военное сотрудничество с США (переговоры о строительстве элементов противоракетного щита в Польше).</p>
Дональд Туск	2007-2014	<p>Премьер-министром дольше всех после 1989 г. Во времена ПНР был активным оппозиционером. В 1990-е гг. - председатель Либерально-демократического конгресса, а затем одним из лидеров Союза Свободы. Соучредитель, а в 2003–2014 гг. - председатель Гражданской платформы. После победы на парламентских выборах в 2007 и 2011 гг. стал премьер-министром коалиционных правительств PO-PSL. С 30 августа 2014 г. председатель Европейского Совета. В сентябре 2014 г. ушел в отставку с поста премьер-министра. Реформы: -увеличение пенсионного возраста до 67 лет (ранее было 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин),</p>

		<p>-разделение функций министра юстиции и генерального прокурора,</p> <p>-введение обязательного школьного образования для шестилетних детей,</p> <p>-реформа Открытых пенсионных фондов (ОФЕ) - около 50% накопленных в фондах сбережений были переданы в Учреждение социального страхования, введены добровольные накопления в ОФЕ.</p> <p>Во внешней политике упор делался на сотрудничество в рамках Евросоюза. В 2009 г. по инициативе Польши и Швеции была запущена Восточная политика - программа ЕС по укреплению отношений с Украиной, Беларусью, Грузией, Молдовой, Арменией и Азербайджаном. Его развитие было одним из приоритетов председательства Польши в Совете ЕС в 2011 году.</p>
Ева Копач	2014-2015	<p>Политик Гражданской Платформы, в 2014-2016 гг. - ее председатель. В Сейме с 2001 г. Была министром здравоохранения в первом правительстве Дональда Туска. В 2011–2014 гг. была маршалом Сейма. Возглавила коалиционное правительство PO-PSL в сентябре 2014 г. В ноябре 2015 г., после того как PO проиграла парламентские выборы, ушла из правительства.</p>
Беато Шидло	2015-2017	<p>Политик партии «Право и Справедливость», с 2010 г. - вице-президент. Заняла пост премьер-министра в ноябре 2015 г. после парламентских выборов, на которых PiS получила абсолютное большинство мест в Сейме (235 из 460). Ее кабинет - первое однопартийное правительство с 1989 г. Член Европейского парламента с 2019г.</p>
Матеуш Моравецкий	С 2017 г. по наст. время	<p>Политик партии PiS. Премьер-министр с 2017 г. В 2007–2015 годах он был председателем правления одного из банков. Заместитель премьер-министра (2015–2017 гг.), В 2015–2016 гг. Министр развития, а затем министр развития и финансов (2016–2018 гг.). Министр спорта и развития в 2019 г.</p>

Состав Сейма по итогам выборов

■ Союз демократических левых сил (1989, 1991, 1993, 1997, 2001, 2005, 2007, 2011), Левые (2019)

■ Избирательная акция Солидарности

■ Демократический союз (1993), Союз свободы (1997), Гражданская платформа (2001, 2005, 2007, 2011, 2015, 2019)

■ Польская крестьянская партия

■ Различные правоцентристские партии (1989, 1991), Право и справедливость (2001, 2005, 2007, 2011, 2015, 2019)

■ Различные правые партии (1991, 1993, 1997), Лига польских семей (2001, 2005), Кукиз'15 (2015), Конфедерация (2019)

■ Самооборона

■ Движение Паликота (2011), Современная (2017)

■ Другие партии